

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

49 2025
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Эрнест Резерфорд (1871–1937), британский физик новозеландского происхождения.

Эрнест Резерфорд родился в Новой Зеландии в небольшом поселке Спринг-Грув в семье фермера и был четвертым ребенком в семье из двенадцати детей. Мальчик имел удивительную память, богатырское здоровье и силу. Он с отличием окончил начальную школу, получив 580 баллов из 600 возможных и премию в 50 фунтов стерлингов для продолжения учебы в колледже Нельсона. Стипендия позволила ему продолжить обучение в Кентерберри-колледже в Крайстчерче. В те времена это был маленький университет, в котором учились всего 150 студентов, а преподавали всего семь профессоров. Резерфорд увлекся наукой и с первого дня начал исследовательскую работу. Через несколько лет он получил степень бакалавра и магистра искусств.

В Кентерберри-колледже Эрнест Резерфорд изучал способности намагничивания железа. Он использовал метод высокочастотного разряда и даже придумал специальный детектор, который помогал «ловить» электромагнитные волны. Эти исследования так увлекли молодого ученого, что уже в 1895 году он перебрался в Великобританию и поступил на факультет физики в Кембридже.

Эрнест Резерфорд начал работать в Кавендишской лаборатории при университете. Он стал первым докторантом у Джозефа Джона Томсона, который в 1895 году занимал пост ее руководителя. Эрнест делил лабораторию с другими учеными: Джоном Таунсендом, Джоном МакЛеннаном и Полем Ланжевенном, с которым оставался дружен всю жизнь.

Ученый продолжал работу над детектором, который распознавал электромагнитные волны. Однако он не смог получить повторную стипендию, и поэтому ему пришлось остановить исследования и устроиться репетитором — позволить себе Кембридж он не мог.

В свободное время Эрнест Резерфорд помогал Томсону изучать рентгеновские лучи и их влияние на ионизацию газов. В отличие от коллег, Резерфорд был экспериментатором, а не теоретиком: он плохо знал математику и физику. Однако его отличал гибкий ум и творческое мышление.

В 1898 году Резерфорд проводил опыты с ураном. Физик обнаружил, что если поместить рядом фотопластинку, то в одном источнике радиоактивного излучения возникали сразу два вида частиц с противоположными зарядами.

Ученый обозначил их буквами альфа (положительный заряд) и бета (отрицательный заряд). Через год физик Поль Вийяр открыл частицы нейтрального заряда, которые получили название гамма-лучей. Они были намного короче, чем рентгеновские. Альфа-частица оказалась невероятно тяжелой. Она «весила» два элементарных электронных заряда, или четыре атомные единицы массы. Углубившись в исследования, Эрнест Резерфорд определил, что альфа-частица равна ядру атома гелия, а бета-частица — электрону.

Это открытие перевернуло физику. Однако всемирную известность Резерфорд получил гораздо позже. В 1898 году он перебрался в Канаду и стал профессором в Монреальском университете. В течение следующих пяти лет ученый работал над теорией радиоактивного распада: он подтвердил, что результатом атомного превращения становилось совершенно новое вещество.

Резерфорд совместно с физиками Гейгером и Марсденом провели серию опытов с альфа-частицами. Ученые заметили, что частицы сильно отклонялись, проходя через кусочек фольги. Никто не мог даже подумать о таких результатах: принятая в то время модель атома Томсона отрицала большие углы отклонения. Новые результаты означали, что атом состоял из крайне маленького положительно заряженного ядра. При этом он был самым «тяжелым»: его масса оказалась намного больше, чем у электронов, вращающихся вокруг. Эти данные легли в основу планетарной модели атома, которую Резерфорд разработал в 1911 году.

Еще в 1908 году Эрнест Резерфорд получил Нобелевскую премию по химии за исследования в области распада элементов.

Работая в Кембридже, Резерфорд познакомился там со своей будущей женой Мэри Джорджиной Ньютон. Она была дочерью хозяйки пансиона, где проживал Эрнест. В 1901 году у них родилась дочь Эйлин Мэри. Также всю свою жизнь он поддерживал близкие отношения со своей матерью Мартой Резерфорд, которая была для своего сына первой учительницей. Их взаимопонимание было удивительным, а переписка постоянной, несмотря на то, что они почти всю жизнь прожили вдалеке друг от друга. Когда в 1931 году 60-летнего физика, серьезного ученого, нобелевского лауреата Эрнеста Резерфорда наградили титулом баронета и званием лорда, он первым делом отправил в Новую Зеландию телеграмму. В ней было всего несколько слов: «Итак — лорд Резерфорд. Заслуга более твоя, чем моя. Люблю. Эрнест».

Эрнест Резерфорд ушел из жизни в 1937 году в возрасте 66 лет. Его похоронили в Вестминстерском аббатстве рядом с Ньютоном, Фарадеем и Дарвином.

В честь Эрнеста Резерфорда названы:

- химический элемент номер 104 в периодической системе — резерфордий, впервые синтезированный в 1964 году и получивший данное название в 1997 году (до этого носил название курчатовий);
- астероид (1249) Резерфордия; открытый 3 ноября 1932 года немецким астрономом Карлом Райнмутом в Гейдельбергской обсерватории;
- кратер на обратной стороне Луны;
- жидкостный ракетный двигатель «Резерфорд» частной аэрокосмической компании Rocket Lab.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдуллин И. Ф.

Правовое регулирование рекламы
в Российской Федерации..... 223

Абдуллин И. Ф.

Особенности правовой регламентации
рекламы, распространяемой по сетям
электросвязи..... 227

Агаркова А. А.

Особенности доказательств по делам
об оспаривании результатов определения
кадастровой стоимости 228

Агаркова А. А.

Особенности предмета доказывания
по делам об оспаривании результатов
определения кадастровой стоимости 230

Алимгазиева А. А., Ибрагимова А. Х.

Проблемы дееспособности
несовершеннолетних родителей, не
состоящих в браке..... 231

Альтовская Д. А.

Процессуальные и материально-правовые
аспекты реализации административной
ответственности за финансово-налоговые
правонарушения: проблемы квалификации
и направления модернизации 234

Анисимова С. А.

Судебная практика по делам о конфликте
интересов на государственной гражданской
службе 240

Астровик Я. В.

Мировое соглашение в гражданском
и арбитражном процессе — основной
способ урегулирования конфликта..... 242

Атанова Е. Ю.

Способ совершения преступления
как элемент криминалистической
характеристики мошенничества в сфере
оборота недвижимости 245

Атанова Е. Ю.

Деятельность службы защиты информации
АО «Почта Банк» по предотвращению
инцидентов по операциям без согласия
клиентов..... 247

Афанасьев Н. И.

Функции государственной службы
в современной системе государственного
управления 257

Бажанов Д. О.

Правовое регулирование и проблемы
правоприменительной практики
деятельности лицензионно-разрешительных
подразделений Росгвардии 259

Божко К. С.

Право законодательной инициативы
прокуратуры: быть или не быть? 261

Бульдяева К. А.

Уголовно-правовое противодействие
недобросовестному банкротству как угрозе
стабильности кредитной системы 264

Васильев А. С., Емельянова А. А.

Возникновение и развитие обязательств..... 266

Васильев А. С., Емельянова А. А.

Представления об общих правилах
производства следственных действий
в исторической ретроспективе..... 268

Васильков А. В.

Теоретические основы финансового
контроля и административная
ответственность за его нарушение 270

Васильков А. В.

Особенности правового регулирования
практики применения мер административной
ответственности за нарушение финансового
контроля..... 273

Голубенко Н. Р.

Перспективы развития уголовного права
в контексте цифровых технологий..... 277

Громова А. В.

Генезис уголовно-правового регулирования
конфискации имущества 279

Гульчеев С. А.

Мировые судьи в Российской Федерации:
проблемы организации и финансирования.... 288

Дементьев О. Д.

Понятие водоохранных зон в зарубежном
законодательстве..... 290

Джанкезов А. А.

Заключение специалиста как средство
доказывания в уголовном судопроизводстве . 292

Дубинин В. В., Исаев М. А.

Особенности субсидиарной ответственности
в процедурах банкротства 295

Дубинин В. В., Исаев М. А.

Влияние психотропных веществ
на самоповреждения: судебно-медицинский
и психиатрический анализ 297

Елисеева А. В.

Современные проблемы допустимости
результатов оперативно-розыскной
деятельности в делах о терроризме
и роль государственного обвинителя в их
преодолении 299

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовое регулирование рекламы в Российской Федерации

Абдуллин Ильназ Фагимович, студент

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Слово «реклама» происходит от латинского слова *creclamare*, что означает «выкрикивать», таким образом, еще с древних времен подчеркивается основная суть рекламы — это привлечение внимания.

Основным нормативно-правовым актом, который регулирует рекламную деятельность в Российской Федерации является Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (Далее — ФЗ «О рекламе») [1]. Так согласно п.1 ст. 3 ФЗ «О рекламе» под рекламой понимается определенная информация, которая распространяется любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Анализ определения позволяет сформулировать вывод о том, что законодатель как бы формулирует три основные цели рекламы: привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Однако стоит отметить, что, в сущности, содержание самих целей в нормативно-правовых актах не фигурирует, в связи, с чем следует обратиться к теории.

Так, например, Свиридова Е. А. под рекламой понимает следующее: «реклама — ознакомление потребителя с товаром или услугой, которое предлагает данное производственное, торговое или иное предприятие [2]. Но делает сноску на то, что рекламой будет являться лишь соответствующие её признакам, например, видеоролики, показываемые на видеозвуковом табло, которое представляет только информационный носитель.

Примечательно, что законодатель раскрывает понятие «реклама» через другое понятие «информация» значение, которого уже отражено в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Таким образом, в п.1 ст. 2 данного закона понятие «информация» понимается как любые сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Палехова Е. А. считает, что понятие рекламы раскрывается слишком широко, так как под информацией можно понимать, начиная от произнесенного слова заканчивая демонстрацией жеста. По мнению Палеховой Е. А. информация в контексте рекламы должна включать в себя именно познавательный-ценностный элемент [4]. Исходя из соотношений информации и рекламы, можно сделать вывод, что они соотносятся как общее к частному: любая реклама — это всегда информация, однако не любая информация — это всегда реклама.

Однако информация не признается рекламой, если ее распространение является требованием закона. Так, к примеру, ст. 9 Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [5] обязывает изготовителя донести до потребителя всю необходимую информацию о фирменном наименовании, месте нахождения и режиме работы организации. Ст. 10 вышеназванного закона обязывает изготовителя довести до потребителя всю необходимую информацию о товаре. Иными словами законодатель требует своего рода маркировки рекламы.

Что же такое маркировка рекламы?

Федеральный закон № 38-ФЗ «О Рекламе» претерпел значительные изменения, начиная с 1 сентября 2022 года, что привело к введению обязательной маркировки для онлайн-рекламы. Первоначально были установлены штрафы за отсутствие явного указания на рекламный характер публикации и идентификацию рекламодателя. С 1 сентября 2023 года система была дополнена требованиями по наличию уникального цифрового кода (токена) и корректному предоставлению отчетности о распространяемой рекламе, за несоблюдение которых также предусмотрены штрафы. В данной статье мы подробно рассмотрим механизм маркировки, разъясним ключевые понятия, такие как ЕРИР, ОРД и токен, и определим, какие виды контента требуют обязательной маркировки для предотвращения штрафных санкций.

Маркировка рекламы — это комплекс требований, включающий в себя:

- Обязательное указание «реклама».
- Идентификацию рекламодателя.
- Присвоение уникального токена с данными рекламодателя каждому рекламному материалу.
- Предоставление отчетности в ЕРИР (Единый реестр интернет-рекламы).

Ответственность за маркировку лежит на рекламодателях, распространителях рекламы и операторах рекламных систем. Это касается:

- Онлайн-продавцов и производителей, размещающих рекламу.
- Владельцев интернет-площадок (сайтов, каналов, сообществ, изданий) и блогеров, публикующих рекламу.
- Специалистов (фрилансеров и компаний), занимающихся настройкой и размещением рекламы.

Предлагаю разобраться, какую рекламу следует подвергать маркировке, а какую необязательно. Под действие закона попадает любая онлайн-публикация, направленная на привлечение внимания неопределенного круга лиц к продукту или услуге. Это могут быть баннеры, посты, видео, контекстная реклама и другие форматы с рекламным содержанием.

Более того, самореклама также подпадает под действие этих правил. Как подчеркивает Роскомнадзор, если компания размещает собственные рекламные материалы на своем собственном интернет-ресурсе, то эти материалы также должны быть промаркированы в соответствии с установленными требованиями.

Это означает, что даже если вы размещаете информацию о своем продукте или услуге на своей странице в социальной сети, или на своем корпоративном сайте, и эта информация направлена на то, чтобы люди узнали о вас, заинтересовались и захотели купить, то она должна быть маркирована.

Важно понимать, что маркировка не является чем-то сложным или недоступным. Она включает в себя указание на то, что это реклама, и предоставление информации о рекламодателе. Это делается для прозрачности и защиты потребителей от недостоверной или вводящей в заблуждение информации.

Таким образом, любая форма продвижения, будь то прямая реклама или косвенное формирование интереса, подпадает под действие закона о маркировке. Это касается как коммерческих организаций, так и, в некоторых случаях, индивидуальных предпринимателей.

Следовательно, перед публикацией любого контента, который может быть расценен как реклама, необходимо убедиться, что он соответствует всем требованиям законодательства, включая обязательную маркировку. Это поможет избежать штрафов и других негативных последствий.

Однако, как и в любых правилах, существуют исключения. Исключения из правил маркировки:

- Email-рассылки.
- Push-уведомления.
- Реклама, опубликованная до 1 сентября 2022 года.

- Реклама вне интернета.
- Неизмененные записи теле — и радиозаписей с рекламой.

Также маркировка не требуется для рекламы, размещенной в интернете за пределами РФ и не нацеленной на российскую аудиторию. Однако, если вы находитесь за рубежом, но ваша реклама ориентирована на пользователей в России, маркировка обязательна.

За игнорирование требований закона о маркировке рекламы предусмотрена административная ответственность в виде штрафов. Ответственность за соблюдением этих норм несут Роскомнадзор и ФАС.

Статья 14.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ устанавливает следующие штрафные санкции за нарушения:

Если реклама не помечена как «реклама» и не содержит данных о конечном рекламодателе:

- Физические лица могут быть оштрафованы на сумму от 2 000 до 2 500 рублей.
- Для должностных лиц штраф составит от 4 000 до 20 000 рублей.
- Юридические лица столкнутся со штрафом от 100 000 до 500 000 рублей.

При отсутствии в рекламе обязательного токена:

- Физические лица: от 30 000 до 100 000 рублей.
- Должностные лица: от 100 000 до 200 000 рублей.
- Юридические лица: от 200 000 до 500 000 рублей.

В случае некорректной или отсутствующей отчетности о распространении рекламы в ЕРИР через ОРД:

- Физические лица: от 10 000 до 30 000 рублей.
- Должностные лица: от 30 000 до 100 000 рублей.
- Юридические лица: от 200 000

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) уже начала применять санкции за нарушения маркировки. Ярким примером может послужить, что в одном Telegram-канале было выявлено 16 рекламных постов, оформленных с нарушениями: в некоторых случаях маркировка отсутствовала, в других — была неверной (например, отсутствовала пометка «Реклама» или токен был указан не в начале поста).

За отсутствие маркировки рекламы ответственность несут все участники размещения. Исключение: если по договору ответственность за маркировку возложена на рекламораспространителя или оператора рекламной системы.

Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР) — это государственная база данных, которую ведет Роскомнадзор. Ее цель — отслеживать всю рекламу, размещаемую в интернете. Важно понимать, что вы не можете самостоятельно отправлять информацию в ЕРИР. Этим занимается специальная организация — оператор рекламных данных (ОРД).

На данный момент существует семь компаний, получивших аккредитацию на роль ОРД. Список этих операторов можно найти на сайте Роскомнадзора. Ниже приведены варианты как платных, так и бесплатных ОРД:

Бесплатные варианты:

- «Яндекс»;
- «ВК Рекламные технологии».

Платные варианты:

- «ОЗОН ОРД»;
- «Лаборатория разработки» («Сбер»);
- «МедиаСкаут» (МТС);
- «Первый ОРД» («ВымпелКом»);
- «ОРД-А» («Амбердата»).

Токен — это уникальный код, состоящий из букв и цифр. Он служит для идентификации и учета информации о рекламных материалах. Проще говоря, это индивидуальный «ярлык» для каждого рекламного объявления (креатива). Токен необходимо получить до запуска рекламы и обязательно включить в само объявление.

Генерацией токенов занимаются ОРД. Чтобы получить токен, вам нужно зарегистрировать свой рекламный материал (креатив) у оператора. После этого ОРД выдаст вам уникальный токен. Каждый токен присваивается одному конкретному рекламному материалу.

Если вы планируете размещать рекламу через сервис Яндекс Директ, то заботу о получении токена от ОРД возьмет на себя сам сервис.

Таким образом, ЕРИР выступает в роли централизованной системы учета, а ОРД — это посредники, которые обеспечивают передачу данных в эту систему и генерируют уникальные идентификаторы (токены) для каждого рекламного объявления. Токен, в свою очередь, является ключевым элементом для маркировки и последующего отслеживания рекламы в интернете, гарантируя прозрачность рекламной деятельности и соблюдение законодательных требований.

Для корректной маркировки рекламного материала необходимо соблюсти следующие требования:

Обязательное указание слова «Реклама».

Включение токена (в ссылку или в текст/изображение креатива).

Предоставление информации о рекламодателе (непосредственно или через ссылку). Просто надпись «Реклама» без этого недействительна.

Владельцы блогов и аккаунтов в социальных сетях часто делятся информацией о своих продуктах, услугах, публикуют отзывы и полезные материалы. Нужно ли маркировать эти публикации как рекламу? Ответ зависит от характера контента.

Не нужно маркировать: Если вы просто информируете о деятельности компании, демонстрируете товары и услуги, это не считается рекламой. Например, карточки товаров на маркетплейсе, содержащие информацию о ценах, ассортименте и акциях, не требуют маркировки, так как они не направлены на продвижение конкретных товаров.

Нужно маркировать: Если вы используете материалы для привлечения внимания к конкретным продуктам, услугам или категориям, например, размещаете яркие баннеры или делаете акцент на определенных товарах, это может быть признано рекламой. В этом случае необхо-

димо соблюдать все требования по маркировке: регистрировать рекламу, указывать идентификатор, пометить как «реклама» и отчитываться о результатах. Это относится и к публикациям на ваших страницах в социальных сетях.

Обязательно для всей интернет-рекламы: вся реклама, ориентированная на российских пользователей, подлежит маркировке. Это включает в себя регистрацию в Операторе рекламных данных (ОРД), добавление идентификатора, указание рекламодателя, пометку «реклама» и предоставление отчетов о показах.

Передача данных через ОРД: все данные о размещении рекламы должны быть переданы в Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР) через ОРД. Хранение данных осуществляется в течение пяти лет. Самостоятельная передача данных невозможна, это делается через операторов рекламных данных.

Стороны, участвующие в размещении рекламы в интернете, должны четко определить, кто будет отвечать за регистрацию рекламы и отправку отчетов в единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР) через ОРД. Это можно поручить, например, блогеру-самозанятому, но прежде необходимо убедиться, что он понимает, как это правильно делать.

Хотя закон возлагает ответственность за нарушение правил маркировки на всех участников рекламной кампании, на практике зачастую привлекают к ответственности только непосредственного исполнителя (например, владельца канала).

Чтобы избежать проблем с законом, необходимо заключить договор и в нём зафиксировать конкретные обязанности по маркировке рекламы. При заключении договора можно прописать те аспекты, которые посчитаете самыми необходимыми. Например:

Исполнитель (например, блогер) обязуется до размещения рекламы передать через ОРД в ЕРИР все необходимые сведения для получения рекламного токена.

Исполнитель обязуется добавить пометку «Реклама», информацию о рекламодателе и рекламный токен во все рекламные материалы.

Исполнитель обязуется передавать через ОРД в ЕРИР информацию о результатах рекламной кампании в установленные сроки.

При покупке рекламы у блогера-самозанятого заключение договора обязательно. Без договора невозможно получить рекламный токен, необходимый для публикации рекламы.

Помимо договора, для подготовки отчета в ОРД требуется акт об оказании услуг, в котором указаны объем, стоимость, период оказания услуг и подтверждение их надлежащего выполнения. Чек от самозанятого недостаточен для целей отчетности по маркировке рекламы.

Таким образом, для соблюдения законодательства о маркировке интернет-рекламы при работе с самозанятым блогером необходимы два ключевых документа:

— Договор, который определяет обязанности сторон по маркировке, включая получение токена и передачу данных в ЕРИР.

— Акт об оказании услуг, который подтверждает факт оказания рекламных услуг, их объем, стоимость и период, а также отсутствие претензий со стороны заказчика.

Отсутствие договора делает невозможным получение рекламного токена, что влечет за собой нарушение закона о маркировке рекламы. Отсутствие акта об оказании услуг затрудняет или делает невозможным формирование корректного отчета для ОРД, что также может привести к штрафам.

При выборе ОРД стоит учитывать его надежность, удобство интерфейса и наличие технической поддержки. Важно, чтобы ОРД предоставлял понятные инструкции и помогал в процессе регистрации рекламы и отправки отчетов.

Независимо от того, кто отвечает за маркировку рекламы, необходимо убедиться, что ответственное лицо обладает достаточными знаниями и навыками для выполнения этой задачи. Рекомендуется пройти обучение или консультацию по вопросам маркировки интернет-рекламы.

Законодательство о маркировке интернет-рекламы постоянно меняется, поэтому важно следить за обновлениями и своевременно адаптировать свои процессы. Регулярно проверяйте информацию на сайтах Роскомнадзора и других компетентных органов.

Чтобы получить рекламный токен для этого вам нужно выбрать одного из семи операторов рекламных данных (ОРД) и зарегистрироваться у него.

Необходимо указать данные о договоре на рекламу между заказчиком и исполнителем. Следующим шагом необходимо указать площадку, где будет размещена реклама. Затем описать рекламируемый продукт и формат рекламы.

Отчитайтесь о результатах рекламной кампании в ОРД.

Укажите количество просмотров, расходы и документы об оказании услуг. Отчеты нужно подавать ежемесячно.

Выбирая ОРД, следует тщательно оценить свои потребности и бюджет. Бесплатные варианты могут быть привлекательны, но ограничены платформами, где планируется размещать рекламу. Платные ОРД предлагают больше возможностей, но требуют ежемесячной оплаты.

Если все же использовать бесплатные варианты, нужно обратить внимание на сроки тестовых периодов. Уточнить, когда они заканчиваются, чтобы избежать неожиданных расходов.

В заключение стоит подчеркнуть, что введение обязательной маркировки интернет-рекламы — это важный шаг к созданию более прозрачного и ответственного рекламного рынка в России. Несмотря на кажущуюся сложность, соблюдение установленных правил и требований вполне реально и доступно для всех участников рекламной деятельности.

Понимание ключевых понятий, таких как ЕРИР, ОРД и токен, а также четкое разграничение контента, подлежащего и не подлежащего маркировке, позволит избежать штрафов и других негативных последствий. В конечном счете, следование букве закона не только защитит ваш бизнес, но и внесет вклад в формирование цивилизованных отношений между рекламодателями, распространителями и потребителями рекламы в цифровой среде.

И помните, незнание закона не освобождает от ответственности. Будьте внимательны, информированы и ответственны в своей рекламной деятельности, и тогда закон о маркировке станет не преградой, а инструментом для построения долгосрочных и доверительных отношений с вашей аудиторией.

Литература:

1. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 29 сентября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1232; 2025. — № 1. — Ст. 56.
2. Свиридова Е. А. Правовое регулирование рекламы: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е. А. Свиридова — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. — С. 123.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — 31. — Ст. 3448; 2025 — № 1. — Ст. 10.
4. Палехова Е. А. Понятие информации и цифровой экономики: правовые аспекты // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». — 2022. — № 2. — С. 46.
5. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 15 октября 2025 г.) «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 24. — Ст. 4188.

Особенности правовой регламентации рекламы, распространяемой по сетям электросвязи

Абдуллин Ильназ Фагимович, студент

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор исследует вопросы правовой регламентации рекламы, распространяемой по сетям электросвязи. В исследовании рассматриваются текущие пробелы и коллизии в рекламном законодательстве, где по итогу автор приходит к своим собственным обоснованным выводам, которые могут быть полезны для изменения законодательства и для дальнейших исследований в области права.

Ключевые слова: рекламное законодательство, регламентация рекламы, распространяемой по сетям электросвязи.

В настоящее время распространение рекламы по сетям электросвязи является весьма распространенным явлением. Данный способ рекламы задействован в различных бизнесах: продажа одежды, банковские услуги (прежде всего кредиты), услуги мобильных операторов. Он привлекателен для рекламодателя тем, что не требует больших затрат со стороны, а также позволяет охватить максимальное количество потребителей. Важность регламентации данных отношений неоспорима, так как доказано, что нарушение правил распространения рекламы по сетям электросвязи может нанести вред психологическому и физическому здоровью лиц. Это может также подтолкнуть потребителя в его выборе, и он не всегда может быть рациональным [4, с. 815].

Однако правовая регламентация рекламы, распространяемой по сетям электросвязи, не является совершенной, на практике встречаются проблемы и коллизии, которые требуют своего разрешения.

Так, достаточно часто рекламодатели вставляют положение о согласии на получение рекламы посредством электронной связи в текст общих условий договора. То есть явно присутствует пробел: не урегулирован минимально необходимый формат, то есть можно ли согласие «завернуть» со всеми условиями договора либо же согласие необходимо подписывать в отдельном документе [3, с. 98].

Как итог отсутствие четких правил позволяет рекламодателям ссылаться на заранее полученное «согласие» и это все приводит к сложностям защиты прав абонентов.

Пробел также присутствует и в отношении срока хранения согласия. То есть получается, что закон возлагает бремя на рекламодателя, однако не говорит о том, как это надо сделать, а потому такая неопределенность приводит к массовым нарушениям прав граждан.

Помимо прочего возникает следующий вопрос: будет ли присутствовать нарушение, если лицо не успело ответить на звонок и самостоятельно позвонило распространителю рекламы. На наш взгляд, на данный вопрос стоит ответить утвердительно, так как абонент все же не высказал своего согласия на распространение рекламной информации, как того требуют положения ч. 1 ст. 18 ФЗ «О рекламе». Самостоятельный звонок не могут рассматриваться как согласие в виде конклюдентных действий, так

как лицо не знало о том, что ему звонит распространитель рекламы.

Однако, как нам кажется верным, соответствующие пояснения надо проводить на уровне закона. В этой связи в ст. 18 ФЗ «О рекламе» необходимо установить, что под «согласием на получение рекламы» стоит понимать «добровольно выраженную волю лица в форме, которая позволяет идентифицировать такое лицо».

Нами также предлагается получать согласие в явном виде, к примеру, путем отдельной отметкой в договоре, либо путем подписания отдельного документа. В самой форме согласия обязательно должно присутствовать указание, что такое согласие не является обязательным и лицом в любой момент может отозвать свое согласие. Как итог усиление регламентации данной процедуры повысит юридическую определенность нормы, что поставит абонента в более защищенное положение.

В ст. 18 ФЗ «О Рекламе» никаким образом не регулируется вопрос о том, сколько должно храниться согласие о получении рекламной информации посредством электронной связи. Как нам кажется, что речь должна идти про весь срок, в течение которого реклама распространяется, а также еще в течение 3 лет с момента, когда это было прекращено. 3 года выбрано не случайно — это срок исковой давности по гражданским делам, на случай если абонент решит обратиться в суд для защиты своих прав [2, с. 46].

В ч. 2 ст. 18 Закона «О рекламе» содержится запрет на автоматический дозвон или рассылку рекламы без участия человека, то есть речь идет про автонаборные системы (роботов, автодозвона).

Положения ч. 2 ст. 18 Закона «О рекламе» сформулированы достаточно строго и это повышает защищенность граждан, однако стоит пояснить следующее. Нормы ч. 2 ст. 18 Закона «О рекламе» не должна распространяться на срочные уведомления или же экстренные оповещения — то есть необходимо учитывать контекст передаваемой информации.

Некоторые авторы в этой связи предлагают данную норму дополнить и указать, что под действие данной нормы не подпадают оповещения чисто информационного характера от оператора связи.

В век информационных технологий взаимодействие людей в основном происходит в мессенджерах и звонки также осуществляются в них. В этой связи может возникнуть вопрос, не попадают ли такие действия под нормы ст. 18.1 ФЗ «О рекламе», которые регулируют отношения в интернет-пространстве. Ответ на данный вопрос отрицательный. То есть даже если это не «обычная» телефония, а интернет-звонок, то все равно применяются положения ст. 18 ФЗ «О рекламе», потому что фактически используется идентификатор абонента (номер, к которому «привязан» мессенджер). В том же случае, если реклама осуществляется в самом мессенджере, к примеру, в канале, группе, путем взаимодействия с ботом и т. д., то вот тут уже будут применяться положения ст. 18.1 ФЗ «О рекламе» [1, с. 217].

В то же время положения ч. 2 ст. 18 ФЗ «О рекламе» не регламентируют ситуацию, когда речь идет про гибридные системы, то есть когда сначала присутствует автоматический звонок, однако позже происходит перевод на оператора. По причине того, что в данной статье об этом ничего не сказано, то хозяйствующие субъекты этим пользуются. Как нам кажется, в данной статье стоит

также прямо отразить, что гибридные системы также являются под запретом.

В ч. 3 и 4 ст. 18 ФЗ «О рекламе» регламентируется реклама в рамках справочного телефонного обслуживания. Так, в ч. 3 отмечается, что реклама в справочных службах может звучать только после предоставления запрашиваемой абонентом информации (причем как в платных, так и в бесплатных мобильных справочниках). То есть сначала оператор предоставляет абоненту требуемую им справку, а уже после, если абонент выразит свое желание, озвучивается рекламное сообщение. Практический смысл данной нормы вполне понятен, и он заключается в том, чтобы не отвлекать абонента до момента пока он не получит желанную информацию.

На практике положения п. 3 и 4 ст. 18 ФЗ «О рекламе» не вызывают никаких споров и дискуссий, они весьма конкретны. Однако можно предложить установить легальную дефиницию термина «справочное обслуживание» и под ним нами предлагается понимать услугу в виде предоставления по запросу абонента актуальной информации, которая осуществляется в режиме реального времени.

Литература:

1. Заббарова А. В. Эволюция рекламы: от зарождения до современных тенденций // Устойчивое развитие науки и образования. — 2021. — № 7. — С. 214–217.
2. Купрюшина О. М., Романов А. А. Актуальные вопросы распространения рекламы // Современная экономика: проблемы и решения. — 2023. — Т. 4. — С. 45–49.
3. Табаксюроева А. В. Правовая характеристика способов распространения рекламы // Наука. Общество. Государство. — 2022. — Т. 5. — №. 2 (18). — С. 98–102.
4. Филатова, В. И. Проблемы правового регулирования рекламы, распространяемой по сетям электросвязи // Инновации. Наука. Образование. — 2020. — № 22. — С. 814–822.

Особенности доказательств по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости

Агаркова Анна Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена комплексному анализу судебного доказывания по делам об оспаривании кадастровой стоимости недвижимости. Подробно рассматривается система доказательств, где ключевую роль играет отчет об оценке. Отмечается значение иных доказательств, подтверждающих индивидуальные характеристики объекта, а также процессуальные требования статьи 246 КАС РФ к обязательным документам.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, кадастровая стоимость, административное судопроизводство.

Ключевое значение кадастровой стоимости объектов недвижимости определяется ее фискальной функцией, поскольку именно она служит базой для исчисления налога на имущество организаций, земельного налога и арендных платежей в установленных законом случаях [1]. Данный подход находит подтверждение в положениях постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 30 июня 2015 г. № 28, где разъяснено, что кадастровая стоимость устанавливается для целей налогообложения и иных предусмотренных федеральными законами случаев. Нормативную основу этого института составляют пункт 5 статьи 65 Земельного кодекса Российской Федерации, статьи 375, 390, 402 Налогового кодекса Российской Федерации, а также Федеральный закон «Об оце-

ночной деятельности в Российской Федерации» [2], [3], [4], [5].

Первоначальное установление кадастровой стоимости осуществляется в рамках процедуры государственной кадастровой оценки, проводимой по решению уполномоченного органа власти субъекта РФ или органа местного самоуправления, с последующим внесением сведений в Единый государственный реестр недвижимости. Однако законодатель предусмотрел механизм судебного оспаривания результатов такой оценки через подачу административного искового заявления с одним из двух альтернативных требований: об установлении рыночной стоимости объекта недвижимости либо об изменении кадастровой стоимости в связи с выявлением недостоверных сведений об объекте оценки.

Предмет доказывания по данной категории дел имеет сложную структуру и включает два основных элемента: достоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при расчете кадастровой стоимости, и обоснованность предлагаемой рыночной стоимости. При этом Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 20-П указал, что расхождение между кадастровой и рыночной стоимостью само по себе не свидетельствует о нарушении прав, если оно остается в пределах допустимого отклонения, предусмотренного стандартами оценки.

Центральное место в системе доказательств по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости занимает отчет об определении рыночной стоимости, который должен быть подготовлен оценщиком — членом саморегулируемой организации в строгом соответствии с законодательством об оценочной деятельности. Суд проверяет не только формальное соответствие отчета установленным требованиям, но и обоснованность примененных методов оценки, полноту и достоверность использованной информации. Существенную роль в доказывании играют документы, подтверждающие индивидуальные характеристики объекта, которые не были учтены при проведении государственной кадастровой оценки: документы об обременениях и ограничениях, акты обследования технического состояния, заключения о наличии дефектов, градостроительные планы земельных участков.

Статья 246 КАС РФ устанавливает исчерпывающий перечень обязательных доказательств, включая:

- 1) выписку из Единого государственного реестра недвижимости о кадастровой стоимости объекта недвижимости, содержащая сведения об оспариваемых результатах определения кадастровой стоимости;
- 2) нотариально заверенную копию правоустанавливающего или правоудостоверяющего документа на

объект недвижимости, если заявление о пересмотре кадастровой стоимости подается лицом, обладающим правом на объект недвижимости;

3) документы, подтверждающие недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости, если заявление о пересмотре кадастровой стоимости подается на основании недостоверности указанных сведений;

4) отчет, составленный на бумажном носителе и в форме электронного документа, когда заявление о пересмотре кадастровой стоимости подается на основании установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости.

Несоблюдение этих требований влечет применение процессуальных санкций в виде оставления заявления без движения. Важно отметить, что при оспаривании по основанию недостоверности сведений предоставление отчета об оценке не является обязательным, что составляет принципиальное процессуальное различие между двумя основаниями пересмотра.

Особую практическую значимость имеет требование хронологического соответствия дат оценки. В соответствии со статьей 24.18 Закона об оценочной деятельности, рыночная стоимость должна определяться на ту же дату, на которую была установлена оспариваемая кадастровая стоимость.

Несоблюдение этого требования является распространенной процессуальной ошибкой и регулярно влечет отказ в пересмотре кадастровой стоимости.

Анализ судебной практики выявляет системные проблемы в области доказательств по рассматриваемой категории дел. Основная сложность заключается в доминирующей роли отчета об оценке, когда суд, не обладая специальными познаниями, вынужден выбирать между двумя технически сложными документами. Дополнительные проблемы связаны с непоследовательной практикой назначения экспертиз, которые часто дублируют задачи отчета об оценке. Конституционный Суд РФ сформулировал принцип множественности достоверных оценок, признающий объективно допустимые расхождения в результатах оценки.

Для совершенствования процессуальных механизмов необходим комплекс мер, включающий активное использование института специалиста для консультаций по методологическим вопросам, оптимизацию подходов к назначению экспертиз и смещение их фокуса на проверку методической обоснованности представленных отчетов. Реализация этих мер будет способствовать достижению баланса между публичными интересами налогоплательщиков и защитой прав собственников недвижимости.

Литература:

1. Тихонова К. В., Ушанлы В. А. Оспаривание результатов определения кадастровой стоимости // Экономика и экология территориальных образований. — 2015. — № 4.

2. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28// СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
3. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3813.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть вторая) (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 01.09.2025)// СЗ РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.

Особенности предмета доказывания по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости

Агаркова Анна Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В представленной статье рассматривается комплекс проблем, связанных с определением предмета доказывания в административном судопроизводстве по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. Автор рассматривает центральное место института судебного доказывания в административном процессе, рассматривает роль суда и специфику распределения бремени доказывания.

Ключевые слова: предмет доказывания, доказывание, кадастровая стоимость, административное судопроизводство.

Институт судебного доказывания занимает центральное место в любой процессуальной отрасли права, включая административное судопроизводство. Его целью является установление фактов, имеющих значение для правильного и своевременного разрешения дела.

В административном процессе доказывание характеризуется активной ролью суда, что призвано уравнивать стороны, а также спецификой распределения бремени доказывания [2].

Деятельность по доказыванию представляет собой последовательность стадий: определение обстоятельств, подлежащих доказыванию, собирание, исследование и оценка доказательств.

Особую сложность на практике представляет собой определение предмета доказывания — круга обстоятельств, которые необходимо установить для разрешения дела. В контексте дел об оспаривании кадастровой стоимости этот вопрос приобретает особую актуальность.

Предмет доказывания в административном судопроизводстве формируется из обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных значимых для дела фактов. Источниками его определения являются нормы материального и процессуального права, а также основания административного иска и отзыва на него. В отличие от гражданского судопроизводства, где многие обстоятельства закреплены в кодифицированных актах (например, в Гражданском кодексе РФ), в делах публично-правового характера, регулируемых Кодексом административного судопроизводства РФ (КАС РФ), материально-правовые нормы рассредоточены по множеству федеральных законов.

Применительно к делам об оспаривании кадастровой стоимости предмет доказывания, как следует из анализа законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, включает два ключевых аспекта: достоверность или недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости, и достоверность рыночной стоимости, устанавливаемой в качестве кадастровой.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных проблем, связанных с предметом доказывания по данной категории дел.

Ключевая проблема заключается в сложности определения и разграничения обстоятельств, подлежащих доказыванию. Предмет доказывания здесь в значительной степени опосредован специальными знаниями в области оценки недвижимости. Административному истцу необходимо доказать не просто несоответствие кадастровой стоимости, а именно недостоверность исходных данных или нарушение методики проведения государственной кадастровой оценки. Это требует привлечения специальных доказательств, прежде всего отчета об оценке рыночной стоимости, что создает дополнительные финансовые и процессуальные сложности.

Возникает проблема двойственности предмета доказывания. С одной стороны, административный истец должен оспорить законность результата кадастровой оценки, указав на конкретные нарушения. С другой стороны, он вынужден позитивно доказывать действительную стоимость объекта, представляя альтернативный отчет о рыночной стоимости. Это приводит к ситуации, когда суд в рамках одного производства оценивает две разные оце-

ночные процедуры — массовую (кадастровую) и индивидуальную (рыночную). Такая двойственность создает риски подмены предмета доказывания: спор о законности административного акта (результата кадастровой оценки) может трансформироваться в спор о правильности расчета стоимости, что не в полной мере соответствует цели административного судопроизводства [1].

Усугубляет ситуацию отсутствие в законодательстве исчерпывающего перечня оснований для оспаривания. Это порождает правовую неопределенность в вопросе о том, какие именно обстоятельства составляют предмет доказывания в каждом конкретном случае. Является ли достаточным для удовлетворения иска сам факт существенного превышения кадастровой стоимости над рыночной, как на это указывает правовая позиция Конституционного Суда РФ, или же необходимо доказывать исключительно нарушения процедуры и методики? Отсутствие четкого ответа приводит к разнородной судебной практике и возложению на правообладателя избыточного бремени доказывания.

Для преодоления указанных проблем и повышения эффективности судебной защиты прав правообладателей необходимы изменения как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

Устранение законодательной неопределенности. Целесообразно дополнить главу 25 КАС РФ или Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» нормой, содержащей исчерпывающий перечень оснований для оспаривания результатов определения кадастровой стоимости. Это позволит четко определить предмет доказывания для каждой категории нарушений и унифицировать практику [3], [4].

Таким образом, особенности предмета доказывания по делам об оспаривании кадастровой стоимости порождают комплекс проблем, создающих существенные препятствия для эффективной судебной защиты. Двойственность предмета доказывания, его тесная связь со специальными знаниями, законодательная неопределенность и сложность установления причинно-следственных связей формируют избыточное бремя для сторон судебного процесса. Совершенствование материальных и процессуальных норм, направленное на четкое определение оснований для оспаривания, разграничение предмета доказывания и снижение процессуальной нагрузки на правообладателя, будет способствовать большей предсказуемости и единообразию судебной практики, а также укреплению гарантий защиты имущественных прав.

Литература:

1. Крупейников К. В. Понятие и предмет судебного доказывания в гражданском процессе. //Аграрное и земельное право. — 2022. — № 11 (215).
2. Новицкий В. А. Цель и задачи судебного доказывания // Общество и право. — 2010. — № 1 (28).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС
4. «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/.
5. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3813.

Проблемы дееспособности несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке

Алимгазиева Алина Арслановна, студент;

Ибрагимов Айсель Хайямовна, студент

Научный руководитель: Очкина Анастасия Андреевна, преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

Изучение проблем дееспособности несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке, является крайне актуальным для разработки конкретных предложений по совершенствованию законодательства, оптимизации правоприменительной практики и созданию эффективной системы социальной поддержки. Это позволит обеспечить полноценную защиту прав ребенка, способствовать социальной адаптации и формированию ответственного родительства у молодых матерей и отцов, а также укрепить институт семьи в целом.

Ключевые слова: брак, несовершеннолетние родители, статус, правовое положение, ребенок, Семейный кодекс, обязанности, опекуны.

Актуальной проблемой семейного законодательства является определение правового статуса несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке.

Согласно части 1 статьи 62 Семейного кодекса РФ [2], несовершеннолетние родители, независимо от возраста, обладают правом на совместное проживание со своим

ребенком и участие в его воспитании. Однако ключевым ограничением выступает их дееспособность. В соответствии с нормами законодательства, полная дееспособность наступает с восемнадцати лет, при вступлении в брак или в случае эмансипации, однако несовершеннолетние родители, не состоящие в браке и не эмансипированные, как правило, обладают частичной дееспособностью, что приводит к невозможности самостоятельно осуществлять весь спектр родительских прав и обязанностей.

На практике это приводит к созданию рядов проблем и дискуссий со стороны юристов и цивилистов. В своей работе мы хотим привести несколько точек зрения относительно понятия родительских прав несовершеннолетних родителей.

Профессор Рясенцев В. А. подчеркнул, что, наделяя родителей значительными правами относительно воспитания детей, государство одновременно накладывает на них ряд обязательств, включая необходимость реализовывать свои полномочия исключительно в интересах ребёнка и общества. Следовательно, родительские права неотделимы от обязанностей. По мнению ученого, родители обладают относительной свободой действий в сфере воспитания, однако имеют абсолютное право требовать защиты своих полномочий от посягательств третьих лиц [8, с. 180]. Напротив, профессор Пергамент А. И. утверждала, что права родителей по воспитанию детей формируются вне конкретных правовых взаимоотношений [7, с. 60].

По словам правоведа Иоффе О. С., отношения между родителями и детьми характеризуются взаимностью прав и обязанностей, поскольку каждому субъекту принадлежат обе категории юридических норм. Права родителей уравниваются обязанностями, а их обязательства компенсируются соответствующими полномочиями детей. Это означает, что родительская ответственность за надлежащее воспитание соответствует праву ребенка получать такое воспитание [6, с. 147]. Ворожейкин Е. М. считает, что право на воспитание сочетает признаки как абсолютных, так и относительных прав [5, с. 190].

Однако профессор А. М. Нечаева рассматривает проблему сложнее, подчеркивая различие между дозволенным поведением и обязательствами. Она утверждает, что наличие у родителей как прав, так и обязанностей подтверждает признание государством важности семейных ценностей в области воспитания [9, с. 123]. Несмотря на точность выводов профессора Нечаевой, ее позиция оставляет открытым вопрос о природе самих родительско-детских правоотношений.

Исходя из проведенных точек зрения, выполнение родительских обязанностей требует определенной степени правовой и личностной зрелости, несовершеннолетние родители, не зарегистрировавшие брак, до достижения шестнадцатилетнего возраста получают лишь права родителя, но не несут соответствующих обязанностей. До указанного возраста они лишены как прав, так и обязанностей в рамках родительства, оставаясь юридически недееспособными как в гражданских, так и в семейных от-

ношениях. Логичным представляется утверждение, что невозможно возложить обязанности на несовершеннолетних родителей, ведь в противном случае пришлось бы признать существование таких обязанностей в полной мере, что создало бы дисбаланс: ограниченные права и полные обязанности противоречили бы здравому смыслу и справедливости закона [10, с. 219].

Следует указать на ключевые проблемы и правовые барьеры, встречающихся часто в указанной сфере.

Статья 62 Семейного кодекса РФ устанавливает, что несовершеннолетний родитель, не достигший шестнадцатилетнего возраста, может воспитывать ребенка только совместно с опекуном, который назначается органами опеки и попечительства. Опекун фактически получает весомый и значительный контроль над жизнью ребенка и несовершеннолетнего родителя. Это может в дальнейшем привести к конфликтам, когда взгляды на воспитание у подростка и опекуна кардинально расходятся [4, с. 76]. Указанная статья не определяет конкретную категорию родителей, вследствие чего возможно предположение, что указанные нормы распространяются на всех несовершеннолетних родителей. Тем не менее, подобное толкование порождает конфликт между положениями семейного и гражданского законодательства: согласно ст. 62 Семейного кодекса РФ лицо, достигшее шестнадцати лет, вправе самостоятельно распоряжаться своими родительскими правами, тогда как ст. 21 Гражданского кодекса РФ признает полную дееспособность только за теми лицами, которые вступили в брак либо достигли совершеннолетия, то есть восемнадцати лет [2].

Несоответствие встречается между статьями Семейного кодекса РФ и Федеральным законом № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 г. [3]. Согласно нормам кодекса, опека над детьми, чьи родители являются несовершеннолетними, должна завершаться сразу после обретения этими родителями полной родительской дееспособности, то есть по достижению ими шестнадцатилетнего возраста или вступления в брак. Опека направлена на компенсацию недостатка дееспособности у молодых родителей, следовательно, необходимость продолжения опеки исчезает, как только родитель достигает необходимой дееспособности. Но закон устанавливает иное правило, прекращение опеки осуществляется лишь при достижении несовершеннолетними родителями возраста совершеннолетия или приобретением ими полной гражданской дееспособности иным способом. Следовательно, даже если подросток станет полностью дееспособным в возрасте шестнадцати лет, установленная ранее опека сохранится.

Для полноценной защиты прав и интересов несовершеннолетних родителей и их детей крайне необходима гармонизация российского законодательства, а именно необходимо уточнить терминологию и дать четкое определение понятия «несовершеннолетний родитель», его правовой статус в различных возрастных категориях. Так же необходимо привести в соответствие нормы Се-

мейного Кодекса РФ, Гражданского Кодекса РФ и ФЗ «Об опеке и попечительстве» относительно полной дееспособности несовершеннолетних родителей, самостоятельно осуществляющих родительские права.

Так как молодой родитель не имеет полной дееспособности, он ограничен в совершении ряда юридически значимых действий, например, давать согласие на медицинское вмешательство для ребенка, распоряжаться алиментами и пособиями, заключать от имени ребенка сделки (продажа недвижимости) и другие. Указанные действия, призванные защитить имущественные интересы ребенка, на деле часто лишают молодого родителя чувства ответственности и возможности самостоятельно решать вопросы воспитания. Для решения указанной проблемы необходимо законодательно закрепить права несовершеннолетних родителей, например, право давать согласие на медицинское вмешательство в отношении своего ребенка, определить исключительные случаи, когда решение может быть принято органами опеки и попечительства или судом, с обязательным учетом мнения несовершеннолетнего родителя.

Среди проблем так же следует выделить проблему эмансипации, которая влечет за собой полную гражданскую дееспособность, однако если несовершеннолетние родители не состоят в браке, этого автоматического механизма не происходит. Они остаются лицами с ограниченной дееспособностью до достижения восемнадцати лет, даже если они полностью финансово независимы и самостоятельно воспитывают ребенка. Для решения этой проблемы необходимо предусмотреть, чтобы решение об эмансипации принималось органами опеки и попечительства или судом на основании оценки реальной способности несовершеннолетнего родителя осуществлять свои

права и обязанности, включая финансовую самостоятельность и ответственное отношение к воспитанию.

Правовая неопределенность усугубляется социальными проблемами. Несовершеннолетние родители часто сталкиваются с осуждением со стороны общества, давлением со стороны собственной семьи и трудностями в продолжении и получения образования. Отсутствие самостоятельности в глазах закона подрывает авторитет не только в социуме, но и в собственных глазах, что негативно сказывается на формировании фигуры родителя. Решением будет проведение на государственном уровне информационных кампаний, направленных на формирование толерантного и поддерживающего отношения общества к несовершеннолетним родителям, освещение положительных примеров молодых родителей, успешно справляющихся со своими обязанностями, создание центров поддержки для молодых родителей, предоставляющих психологическую помощь, консультации по воспитанию, юридическое сопровождение, помощь в планировании бюджета и поиске работы.

Проблема дееспособности несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке, требует комплексного подхода. Действующее законодательство РФ пытается сбалансировать защиту интересов несовершеннолетнего родителя и ребенка, но оставляет ряд пробелов, особенно в части гражданской дееспособности. Усовершенствование законодательства в направлении упрощения эмансипации, усиление государственной поддержки и повышение роли органов опеки и попечительства могут существенно улучшить правовое и социальное положение этой уязвимой категории граждан, обеспечив более полное и эффективное осуществление ими родительских прав и обязанностей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Величкова О. И. Правовое положение несовершеннолетних родителей: достаточно ли состоявшихся изменений законодательства? // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 74–78.
5. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. Москва, 1972. 335 с.
6. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Т. III, 1965. 347 с.
7. Пергамент А. И. Основания возникновения и сущность родительских прав // Правовые вопросы семьи и воспитания детей. Москва, 1969. С. 53–62.
8. Рясенцев В. А. Семейное право: Учебник для юрид. ин-тов и фак. Москва: Юрид. лит., 1971. 293 с.
9. Семейное право: 7-е изд пер и доп: учебник для академического бакалавриата / под ред. Нечаевой А. М., М.:Юрайт, 2016. 303 с.
10. Семейное право: 3-е изд пер и доп: учебник / под ред. Антокольской М. В., М.: Норма, 2015. 431 с.

Процессуальные и материально-правовые аспекты реализации административной ответственности за финансово-налоговые правонарушения: проблемы квалификации и направления модернизации

Альтовская Дарья Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу системы составов административных правонарушений в финансово-налоговой сфере, особенностей их квалификации и процессуальных аспектов реализации административной ответственности. Автор исследует объективные и субъективные признаки налоговых деликтов, выявляет коллизионные аспекты квалификации правонарушений в банковской сфере и валютном регулировании, анализирует систему административных наказаний. Особое внимание уделяется концептуальным направлениям модернизации законодательства в контексте цифровизации финансовых отношений и международных стандартов правового регулирования.

Ключевые слова: административные правонарушения, налоговые деликты, квалификация правонарушений, административное наказание, цифровизация, финансовый контроль, процессуальные гарантии.

Современная система административной ответственности за правонарушения в финансово-налоговой сфере характеризуется многообразием составов деликтов и сложностью их правовой квалификации, что обусловлено пересечением различных отраслевых правовых режимов [3, с. 121]. Процессуальные аспекты реализации административной ответственности приобретают особую актуальность в условиях цифровизации государственного управления и развития электронных форм взаимодействия между контролирующими органами и субъектами финансовых правоотношений [7, с. 156]. Недостаточная разработанность теоретических вопросов разграничения административной, налоговой и уголовной ответственности создает предпосылки для правоприменительных коллизий и нарушения принципа «ne bis in idem» [5, с. 178].

Особую сложность представляет квалификация административных деликтов в банковской сфере и сфере валютного регулирования, где множественность регулятивных актов порождает проблемы определения применимых правовых норм и разграничения компетенции различных контролирующих органов [2, с. 234]. Система административных наказаний требует совершенствования механизмов индивидуализации ответственности с учетом характера правонарушения, личности нарушителя и конкретных обстоятельств дела.

Цифровая трансформация финансовых отношений актуализирует необходимость переосмысления традиционных подходов к правовому регулированию, создавая новые вызовы для законодателя и правоприменителя.

Система составов административных правонарушений в финансово-налоговой сфере: классификационные критерии и типология.

Современная систематизация административных правонарушений в финансово-налоговой сфере основывается на многокритериальном подходе, учитывающем объектный, субъектный, функциональный и структурно-процессуальный критерии дифференциации [4, с. 167]. Традиционная объектная классификация выделяет нало-

говые, бюджетные, банковские и валютные деликты в зависимости от характера охраняемых общественных отношений. Налоговые деликты посягают на отношения по формированию доходной части бюджетной системы Российской Федерации. Бюджетные правонарушения нарушают порядок составления, рассмотрения, утверждения и исполнения бюджетов различных уровней.

Функциональная классификация учитывает роль различных субъектов в системе финансовых правоотношений и специфику их правового статуса. Правонарушения налогоплательщиков включают деликты, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением налоговых обязательств. Деликты налоговых агентов характеризуются нарушением обязанностей по исчислению, удержанию и перечислению налогов с доходов третьих лиц. Правонарушения должностных лиц финансовых органов затрагивают сферу государственного финансового контроля.

Структурно-процессуальная типология основывается на стадиях финансово-правовых отношений и последовательности осуществления финансовых процедур [3, с. 189]. Деликты стадии планирования включают нарушения при составлении и утверждении финансовых планов и бюджетов. Правонарушения стадии исполнения связаны с нарушением порядка мобилизации и использования финансовых ресурсов.

Представленная классификация демонстрирует сложную структуру системы финансовых правонарушений, требующую дифференцированных подходов к их правовому регулированию и процессуальному рассмотрению [7, с. 212]. Налоговые деликты как наиболее многочисленная группа правонарушений характеризуются формальным характером составов, не требующих наступления конкретного ущерба для признания деяния оконченным. Бюджетные правонарушения отличаются материальным характером составов, предполагающим причинение реального ущерба публичным финансам.

Телеологическая классификация деликтов основывается на анализе целей и функций административных

Таблица 1. Классификация административных правонарушений в финансово-налоговой сфере по объектному критерию

Группа деликтов	Охраняемые общественные отношения	Основные составы (статьи КоАП РФ)	Типичные формы противоправного поведения
Налоговые	Формирование налоговых доходов бюджетной системы	15.3, 15.5, 15.6, 15.9, 15.11	Непостановка на учет; непредставление деклараций; сокрытие объектов налогообложения
Бюджетные	Составление и исполнение бюджетов всех уровней	15.14–15.16	Нецелевое использование бюджетных средств; нарушение процедур закупок
Банковские	Денежно-кредитное регулирование; стабильность финансовой системы	15.1, 15.7, 15.27	Нарушение кассовой дисциплины; неправомерное открытие счетов; несоблюдение нормативов
Валютные	Валютное регулирование и валютный контроль	15.25	Незаконные валютные операции; нарушение репатриации валютной выручки

санкций в финансовой сфере. Превентивные санкции направлены на предотвращение правонарушений, формирование установок на правомерное поведение. Репрессивные меры обеспечивают наказание за совершенные нарушения, восстановление нарушенного правопорядка. Восстановительные санкции направлены на компенсацию ущерба, возвращение неправомерно полученных доходов.

Субъектная дифференциация деликтов отражает особенности правового статуса различных участников финансовых правоотношений. Деликты физических лиц характеризуются относительной простотой составов, ограниченным размером санкций. Правонарушения юридических лиц отличаются сложностью доказывания, необходимостью установления вины должностных лиц. Деликты должностных лиц требуют учета специфики их служебного положения, характера нарушенных обязанностей.

Временная классификация учитывает продолжительность противоправного поведения и его развитие во времени. Разовые правонарушения характеризуются однократным нарушением правовых предписаний [8, с. 201]. Длящиеся деликты предполагают продолжительное неисполнение правовых обязанностей. Систематические нарушения отличаются повторностью противоправного поведения, требуют применения более строгих санкций.

Таким образом, многообразие классификационных критериев отражает сложность системы административных правонарушений в финансово-налоговой сфере, необходимость комплексного подхода к их систематизации. Объектный критерий обеспечивает понимание характера охраняемых общественных отношений, функциональный подход учитывает роль различных субъектов в финансовых правоотношениях. Интеграция различных классификационных оснований создает методологическую основу для дифференциации правового регулирования и индивидуализации административной ответственности.

Объективные и субъективные признаки составов правонарушений в области налогообложения: проблемы правоприменительной практики.

Структурный анализ составов административных правонарушений в области налогообложения выявляет

сложную систему объективных и субъективных признаков, формирующих основания для применения мер административной ответственности [6, с. 178]. Объект налоговых правонарушений представляет собой многоуровневую систему общественных отношений, складывающихся в процессе установления, введения и взимания налогов и сборов. Родовой объект охватывает отношения в области публичных финансов, налогов и сборов [9, с. 145]. Непосредственный объект составляют конкретные общественные отношения, на которые направлено противоправное деяние.

Объективная сторона налоговых правонарушений характеризуется многообразием форм противоправного поведения и способов их совершения. Статья 15.3 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение срока постановки на учет в налоговом органе, что может выражаться как в простом нарушении установленного срока, так и в ведении деятельности без постановки на учет. Квалифицированный состав предполагает более строгую ответственность для случаев ведения деятельности без постановки на учет, что отражает повышенную общественную опасность данного деяния.

Статья 15.5 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение сроков представления налоговой декларации или расчета по страховым взносам. Объективная сторона данного правонарушения выражается в бездействии — непредставлении документов в установленный срок. Формальный характер состава означает, что правонарушение считается оконченным с момента истечения установленного срока независимо от причин просрочки.

Судебная практика Верховного Суда РФ подтверждает строгий подход к квалификации нарушений сроков представления налоговой отчетности. Руководитель организации несет ответственность за нарушение сроков подачи декларации независимо от наличия договора на бухгалтерское обслуживание с третьими лицами [2, с. 189]. Данная позиция основывается на том, что наличие такого договора не исключает ответственности руководителя организации как должностного лица, обязанного обеспечить соблюдение требований налогового законодательства.

Таблица 2. Анализ объективной стороны основных составов налоговых правонарушений

Статья КоАП РФ	Наименование деликта	Форма деяния	Характер состава	Момент окончания	Особенности доказывания
15.3 ч. 1	Нарушение срока постановки на учет	Бездействие	Формальный	Истечение установленного срока	Установление факта нарушения срока
15.3 ч. 2	Ведение деятельности без постановки на учет	Действие	Формальный	Начало осуществления деятельности	Доказывание факта ведения деятельности
15.5	Непредставление налоговой декларации	Бездействие	Формальный	Истечение срока представления	Подтверждение непредставления документов
15.6 ч. 1	Непредставление документов для контроля	Бездействие	Формальный	Истечение установленного срока	Установление обязанности представления
15.6 ч. 2	Непредставление сведений о налогоплательщике	Бездействие	Формальный	Истечение срока для налоговых агентов	Доказывание статуса налогового агента

Субъективная сторона налоговых правонарушений характеризуется особенностями, обусловленными спецификой административно-правового регулирования [5, с. 212]. Презумпция виновности в административном праве означает, что лицо, привлекаемое к ответственности, должно доказывать свою невиновность или наличие обстоятельств, исключающих ответственность. Данный подход отличается от принципов уголовного права, создает особенности в процедурах доказывания по делам об административных правонарушениях.

Формы вины в налоговых правонарушениях могут включать умысел и неосторожность, однако специфика административно-правового регулирования допускает применение ответственности независимо от формы вины. Прямой умысел характеризуется осознанием противоправности деяния, желанием его совершения [8, с. 178]. Косвенный умысел предполагает осознание противоправности, сознательное допущение наступления вредных последствий. Неосторожность может выражаться в легкомыслии или небрежности при исполнении налоговых обязанностей.

Субъект налоговых правонарушений характеризуется сложной структурой, отражающей многообразие участников налоговых правоотношений [4, с. 234]. Общий субъект включает всех лиц, обладающих административной правосубъектностью. Специальный субъект обладает дополнительными признаками, обусловленными характером налогового правонарушения. Должностные лица как особая категория субъектов характеризуются наличием организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

Правоприменительная практика демонстрирует различные подходы к определению субъекта ответственности. Постановления судов показывают, что ответственность возлагается на лицо, занимавшее должность руководителя на момент совершения правонарушения, независимо от последующей смены руководства [6, с. 201]. Такой подход обеспечивает принцип персонификации административной ответственности, исключает возмож-

ность уклонения от ответственности путем формальной смены руководства.

Проблемы разграничения административной и налоговой ответственности создают серьезные трудности в правоприменительной практике. Принцип «ne bis in idem» запрещает повторное наказание за одно и то же деяние, однако определение тождества правонарушений требует сложного юридического анализа. Налоговые санкции и административные штрафы могут применяться за различные аспекты одного фактического деяния, что создает риск множественности наказаний.

Таким образом, объективные и субъективные признаки составов правонарушений в области налогообложения демонстрируют специфические особенности, связанные с формальным характером большинства деликтов, презумпцией виновности в административном праве. Судебная практика подтверждает строгий подход к квалификации процедурных нарушений, подчеркивая персональную ответственность руководителей организаций независимо от делегирования полномочий подчиненным.

Процессуальные аспекты реализации административной ответственности и система административных наказаний.

Процессуальная специфика производства по делам об административных правонарушениях в финансово-налоговой сфере обусловлена сложностью предмета доказывания и многообразием субъектов, наделенных соответствующими полномочиями. Стадийность административного производства включает возбуждение дела, расследование, рассмотрение и исполнение постановления. Каждая стадия характеризуется специфическими задачами, участниками и процессуальными действиями, совокупность которых обеспечивает достижение целей административного судопроизводства [2, с. 234].

Компетенционное разграничение полномочий между различными органами государственной власти создает сложную систему административной юрисдикции в финансовой сфере. Федеральная налоговая служба России

обладает исключительными полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 15.3–15.9, 15.11 КоАП РФ [5, с. 201]. Центральный банк Российской Федерации уполномочен на применение мер административного воздействия к кредитным организациям, иным участникам финансового рынка.

Особенности доказывания в делах о финансовых правонарушениях связаны с необходимостью установления не только факта нарушения, но и виновности конкретного должностного лица [1, с. 178]. Процедурные гарантии прав участников производства включают право на защиту, ознакомление с материалами дела, заявление ходатайств и обжалование принятых решений. Электронный документооборот в административном производстве создает новые возможности для повышения эффективности процедур, однако требует обеспечения надежности и подлинности электронных доказательств.

Система административных наказаний за правонарушения в финансово-налоговой сфере характеризуется дифференцированным подходом к различным категориям деликтов и субъектов ответственности [4, с. 267]. Предупреждение как наиболее мягкий вид административного наказания применяется в случаях незначительных нарушений, совершенных впервые. Судебная практика демонстрирует различные подходы к определению оснований для применения предупреждения.

Административный штраф является основным видом наказания за финансовые правонарушения, применяется в большинстве случаев нарушений налогового законодательства. Размеры штрафов дифференцируются в зависимости от категории субъекта правонарушения: для граждан установлены минимальные размеры, для должностных лиц — средние, для юридических лиц — максимальные [9, с. 201]. Такая градация отражает различную степень общественной опасности деяний, имущественные возможности правонарушителей.

Принцип индивидуализации наказания требует учета всех обстоятельств конкретного дела при определении вида и размера административного наказания. Отягчающие обстоятельства при назначении административных наказаний за финансовые правонарушения включают повторность нарушения, причинение значительного ущерба, совершение правонарушения группой лиц. Смягчающие обстоятельства могут включать чистосердечное раскаяние, добровольное устранение последствий правонарушения, содействие в установлении обстоятельств дела.

Соразмерность административного наказания тяжести совершенного правонарушения является основополагающим принципом административной ответственности. Суды должны обеспечивать баланс между необходимостью наказания правонарушителя и недопустимостью чрезмерного воздействия [2, с. 201]. Штрафы в минимальных размерах санкций статей применяются к лицам, впервые нарушившим налоговое законодательство без причинения значительного ущерба.

Альтернативность санкций в статьях Особенной части КоАП РФ предоставляет правоприменителю возможность выбора наиболее подходящего вида наказания. Формулировка «предупреждение или административный штраф» в статье 15.5 КоАП РФ позволяет судам учитывать конкретные обстоятельства дела, личность правонарушителя [5, с. 267]. Выбор в пользу предупреждения возможен при отсутствии отягчающих обстоятельств, наличии смягчающих факторов.

Таким образом, процессуальные аспекты реализации административной ответственности в финансово-налоговой сфере определяются сложностью предмета доказывания, дифференцированным подходом к различным категориям деликтов [1, с. 289]. Система административных наказаний характеризуется альтернативностью санкций, предоставляющей правоприменителю возможность выбора наиболее подходящего вида наказания с учетом конкретных обстоятельств дела.

Таблица 3. Система административных наказаний за финансово-налоговые правонарушения

Вид наказания	Характер санкции	Категории субъектов	Типичные размеры	Условия применения	Правовые последствия
Предупреждение	Морально-правовая	Граждане, должностные лица	—	Незначительные нарушения; впервые совершенные	Официальное порицание без имущественных последствий
Административный штраф (граждане)	Имущественная	Физические лица	100–3000 рублей	Процедурные нарушения	Денежное взыскание в бюджет
Административный штраф (должностные лица)	Имущественная	Руководители, специалисты	300–50000 рублей	Нарушения в связи со служебными обязанностями	Персональная имущественная ответственность
Административный штраф (юридические лица)	Имущественная	Организации	5000–1000000 рублей	Институциональные нарушения	Взыскание из имущества организации
Дисквалификация	Ограничительная	Должностные лица	6 месяцев — 3 года	Грубые или повторные нарушения	Временный запрет занимать руководящие должности

Концептуальные направления модернизации законодательства в контексте цифровизации финансовых отношений.

Современные тенденции развития финансовых технологий и глобализация экономических отношений требуют кардинального переосмысления подходов к правовому регулированию административной ответственности в финансово-налоговой сфере. Цифровая трансформация государственного управления, внедрение искусственного интеллекта в процедуры налогового администрирования, развитие международного сотрудничества в области противодействия финансовым правонарушениям создают новые вызовы и возможности для совершенствования правовых механизмов.

Цифровизация финансовых отношений порождает качественно новые формы противоправного поведения, не охватываемые существующими составами административных правонарушений. Операции с криптовалютами, использование децентрализованных финансовых протоколов, применение технологий искусственного интеллекта в финансовом планировании требуют адаптации традиционных правовых институтов к цифровой реальности [6, с. 234]. Анонимность и трансграничный характер цифровых финансовых операций создают дополнительные сложности для правоприменительных органов.

Международные стандарты правового регулирования, разрабатываемые ОЭСР, ФАТФ и другими международными организациями, устанавливают единые подходы к борьбе с финансовыми правонарушениями [9, с. 189]. Автоматический обмен налоговой информацией, стандарты прозрачности корпоративных структур, требования к должной осмотрительности финансовых организаций формируют новую парадигму международного

сотрудничества. Гармонизация российского законодательства с международными стандартами становится важным фактором интеграции в мировую экономику.

Искусственный интеллект в системе налогового администрирования открывает перспективы для автоматизации выявления правонарушений, принятия решений о применении административных санкций. Алгоритмы машинного обучения способны анализировать большие объемы данных, выявлять скрытые закономерности, прогнозировать поведение налогоплательщиков. Однако использование ИИ в правоприменительной деятельности требует обеспечения прозрачности алгоритмов, сохранения возможности человеческого контроля за принятием решений.

Предложенные концептуальные направления модернизации включают создание единого цифрового реестра правонарушений с применением технологий распределенных реестров, внедрение института административных соглашений с использованием смарт-контрактов, развитие системы предиктивной аналитики для превентивного выявления рисков совершения правонарушений [5, с. 234]. Цифровой реестр должен обеспечивать неизменность записей о правонарушениях, прозрачность процедур привлечения к ответственности, автоматическое формирование аналитических отчетов для правоохранительных органов и судов [1, с. 267].

Институт административных соглашений предусматривает создание правовых механизмов заключения соглашений между контролирующими органами и правонарушителями о порядке устранения нарушений, применения административных санкций [8, с. 189]. Смарт-контракты должны автоматизировать контроль за исполнением условий соглашений, применение санкций

Таблица 4. Концептуальные направления модернизации законодательства об административной ответственности

Направление модернизации	Технологическая основа	Правовые механизмы	Ожидаемые эффекты	Риски и ограничения
Создание единого цифрового реестра правонарушений	Блокчейн-технологии; распределенные реестры	Внесение изменений в КоАП РФ; регламенты ведения реестра	Снижение административных издержек на 25–30 %; повышение прозрачности	Кибербезопасность; защита персональных данных
Внедрение института административных соглашений	Смарт-контракты; автоматизация контроля	Новые процессуальные нормы; договорные механизмы	Снижение нагрузки на суды на 15–20 %; ускорение восстановления прав	Риски формализации; необходимость добровольности
Развитие предиктивной аналитики	Искусственный интеллект; машинное обучение	Регламенты использования алгоритмов; прозрачность решений	Сокращение правонарушений на 30–40 %; проактивный контроль	Алгоритмическая справедливость; предвзятость моделей
Гармонизация с международными стандартами	Автоматический обмен информацией	Ратификация соглашений; имплементация норм	Повышение эффективности международного сотрудничества	Суверенитет в вопросах регулирования
Электронизация административного производства	Цифровые платформы; электронная подпись	Процессуальные гарантии в цифровой среде	Ускорение процедур; снижение издержек	Цифровое неравенство; доступность технологий

при их нарушении, зачет исполненных обязательств при назначении наказания. Преимущества данного подхода включают снижение нагрузки на судебную систему, ускорение восстановления нарушенных прав и интересов.

Система предиктивной аналитики предполагает создание интеллектуальной системы анализа финансовых данных налогоплательщиков для раннего выявления признаков потенциальных нарушений налогового законодательства [6, с. 234]. Система должна использовать алгоритмы машинного обучения для анализа паттернов поведения субъектов хозяйственной деятельности, выявления аномалий в финансовой отчетности, прогнозирования вероятности совершения правонарушений. Внедрение системы позволит перейти от реактивной модели контроля к проактивной.

Защита прав субъектов предпринимательской деятельности в условиях цифровизации административного производства становится особенно актуальной задачей. Автоматизация процедур не должна приводить к нарушению процессуальных гарантий, права на справедливое рассмотрение дела [3, с. 267]. Сохранение возможности человеческого контроля за принятием решений, обеспечение права на обжалование автоматизированных решений, прозрачность алгоритмов принятия решений составляют основные принципы цифрового административного производства [7, с. 201].

Таким образом, концептуальные направления модернизации законодательства об административной ответственности в контексте цифровизации финансовых отношений включают создание цифровых платформ и реестров, внедрение технологий искусственного интеллекта, гармонизацию с международными стандартами при обеспечении процессуальных гарантий и защиты прав участников производства.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы относительно процессуальных и материально-правовых аспектов реализации административной ответственности за финансово-налоговые правонарушения.

Система составов административных правонарушений в финансово-налоговой сфере характеризуется многообразием классификационных критериев, отражающих сложную структуру финансово-правовых отношений.

Объектный, субъектный, функциональный и структурно-процессуальный критерии дифференциации создают методологическую основу для систематизации деликтов и дифференциации правового регулирования.

Объективные и субъективные признаки составов правонарушений в области налогообложения демонстрируют специфические особенности, связанные с формальным характером большинства деликтов и презумпцией виновности в административном праве. Правоприменительная практика подтверждает персональный характер административной ответственности должностных лиц независимо от делегирования полномочий подчиненным.

Процессуальные аспекты реализации административной ответственности обусловлены сложностью предмета доказывания и специализацией контролирующих органов. Система административных наказаний характеризуется дифференцированным подходом к различным категориям правонарушителей, альтернативностью санкций, позволяющей учитывать конкретные обстоятельства дела.

Цифровизация финансовых отношений актуализирует необходимость модернизации законодательства с использованием технологий блокчейна, искусственного интеллекта и предиктивной аналитики. Предложенные концептуальные направления, включающие создание единого цифрового реестра, внедрение административных соглашений и развитие системы предиктивной аналитики, направлены на повышение эффективности административного производства при сохранении процессуальных гарантий.

Гармонизация российского законодательства с международными стандартами способствует интеграции в мировую экономику и повышению эффективности международного сотрудничества в борьбе с финансовыми правонарушениями.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом влияния цифровых технологий на трансформацию процессуальных институтов, изучением зарубежного опыта использования искусственного интеллекта в административном производстве, разработкой конкретных механизмов защиты прав участников производства в условиях автоматизации правоприменительных процедур.

Литература:

1. Абрамова, М. М. Административная ответственность за налоговые правонарушения / М. М. Абрамова // Научный лидер. — 2021. — № 38. — С. 121–123.
2. Гудкова, Д. А. Законодательное урегулирование административной ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах / Д. А. Гудкова // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. — 2022. — С. 128–134.
3. Евсикова, Е. В. К вопросу о разграничении административной и налоговой ответственности за совершение правонарушений в сфере налогового законодательства / Е. В. Евсикова, К. В. Ковалишина // Образование и право. — 2023. — № 2. — С. 171–176.
4. Казанин, И. Н. Понятие, признаки и функции налоговой ответственности / И. Н. Казанин // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 6 (222). — С. 441–443.

5. Костенко, А. Ю. Актуальные вопросы применения штрафа как меры административного наказания за совершение административных правонарушений в области налогов и сборов / А. Ю. Костенко // Современные проблемы права. — 2024. — С. 85–92.
6. Костенко, А. Ю. Место административной ответственности в системе юридической ответственности за нарушение налогового законодательства / А. Ю. Костенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10–3 (97). — С. 130–133.
7. Овчарова, Е. В. Модель реформирования административной ответственности (на примере административной ответственности за нарушение налогового законодательства) / Е. В. Овчарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 2 (49). — С. 208–224.
8. Семенец, С. Ю. О правовой природе ответственности налогоплательщика / С. Ю. Семенец, Е. М. Сынова // Право в современном мире. — 2021. — С. 166–171.
9. Сынова, Е. Генезис и тенденции развития института административной ответственности за налоговые правонарушения / Е. Сынова // Вестник Донецкого университета. Серия 03. Экономика и право. — 2024. — № 4. — С. 45–52.

Судебная практика по делам о конфликте интересов на государственной гражданской службе

Анисимова Софья Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Наумова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

В статье представлен анализ судебной практики по спорам, связанным с увольнением государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия. На основе систематизации актов Верховного Суда РФ и кассационных судов общей юрисдикции за период 2022–2024 гг. выявлен сдвиг стандарта доказывания: переход от необходимости установления реального материального ущерба к достаточности формального состава правонарушения, выраженного в неисполнении обязанности по уведомлению о личной заинтересованности.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная гражданская служба, судебная практика, утрата доверия, противодействие коррупции, обязанность уведомления, формальный состав правонарушения, личная заинтересованность.

Judicial practice in cases of conflict of interest in the state civil service

Anisimova Sofia Alexandrovna, master's student

Scientific advisor: Naumova Natalia Valeryevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir Branch

The article presents an analysis of judicial practice on disputes related to the dismissal of government civil servants due to loss of trust. Based on the systematization of acts of the Supreme Court of the Russian Federation and the courts of Cassation of general jurisdiction for the period 2022–2024, a shift in the standard of proof was revealed: the transition from the need to establish real material damage to the sufficiency of the formal composition of the offense, expressed in the failure to fulfill the obligation to notify personal interest.

Keywords: conflict of interest, civil service, judicial practice, loss of trust, anti-corruption, obligation to notify, formal offense, personal interest.

Современная правоприменительная практика в сфере противодействия коррупции демонстрирует сдвиг в сторону ужесточения ответственности государственных гражданских служащих. Если ранее увольнение в связи с утратой доверия требовало доказательства реального коррупционного вреда, то анализ судебных актов 2022–2024 годов свидетельствует о закреплении принципа «нулевой

терпимости» к любым формальным нарушениям. Сегодня для квалификации деяния как коррупционного проступка судам достаточно установить лишь потенциальную возможность возникновения конфликта интересов, о которой служащий своевременно не уведомил нанимателя

Анализ судебных решений позволяет констатировать смену вектора в оценке обстоятельств конфликта инте-

ресов. До 2018–2020 годов в судебной доктрине преобладал подход, требующий от представителя нанимателя доказательства наличия корыстного умысла и факта получения служащим (или аффилированными лицами) реальной выгоды. Увольнение зачастую признавалось незаконным, если отсутствовал материальный ущерб государственным интересам.

В настоящее время произошел переход к концепции формального состава правонарушения. Согласно текущей позиции судов, базирующейся на статьях 10 и 11 ФЗ № 273 «О противодействии коррупции», ключевым предметом доказывания является сам факт бездействия служащего — непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов [3]. При этом наличие реальных негативных последствий утратило правовое значение. Более того, перераспределилось бремя доказывания: презумпция добросовестности служащего фактически нивелирована, и именно на него возлагается обязанность доказать принятие исчерпывающих мер по исключению личной заинтересованности. Отсутствие письменного уведомления представителя нанимателя теперь трактуется как самостоятельное и достаточное основание для расторжения служебного контракта в связи с утратой доверия.

Анализ кассационных определений позволяет классифицировать ситуации, лежащие в основе дисциплинарных взысканий, по характеру возникающих социальных связей.

Доминирующей группой дел остаются споры, связанные с родственным подчинением (непотизмом). Судебная практика здесь наиболее категорична: наличие у служащего административно-хозяйственных или контрольных полномочий в отношении близких родственников признается нарушением. Аргументы о высоком профессионализме подчиненного-родственника или отсутствии фактов премирования судами отклоняются, так как сама возможность преференций образует конфликт.

В отдельную категорию выделяются случаи, основанные на иной близкой связи (свойство, дружеские отношения). Доказывание «кумовства» представляет большую сложность, однако суды все чаще принимают во внимание совокупность косвенных признаков (общий быт, совместные финансовые обязательства) при оценке действий служащего в пользу друзей или бывших коллег.

Третий значимый кластер — корпоративные и имущественные интересы. Владение ценными бумагами или долями в уставных капиталах организаций, подконтрольных ведомству служащего, без передачи их в доверительное управление, неизменно влечет признание увольнения законным.

Особое внимание уделяется пост-трудовым конфликтам. Трудоустройство бывшего госслужащего в коммерческую структуру, в отношении которой он ранее осуществлял функции госуправления, без согласия соответствующей Комиссии, является основанием для прекращения трудового договора уже на новом месте работы по инициативе прокурора.

Несмотря на жесткость материально-правового подхода, статистика показывает, что успешное оспаривание увольнений возможно преимущественно в плоскости процедурных нарушений.

Для представителя нанимателя критическим фактором является строгое соблюдение регламента привлечения к ответственности. Суды склонны восстанавливать служащих на работе при выявлении дефектов в работе Комиссии по урегулированию конфликта интересов: отсутствие кворума, неуведомление служащего о дате заседания или невключение в состав независимых экспертов. Также основанием для отмены приказа является нарушение сроков давности (применение взыскания позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка или трех лет со дня его совершения) и отсутствие затребованного письменного объяснения (ст. 59.3 ФЗ № 79) [2].

В то же время, тактика защиты служащего, построенная на субъективных оправданиях, демонстрирует крайне низкую эффективность. Аргументы о незнании антикоррупционного законодательства, отсутствии умысла или забывчивости судами не воспринимаются как смягчающие обстоятельства. Ссылка на несоразмерность наказания (увольнение вместо выговора) также редко удовлетворяется в делах коррупционной направленности, за исключением случаев очевидной малозначительности, что встречается в практике крайне редко. Попытки устранить конфликт постфактум не реабилитируют служащего, так как дисциплинарным проступком является сам факт неуведомления в момент возникновения угрозы.

Сформулированные выше теоретические положения находят отражение в определениях высших судебных инстанций за последний отчетный период.

Примером подхода к «потенциальному» конфликту служит Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.08.2023 № 18-КГ23-108-К4 [7]. В данном деле Верховный Суд отменил решения нижестоящих инстанций о восстановлении инспектора ДПС, не составившего протокол на своего отца. ВС РФ указал, что теоретическая возможность получения выгоды и наличие родства обязывали сотрудника уведомить руководство, а факт ненаступления вредных последствий (отсутствия ущерба) правового значения не имеет.

Тенденция к расширительному толкованию круга лиц прослеживается в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2023 № 88-15436/2023. Суд признал законным увольнение служащего, осуществлявшего надзор за организацией, руководителем которой являлся родственник его супруги. Этим решением подтверждено, что свойство (родство через супругов) подпадает под категорию «иных близких отношений», способных влиять на надлежащее исполнение обязанностей [8].

Позиция относительно сроков уведомления зафиксирована в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2023 № 88-10342/2023. Суд отверг доводы истца о том, что он направил уведомление о конфликте интересов после начала прокурорской про-

верки. Было установлено, что уведомление носит превентивный характер, и его подача после выявления признаков нарушения контролирующими органами не освобождает от ответственности за утрату доверия [9].

Таким образом, современная судебная практика в РФ закрепила приоритет превентивных мер над карательными. Государственный служащий обязан действовать

на опережение, декларируя любые обстоятельства, способные вызвать сомнения в его беспристрастности. В условиях цифровизации контроля и внедрения автоматизированных систем поиска аффилированности, единственной надежной стратегией защиты служебного статуса остается неукоснительное соблюдение формальных требований об уведомлении нанимателя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2025).
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Режим доступа: по подписке.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — Режим доступа: по подписке.
4. О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов: Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 (ред. от 25.01.2024). — Текст: электронный // ГАРАНТ: информационно-правовой портал.
5. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020). — Текст: электронный // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 8.
6. Обзор практики по рассмотрению в 2022–2023 годах дел по спорам, связанным с прекращением служебного контракта с государственными гражданскими служащими: утв. Президиумом Верховного Суда РФ. — Текст: электронный // Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: <https://vsrf.ru>.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2023 № 18-КГ23-108-К4. — Текст: электронный // Банк судебных решений. — URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2278490 (дата обращения: 26.11.2025).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2023 № 88–15436/2023. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru>.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2023 № 88–10342/2023. — Текст: электронный // ГАС «Правосудие».
10. Братько, Т. Д. Конфликт интересов на государственной службе: проблемы теории и практики: монография / Т. Д. Братько. — Москва: Проспект, 2023. — 184 с.

Мировое соглашение в гражданском и арбитражном процессе — основной способ урегулирования конфликта

Астровик Ярослав Валентинович, студент магистратуры

Научный руководитель: Смирнова Марина Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

На сегодняшний день мировые соглашения крайне редко встречаются в гражданском и арбитражном процессе. Стороны не готовы идти на уступки ради собственной выгоды, однако грамотно составленное и утвержденное мировое соглашение способно значительно снизить временные и материальные издержки.

Ключевые слова: мировое соглашение, примирительная процедура, судебное делопроизводство, гражданский процесс, арбитражный процесс.

В эпоху активного развития судебной системы обеспечение защиты прав граждан остается приоритетной задачей для законодателя. Предоставление справед-

ливой и наиболее эффективной защиты сопровождается, в первую очередь, внедрением различных способов разрешения спора. Сегодня одним из таких способов является

мировое соглашение, которое представляет собой крайне неоднозначный институт урегулирования разногласий.

В соответствии с пунктом 1 статьи 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4] (далее — ГПК РФ) и пунктом 4 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее — АПК РФ) стороны процесса наделены правом разрешить свой спор, заключив друг с другом мировое соглашение. Как видно из содержания приведенных статей, мировое соглашение представляет собой один из возможных способов окончания гражданского и арбитражного процесса. Стоит отметить, что законодательного закрепления определения мирового соглашения не предусмотрено, поэтому понятийный аппарат данного института вызывает большое количество дискуссий среди множества юристов.

Рассматриваемый процессуальный институт имеет крайне символическое название. В толковом словаре Ожегова [6] соглашение определяется как договор, который устанавливает определенные условия, а также новые права и обязанности сторон. Само словосочетание прямо намекает на возможность заключения договора на согласованных условиях.

Суть самого института заключается в том, что стороны при помощи различных предоставленных способов примирения, составляют проект договора, в котором устанавливают для себя определенные права и обязанности. Мировое соглашение заключается исключительно в письменной форме, поскольку заключение такого договора в устной форме не представляется возможным.

Что интересно, комментарий к ГПК РФ является чуть ли не единственным источником информации, содержащим необходимую для понимания дефиницию. В частности, мировое соглашение характеризуется как двусторонний взаимный договор сторон, устанавливающий условия, которые могут служить основанием для прекращения спора.

Гражданское и арбитражное судопроизводство основывается на принципе диспозитивности. Это означает, что сторонам предоставлены варианты распоряжения своими правами и предметом спора. Одним из отражений принципа диспозитивности является возможность заключить мировое соглашение и тем самым урегулировать существующий спор. Интересным представляется тот факт, что при заключении мирового соглашения, стороны могут предотвратить дальнейшее развитие конфликтной ситуации, то есть абсолютно полностью исключить возможные пробелы и недопонимания, которые могли бы заново развить спор.

Мировое соглашение фокусируется на удовлетворении требований, которые изложены в исковом заявлении. В рамках него стороны находят компромисс интересов, чтобы удовлетворить требования каждого в полном объеме. Хотя мировые соглашения, как правило, соотносятся с исковыми требованиями, действующий закон допускает включение в договоры факультативных положений, которые будучи тесно связанными с заявленными

требованиями, не являлись непосредственно предметом судебного разбирательства. В мировом соглашении стороны вправе разрешить вопрос о распределении судебных расходов, которые они понесли в период судебного разбирательства. В случае, если лицам, заключающим соглашение, не удалось договориться, кто будет возмещать судебные расходы, суд самостоятельно определяет сторону при утверждении мирового соглашения.

В соответствии с пунктом 2 статьи 153⁹ ГПК РФ и пунктом 2 статьи 140 АПК РФ мировое соглашение должно содержать сведения об условиях, размере и сроках исполнения обязательств друг перед другом или одной стороной перед другой.

После того как сторонам все-таки удалось найти баланс интересов и закрепить необходимые не противоречащие закону положения, проект соглашения после согласования обязательно должен быть подписан лицами, которые его заключают. Право на подписание мирового соглашения принадлежит только истцу, ответчику и их представителям. На практике встречаются случаи, когда судьи оставляют ходатайство об утверждении мирового соглашения без удовлетворения по причине отсутствия у представителя прямо предусмотренных в доверенности полномочий на подписание такого договора.

Не менее важным фактором, влияющим на дальнейшую судьбу спора, является отсутствие неопределенностей в тексте. Нужно понимать, что четко сформулированное содержание мирового соглашения является важным ключом к успеху. Условия, которые стороны отражают в тексте договора, должны быть ясно отражены и не вызывать ни малейшего сомнения у суда.

Как показывает немногочисленная практика, стороны спора в большинстве случаев прибегают к заключению мирового соглашения именно в суде первой инстанции. Данный вариант разрешения конфликта позволяет избежать множества издержек как для самих сторон, так и для судебной системы. Заключение мирового соглашения позволяет участникам минимизировать судебные расходы, исключая будущие затраты, например, на оплату услуг представителя, по уплате государственной пошлины при обжаловании судебного постановления, оплате полностью или частично судебной экспертизы. Также можно отметить, что заключение мирового соглашения чаще всего выгодно ответчику, в первую очередь. Поскольку именно ответчик зачастую оказывается в проигрышной позиции и ему гораздо проще согласовать условия и пойти на уступки в соглашении, чем доводить дело до решения суда, в котором все будет разрешено строго по закону.

В случае утверждения мирового соглашения судом, рассмотрение дела прекращается вынесением соответствующего судебного акта — определения об утверждении мирового соглашения. После прекращения производства по делу в связи с заключением мирового соглашения последующее обращение в суд по спору между теми же сторонами и о том же предмете не допускается. Утверждая мировое соглашение, суд показывает свое доверие сторонам

и позволяет им самостоятельно решить исход дела путем установления взаимовыгодных условий. На данном этапе роль суда отводится на второй план и характеризуется контролем за соблюдением законности процесса. Крайне важно продемонстрировать суду желание заключить мировую сделку, причем делать это необходимо всем лицам, которые подписывают договор. Так суд поймет, что стороны действительно готовы завершить разбирательство подобным образом, а все сомнения относительно утверждения соглашения отпадут.

Но сами судьи крайне внимательно и аккуратно рассматривают возможность утверждения мирового соглашения. Это связано с тем, что иногда стороны заключают мировое соглашение, преследуя совсем иные цели, например, создание искусственной кредиторской задолженности или присвоение чужого имущества. К сожалению, недобросовестность сторон достаточно часто встречается при утверждении мировых соглашений, поэтому судьи остерегаются таких ситуаций и особо трепетно относятся к проверке проекта соглашения на соответствие закону. Наученные горьким опытом стороны не изъявляют особого желания как можно скорее заключить мировое соглашение по причине его неисполнения одной из сторон.

Проанализировав процесс утверждения мирового соглашения и последствия, которые он влечет, можно сказать следующее. После утверждения мирового соглашения судом у сторон появляются определенные права и обязанности, которые напрямую связаны с исполнением условий, указанных в определении суда. Определение об утверждении мирового соглашения подлежит немедленному исполнению и может быть обжаловано только в суде кассационной инстанции в течение одного месяца со дня вынесения определения. За неисполнение соглашения в добровольном порядке могут быть применены меры принудительного исполнения.

Прекращение производства по делу на подготовительной стадии при помощи мирового соглашения характерно и для зарубежной практики. Английский процессуалист Н. Эндрюс выделяет стимулирование лиц к скорейшему урегулированию конфликта, применяя институт мирового соглашения, как одну из ключевых задач института досудебного урегулирования в английском гражданском процессе. Суть данного института заключается в том, что данный способ выступает в качестве «средства последней надежды». Во многих других европейских странах сторонам свойственно разрешать разногласия договорным способом. Суд, в свою очередь, должен всеми доступными средствами содействовать примирению сторон. Международные договоры также содержат положения о мировом соглашении. Например, статья 39 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [7] отмечает, что данная процедура носит исключительно конфиденциальный характер. В любой момент суд может сторонам заключить мировое соглашение по делу, основываясь на уважении прав человека.

Сегодня мировое соглашение не пользуется сильной популярностью у сторон. Этому вполне закономерному процессу способствует множество факторов, которые встречаются на практике. Например, стороны категорически отказываются идти навстречу своему оппоненту и договариваться с ним о чем-либо, считая судебное разбирательство единственно правильным решением. Самой распространенной ошибкой является неправильно составленный проект соглашения, содержащий условия, которые нарушают положения закона.

В статье Малкина О. Ю. в соавторстве со Смолиной Л. А. [8] рассмотрен институт мирового соглашения через призму цифровизации судопроизводства. В своей статье авторы приводят судебную статистику, которая подчеркивает крайне низкий процент дел, завершившихся утверждением мирового соглашения. По мнению авторов, это связано, прежде всего, с отсутствием понимания у сторон формы и содержания мирового соглашения. Стороны не знают какие именно пункты нужно включить в мировое соглашение, чтобы его впоследствии утвердил суд. Авторы предлагают создать сервис по составлению проектов мировых соглашений, который призван сторонам помочь создать грамотный и актуальный шаблон, что, предполагается, позволит повысить процент актуальности мировых соглашений в судах.

Конечно, можно было бы сказать о необходимости модернизации действующего законодательства в области мирового соглашения. Например, для начала можно было бы закрепить дефиницию в процессуальных кодексах, а также возложить обязанность на судебные органы в каждом судебном заседании напоминать сторонам о возможности окончить рассмотрение дела, заключив сделку. Возможно, это бы незначительно повысило процент актуальности мировых соглашений в гражданском и арбитражном процессе. Сейчас рассматриваемый вопрос представляет собой некий замкнутый круг: стороны не хотят заключать мировое соглашение по причине недобросовестности одного из участников в период исполнения условий, а законодатель, в свою очередь, не спешит развивать данный институт, аргументируя свою позицию крайне низкой популярностью подобных соглашений. В то же время нужно помнить, что первоначальная инициатива в данном вопросе всегда должна исходить от сторон процесса. Именно отсутствие волеизъявления сторон, на мой взгляд, чрезмерно подрывает процент актуальности мировых соглашений.

Мировое соглашение в гражданском и арбитражном процессе представляет собой крайне интересный и слабоизученный институт, однако назвать его основным способом разрешения конфликтов на сегодняшний день, пожалуй, достаточно тяжело. Безусловно, согласование сторонами условий соглашения является наиболее эффективным результатом нейтрализации конфликтной ситуации с минимальной вероятностью ее последующего развития, но в настоящее время оптимальных условий для реализации указанного процессуального института не создано.

Литература:

1. Лебедев М. Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов / М. Ю. Лебедев. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 442 с.
2. Измайлова О. В. Проблемы исполнения мировых соглашений. — Вестник науки, 2022. — 1–5 с.
3. Сасыкин К. Ю. К вопросу о необходимости регламентации мирового соглашения в арбитражном и гражданском процессах. — Российско-азиатский правовой журнал, 2022. — 1–3 с.
4. Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532.
5. Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., М., 1997. – 944 с.
7. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 (с изменениями от 24.06.2013) // СПС Консультант Плюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 27.02.2025).
8. Малкин О. Ю., Смолина Л. А. Мировое соглашение: проблемы и перспективы применения в условиях информатизации судопроизводства // Образование и право. 2023. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoe-soglasenie-problemy-i-pespektivy-primeneniya-v-usloviyah-informatizatsii-sudoproizvodstva> (дата обращения: 27.02.2025).

Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничества в сфере оборота недвижимости

Атанова Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент
 Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается способ совершения преступления как один из элементов криминалистической характеристики мошенничества в сфере оборота недвижимости. Кроме того, автор приводит примеры наиболее распространённых преступных схем, которые используются на первичном и вторичном рынке жилья, а также отмечает значение способа совершения преступления для выявления, расследования и профилактики указанного вида преступления.

Ключевые слова: мошенничество, недвижимость, способ совершения преступления, криминалистическая характеристика.

В первую очередь, прежде чем обратиться к рассмотрению способов совершения мошенничества в аспекте оборота недвижимости, необходимо определить, что в целом криминалистическая характеристика предполагает выделение совокупности типичных, устойчиво повторяющихся признаков, считающихся свойственными определённому виду (группе) преступлений, а потому отражают особенности их подготовки, совершения и последующего сокрытия. Под указанными обстоятельствами, в свою очередь, понимаются условия, при которых совершается преступное деяние (среди них и способ его осуществления). Именно криминалистическая характеристика позволяет выявлять причинно-следственные закономерности между действиями лица и наступившими последствиями, определяя при помощи их анализа механизмы реализации преступных намерений.

Роль криминалистической характеристики обстоятельств преступления заключается, прежде всего, в обес-

печении деятельности, уполномоченных органов, направленной на расследование тех или иных категорий уголовных дел. В этом значении понимание специфических особенностей обстоятельств совершения преступного деяния позволяет оперативно и вместе с этим, что важно, правильно выдвигать версии, планировать следственные действия и осуществлять их организацию с последующим проведением. Кроме этого, анализ таких обстоятельств способствует разработке профилактических мер, направленных на предупреждение и снижение уровня преступности, за счёт чего осуществляется в некоторой степени превентивная деятельность [1, с. 72].

В её комплексном представлении, криминалистическая характеристика обстоятельств, по сути, выступает как основа формирования эффективной методики расследования конкретных видов преступлений. Это значительно повышает качество и результативность работы правоохранительных органов, благоприятно воздей-

ствуя на состояние выделенной составляющей правовой системы.

Осуществляя анализ конкретных обстоятельств мошенничества в сфере оборота недвижимости, современные учёные обращаются к множественным элементам криминалистической характеристики, среди которых, например, личности виновных и потерпевших лиц или механизм образования следов. Мы же хотим остановиться на такой составляющей как способ совершения преступления.

Способ совершения мошенничества представляется как совокупность приёмов (или иначе — последовательность действий), к которым обращается субъект для достижения своей корыстной цели в виде завладения чужим имуществом (в нами рассматриваемом случае — объектом недвижимости) или правами на него. Основополагающая особенность способов совершения мошенничества — их многообразие и вариативность осуществления, которая определяется конкретными условиями, сложившимися в рассматриваемой на действующий момент ситуации.

Классификация способов мошенничества, совершаемого в отношении недвижимости, основывается в преимущественной мере на таком основании их разграничения как объект посягательства (которым признаётся вид рынка жилья). Учитывая отмеченное положение, можно определить, что способы мошенничества подразделяются следующим образом:

— мошенничество, совершаемое на вторичном рынке жилья. Объектом преступления в приведённом случае становится недвижимость, которая уже признаётся элементом гражданского оборота, поскольку прошла процедуру государственной регистрации, в результате чего соответствующие сведения о ней подлежали внесению в Единый государственный реестр недвижимости (согласно статье 13 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» [2]). Учитывая, что все юридические действия, совершаемые с таким жильём, исходя из его специфики как объекта правовых отношений, характеризуются значительной сложностью (обуславливаемой, конечно же, множественными процедурными нюансами, отраженными в гражданском законодательстве), злоумышленники обладают возможностью использования недостаточной осведомлённости граждан и пробелов в нормативно-правовом отраслевом регулировании в своих корыстных интересах.

Среди распространённых приёмов, используемых мошенниками для неправомерного обращения вторичной недвижимости в свою пользу, можно выделить использование поддельных документов, подтверждающих право собственности на недвижимость (это самостоятельная подготовка фиктивной документации, якобы подтверждающей право собственности, либо внесение изменений в официальные выписки из реестра), совершение сделки от имени лица, не имеющего на то юридических оснований (например, посредством использования недействи-

тельных или украденных документов). Довольно часто на практике встречаются ситуации двойной продажи одного и того же объекта недвижимости, когда мошенники одновременно проводят несколько фиктивных сделок, получая от разных покупателей, как частичные взносы (в качестве предоплаты), так и полные суммы, после «исчезая» с полученными средствами без, как логически следует, выполнения встречных обязательств;

— мошенничество, совершаемое на первичном рынке жилья, чаще всего на этапе строительства, когда у дольщиков либо отсутствует полноценный доступ к объекту недвижимости, либо же когда они не могут самостоятельно проверить законность совершаемой сделки (как отмечает А. М. Крепышев, только инвестируя свои средства в готовящееся к введению в эксплуатацию здание [3, с. 127]).

Известными на сегодняшний день способами совершения такого рода мошенничества признаются:

— продажа того или иного объекта недвижимости лицом, не имеющим статуса его законного собственника;

— продажа объекта недвижимости одновременно нескольким субъектам (количество которых может быть неограниченным и устанавливается лишь на этапе расследования выявленного факта совершения преступления);

— обмен, находящегося в пользовании лица жилищного помещения на меньшую по объёму территорию с предоставлением соразмерной доплаты (как правило, предоставляемая в качестве обмена недвижимость оформляется по договору аренды, и, следовательно, собственник, не видя необходимости своевременно убедиться в законности сделки, осознает, что является жертвой обмана непосредственно после его истечения);

— создание жилищно-строительного кооператива, в условиях которого создается некоторая видимость «легальной» инвестиционной деятельности. Для этого мошенники находят пайщиков, заключая с ними не традиционные договоры долевого участия в строительстве (подлежащие, как нам известно, регистрации Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии), а договоры паенакопления. Они в свою очередь, не требуют какой-либо дополнительной фиксации, ввиду чего все соглашающиеся на их подписание субъекты самостоятельно ограничивают возможности для своей защиты как непосредственных участников имущественных правоотношений [4, с. 75];

— строительство многоквартирного дома на участке, предназначенном исключительно для индивидуального жилищного строительства. Этот способ мошенничества основывается на том, что застройщик привлекает средства дольщиков под видом будущего строительства жилого многоквартирного дома, изначально находясь в осведомлении, что на выбранных им земельных участках оно признаётся недопустимым. На этапе продажи недвижимости покупателям предоставляется фиктивная документация, согласно которой строящийся объект по-

зиционируется в качестве полноценного жилища, что предполагает возможность последующей регистрации права собственности. Однако уже после окончания строительства выясняется, что оформить право собственности на отдельное помещение (квартиру) просто невозможно, так как дом юридически не считается многоквартирным и не может быть введён в эксплуатацию в таком статусе. В итоге дольщики становятся обладателями недвижимости, которую просто не могут полноценно использовать, теряя все свои вложенные в приобретение собственного жилища средства;

— продажа доли собственности приватизированного жилья, обращаясь к которой мошенники используют специфику правового режима, который был установлен законодателем в отношении такого вида недвижимости. Находя потенциального покупателя, мошенники в общем порядке заключают сделку, скрывая то обстоятельство, что отдельные субъекты, ранее отказавшиеся от своей доли, до сих пор имеют право на пожизненное проживание в квартире (а равно — в любой момент могут начать активно его реализовывать, вновь заселившись в помещение, представляющее объект преступного деяния) [5].

Литература:

1. Данилова, Н. А. Размышления о значении и предназначении криминалистической характеристики преступления / Н. А. Данилова. — Текст: непосредственный // КриминалистЪ. — 2022. — № 4 (41). — С. 70–74.
2. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661.
3. Крепышев, А. М. Способы совершения мошенничества в сфере недвижимости / А. М. Крепышев. — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 10 (178). — С. 124–128.
4. Третьякова, Е. И. Способ совершения мошенничества в сфере оборота жилья / Е. И. Третьякова. — Текст: непосредственный // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 1. — С. 73–76.
5. Мошенничество при продаже жилья. — Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии: [сайт]. — URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/moshennichestvo-pri-prodazhe-zhilya/> (дата обращения: 22.06.2025).

Деятельность службы защиты информации АО «Почта Банк» по предотвращению инцидентов по операциям без согласия клиентов

Атанова Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной научной статье рассматривается деятельность службы защиты информации Почта Банка по предотвращению инцидентов, связанных с операциями без согласия клиентов. Исследуются методы многоуровневой защиты, включая использование SIEM, антифрод-систем, биометрической аутентификации и мониторинга транзакций. Особое внимание уделяется предотвращению мошенничества через социальную инженерию, защиту цифровых каналов и обучение клиентов. Результаты работы позволяют сделать вывод о высокой эффективности комплексной системы защиты информации Почта Банка, снижении рисков финансовых потерь и повышении доверия клиентов, а также об актуальности дальнейшего совершенствования технологий и процедур безопасности.

Ключевые слова информационная безопасность, банковская сфера, социальная инженерия, антифрод, SIEM, MFA, мониторинг транзакций, защита данных.

Представленная классификация — это далеко не полная совокупность преступных схем, используемых сегодня мошенниками на практике, а лишь некоторая их часть, поскольку выделенная система имеет неисчерпывающий характер и постоянно дополняется, так как, к сожалению, изобретательность преступников позволяет находить новые варианты обхода законодательства. Кроме того, практика оборота недвижимости стимулирует появление новых сложных и труднораспознаваемых преступных механизмов, ввиду чего вновь подчёркивается высокая значимость рассматриваемой тематики, а равно и её актуальность как одной из научных областей криминалистики.

Учитывая вышеотмеченное, мы можем сделать вывод, что выделение и изучение способов совершения мошенничества имеет весомое практическое значение для процессов раскрытия, расследования. Раскрытие используемых мошенниками приёмов позволяет определить круг подозреваемых субъектов и их возможных соучастников, выстраивая наиболее точные версии, а также разрабатывая рекомендации в направлении предотвращения совершения аналогичных преступлений (с учётом происходящих изменений в области правового регулирования вопросов управления недвижимостью).

Activities of the information protection service of JSC Post Bank to prevent incidents involving transactions without customer consent

This scientific article examines the activities of the Postbank information security service to prevent incidents related to transactions without customer consent. Methods of multi-level protection are being investigated, including the use of SIEM, anti-fraud systems, biometric authentication and transaction monitoring. Special attention is paid to fraud prevention through social engineering, digital channel protection and customer education. The results of the work allow us to conclude that the Mail Bank's comprehensive information security system is highly effective, reducing the risks of financial losses and increasing customer trust, as well as the relevance of further improving security technologies and procedures.

Keywords: information security, banking, social engineering, anti-fraud, SIEM, MFA, transaction monitoring, data protection.

В эпоху цифровой трансформации финансовая сфера является одной из наиболее уязвимых областей, подверженных постоянному воздействию киберугроз. Банковские организации, внедряющие дистанционные сервисы, мобильные приложения, автоматизированные платформы взаимодействия с клиентами и удалённые способы идентификации, сталкиваются с возрастающим количеством информационных рисков. Технологический прогресс открывает новые возможности для удобства потребителей и повышения доступности финансовых услуг, однако в то же время создаёт условия для появления новых форм киберпреступности и несанкционированных действий, осуществляемых как извне, так и через социальную инженерию. Вопросы защиты информации являются ключевыми для обеспечения устойчивого функционирования банка, повышения уровня доверия клиентов и предотвращения финансовых потерь.

Операции, совершаемые без согласия клиента, являются наиболее опасным и распространённым типом угроз в последние годы. К таким операциям относятся различные формы мошенничества, такие как фишинг, вишинг, социальная инженерия, кража аутентификационных данных, подделка цифровых профилей, несанкционированный доступ к личным кабинетам и мобильным приложениям. Рост данных инцидентов ежегодно фиксируется и ущерб, по данным регуляторов, составляет миллиарды рублей. К таким угрозам наиболее уязвимы банки, активно развивающие цифровые каналы обслуживания и имеющие широкую клиентскую базу, пользователи в которой обладают различным уровнем цифровой грамотности [3].

Для Почта Банка, обслуживающего десятки миллионов физических лиц по всей стране, этот вопрос приобретает особую значимость. Специфика банка заключается в ориентации на массовый сегмент клиентов, включая тех, кто менее подготовлен к использованию современных цифровых инструментов. Это увеличивает вероятность атак и повышает требования к качеству систем обеспечения информационной безопасности. В связи с этим деятельность службы защиты информации Почта Банка направлена не только на предотвращение внешних атак, но и на повышение осведомлённости клиентов, внедрение механизмов многофакторной аутентификации, анализ тран-

закционной активности, развитие антифрод-решений и совершенствование внутренних регламентов.

Основой доверия в финансовой системе выступает защита персональных данных клиентов. Любая утечка или использование данных без согласия пользователя приводит к финансовым потерям, ухудшению репутации банка и юридическим последствиям. Клиенты предъявляют высокие требования к безопасности своих средств и ожидают от банка прозрачности, принятия ответственности и готовности к быстрому реагированию на инциденты.

Значимость защиты данных определяется следующими факторами:

- 1) Персональные данные являются ключевым объектом преступных схем;
- 2) Мошеннические операции наносят ущерб и клиентам, и банкам, вынужденным компенсировать часть потерь;
- 3) Регулятор усиливает требования к безопасности, предписывая банкам внедрения современных средств защиты;
- 4) Конкурентная борьба за клиентов усиливает значение доверия к цифровым сервисам.

Цифровизация банковской сферы предоставляет клиентам уникальные возможности, такие как мгновенные переводы, удалённое открытие счетов, онлайн-кредитование, круглосуточный доступ к финансовым услугам, но в то же время внедрение цифровых технологий сопровождает ряд задач:

- 1) Расширение периметра рисков. Атаки могут осуществляться через мобильные приложения, веб-порталы, API-интерфейсы, устройства клиентов;
- 2) Рост сложности систем. Множество взаимосвязанных платформ требует многоуровневой модели защиты;
- 3) Необходимость анализа больших данных. Требуется постоянный мониторинг транзакций для обнаружения подозрительных операций;
- 4) Участие внешних партнёров. Экосистемы повышают риски через подрядчиков и интегрируемые сервисы;
- 5) Разнообразие клиентской аудитории. Информирование менее опытных пользователей приобретает особое значение.

Информационная безопасность в банковской сфере представляет собой совокупность организационных, технических, правовых и программных мер, направленных на обеспечение защиты информации, критичной для функционирования финансовой организации. Под информацией понимаются данные клиентов и сотрудников, сведения о транзакциях, операционные процессы, технологические схемы, коды доступа, банковские тайны, программные и аппаратные ресурсы.

В классическом понимании информационная безопасность включает три основных аспекта: конфиденциальность (обеспечение доступа к информации только уполномоченным лицам), целостность (гарантия неизменности, защиты данных от несанкционированного удаления, модификации или искажения), доступность (обеспечение возможности законного доступа к информации и сервисам, когда это необходимо).

В банковской сфере к основным принципам добавляются следующие:

- 1) Подотчётность — фиксация каждого действия пользователей, позволяющая установить источник любых изменений;
- 2) Неподделываемость — подтверждение подлинности документов, операций и электронных сообщений;
- 3) Отказоустойчивость — способность систем продолжать функционирование даже при отказах оборудования или атаке.

Классификация информационной безопасности банков по видам:

- 1) Техническая безопасность: защита каналов связи, серверов, рабочих станций, сетевой инфраструктуры, криптографическая защита данных;
- 2) Организационная защита: регламенты, инструкции, политика безопасности, обучение персонала;
- 3) Правовая безопасность: выполнение требований законодательства, нормативов Центрального банка РФ, международных стандартов;
- 4) Экономическая защита: меры по снижению и предотвращению убытков от киберугроз и мошенничества;
- 5) Физическая безопасность: контроль доступа сотрудников к помещениям и оборудованию;
- 6) Антифрод-защита: выявление подозрительных операций, анализ поведения клиентов, блокировка мошеннических действий.

Комплексное сочетание всех этих видов обеспечивает устойчивость банка к современным угрозам [4].

Банковская отрасль связана с финансовыми активами, конфиденциальными данными и высокими объёмами транзакций, что делает её одной из приоритетных целей киберпреступников. В последние годы наблюдается стремительный рост числа угроз, используемых злоумышленниками.

Социальная инженерия является одной из основных причин несанкционированных операций без согласия клиента. Злоумышленники используют психологические манипуляции, подмену номеров, имитацию звонков от

службы безопасности банка, отправку поддельных SMS-сообщений, создание фишинговых сайтов.

К распространённым формам социальной инженерии относятся:

- 1) Фишинговые письма и сайты для похищения учётных данных;
- 2) Вишинг-звонки, когда злоумышленник представляется сотрудником банка;
- 3) SMS-фрод — отправка ссылок на вредоносные сайты или подмена служебных уведомлений банка;
- 4) Навязывание установки вредоносных приложений.

Технические риски связаны с уязвимостями в программном обеспечении, сетевых компонентах и пользовательских устройствах. К таким уязвимостям относятся вредоносные программы (трояны, шпионы, скрипты), атаки на мобильные приложения, атаки на API, интернет-банкинг и корпоративные системы, утечки данных из-за уязвимостей ПО, атаки типа «человек посередине», эксплуатация уязвимостей нулевого дня. Особенно уязвимы перед этими видами атак банки, использующие удалённые каналы.

Организационные угрозы включают в себя ошибки сотрудников, отсутствие должных регламентов или их несоблюдение. Часто причиной утечек и инцидентов становятся низкая цифровая грамотность сотрудников, неправильная работа с персональными данными, слабый контроль доступа, отсутствие двухфакторной аутентификации для критически важных ролей.

Одной из наиболее опасных категорий угроз являются инсайдеры благодаря легитимному доступу к системам. Угрозы включают неправомерные действия сотрудников, коммерческий шпионаж, умышленное изменение данных, передача конфиденциальной информации третьим лицам.

Риски нарушения доступности, к которым относятся DDoS-атаки на инфраструктуру банка, отказ оборудования, сбои в дата-центрах, повреждение сетей связи, могут иметь критическое влияние на обслуживание клиентов и финансовые операции.

Банки вынуждены создавать многоуровневые системы защиты, учитывающие широкий спектр угроз, среди которых социальная инженерия и мошенничество с клиентами остаются доминирующими.

Современная система обеспечения информационной безопасности в банке опирается на ряд формирующих основу для разработки внутренней политики безопасности, выбора технических решений и создания организационной структуры принципов:

- 1) Комплексность. Защита должна реализовываться одновременно на техническом, программном, организационном и правовом уровнях;
- 2) Многоуровневость. Каждый слой инфраструктуры должен иметь собственный уровень защиты: сеть, рабочие станции, серверы, приложения, базы данных, поведение пользователей;
- 3) Минимизация прав и доступов. Права доступа выдаются строго в соответствии с функциональными обя-

занностями сотрудника («принцип наименьших привилегий»). Любое расширение доступа фиксируется и контролируется;

4) Непрерывный мониторинг и контроль событий. Системы SIEM, SOC и антифрод-комплексы должны работать круглосуточно и выявлять отклонения в режиме реального времени;

5) Обеспечение резервирования и отказоустойчивости. Критические сервисы должны иметь резервные каналы связи, дублирующие системы, регулярные бэкапы, аварийные планы восстановления;

6) Криптографическая защита данных. Обязательное использование сертифицированных средств криптографической защиты информации на этапах хранения и передачи данных;

7) Обучение персонала и клиентов. Регулярные инструктажи и рассылки играют важную роль, так как наиболее уязвимое звено представляет собой человеческий фактор.

Деятельность банков по защите информации регулируется обширной нормативной базой, включающей федеральные законы, подзаконные акты, требования Центрального банка, стандарты и методические рекомендации. Основные документы, обязательные для банков:

1) Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», определяющий принципы обработки персональных данных, требования к безопасности, права субъектов данных, требования к оператору по предотвращению утечки данных. Банк является оператором персональных данных и обязан обеспечивать их защиту;

2) Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ», устанавливающий требования к объектам КИИ. Банки входят в сферу финансовых организаций, чьи информационные системы относятся к критически важным объектам;

3) ГОСТ Р 57580 «Безопасность финансовых (банковских) операций», включающий требования к защите платёжной инфраструктуры, требования к киберустойчивости, рекомендации по криптографической защите, требования к системе управления информационной безопасностью;

4) Нормативные акты ЦБ РФ, среди которых: Положение 683-П о стандартах информационной безопасности при переводе денежных средств, СТО БР ИББС — стандарты организаций банковской системы по обеспечению информационной безопасности, письма и методические рекомендации ЦБ РФ по противодействию мошенничеству, требования к биометрическим данным, к удалённой идентификации, к защите мобильных приложений.

Ключевым структурным подразделением банка, обеспечивающим устойчивость бизнес-процессов, безопасность операций и защиту данных клиентов, является служба информационной безопасности. Она включает в себя следующие направления:

1) Обеспечение технической защиты. Служба отвечает за предотвращение атак и проникновений, управ-

ление межсетевыми экранами и шлюзами безопасности, поддержку систем анализа трафика, усиление защиты мобильных приложений, контроль уязвимостей;

2) Мониторинг событий информационной безопасности. Центр мониторинга фиксирует подозрительные события, анализирует поведение пользователей, отслеживает попытки мошенничества, что позволяет выявлять инциденты до того, как они приведут к ущербу;

3) Противодействие мошенничеству (антифрод). Антифрод-платформы оценивают аномалии транзакций, подозрительные входы в личный кабинет, операции, характерные для социальной инженерии (например, крупный перевод после разговора со злоумышленником, представившимся сотрудником службы безопасности). Служба информационной безопасности взаимодействует с операционным блоком и службой безопасности для блокировки операций без согласия клиента;

4) Обучение клиентов и персонала. Сотрудники данного подразделения организуют тренинги, корпоративные рассылки, симуляции фишинговых атак, что снижает вероятность успешных атак социальной инженерии;

5) Контроль соблюдения требований законодательства. Служба обеспечивает выполнения банком всех требований;

6) Реагирование и расследование инцидентов. Служба информационной безопасности выявляет инциденты, принимает меры по их локализации, анализирует причины, проводит внутренние расследования, формирует отчёты и улучшает меры защиты.

Служба информационной безопасности играет стратегическую роль в деятельности банка, обеспечивая защиту инфраструктуры и безопасность клиентов и их средств [7].

Почта России и банковская группа ВТБ24 — два ключевых участника создания Почта Банка. 28 января 2016 года было подписано соглашение о создании новой кредитной организации на базе почтовых отделений. Почта Банк позиционируется как универсальный розничный банк, обслуживающий преимущественно частных клиентов (физических лиц) с акцентом на простоту, доступность услуг и широкую филиальную сеть. Направления его деятельности включают выпуск и обслуживание дебетовых и кредитных карт; потребительские кредиты, включая льготные программы для пенсионеров; вклады, депозитные программы для разных категорий населения; пенсионные и социальные проекты: банк предлагает обслуживание пенсий, счета для зачисления пенсионных выплат и льготные условия для пенсионеров; зарплатные и корпоративные продукты, банковские услуги для бизнеса; переводы (в том числе межбанковские), расчётно-платёжные сервисы, дистанционное обслуживание через онлайн- и мобильный банк. Почта Банк нацелен на массового клиента и федеральную географию присутствия.

Одной из характерных особенностей банка является ориентация на разнообразную клиентскую аудиторию. Банк ориентируется на тех, кто ценит простоту и доступность услуг: низкие пороги для открытия счёта, простые

продукты (вклады, карты, кредиты), возможность получать услуги в отделениях почты, что особенно удобно для жителей маленьких населённых пунктов и пожилых людей. Клиентская база банка включает разные возрастные группы, разный уровень финансовой и цифровой грамотности, широкий географический охват, что повышает требования к качеству обслуживания, простоте сервисов и безопасности, так как часть клиентов может быть уязвима перед мошенничеством или ошибками.

В числе цифровых каналов обслуживания Почта Банк:

- 1) Онлайн-банк, личный кабинет;
- 2) Мобильные приложения для частных и корпоративных клиентов, что позволяет управлять счетами, картами, переводами, проводить платежи удалённо;
- 3) Биометрическая идентификация и удалённая верификация клиентов: Почта Банк стал одним из первых банков, внедривших системы биометрической идентификации (распознавание лиц) для открытия счёта или подтверждения операций;
- 4) POS-банкинг и партнёрские точки обслуживания за счёт обширной сети отделений Почты России и партнёрских точек, что позволяет охватывать удалённые регионы.

Цифровизация и удалённое обслуживание привлекают широкий круг клиентов, но в то же время повышают требования к безопасности и защите данных.

Служба информационной безопасности в Почта Банке выполняет критически важную функцию — обеспечение безопасности клиентских данных, транзакций и устойчивости банковской инфраструктуры при высоких нагрузках и разнообразии каналов. Служба информационной безопасности выполняет следующие задачи:

- 1) Защита инфраструктуры. Технические решения для защиты сетей, серверов, приложений, баз данных, мобильных и веб-сервисов;
- 2) Контроль доступа и аутентификации. В том числе через биометрические методы в целях снижения риска мошенничества при удалённой идентификации;
- 3) Мониторинг операций и антифрод. Анализ подозрительных транзакций, предотвращение и блокировка операций, совершённых без согласия клиента;
- 4) Обеспечение соответствия нормативным требованиям и регламентам, защита персональных данных клиентов, внутренний контроль;
- 5) Обучение и информирование клиентов и сотрудников. Повышение устойчивости к социальным атакам, повышение уровня осведомлённости и защищённости.

Так как Почта Банк работает с большим объёмом персональных и финансовых данных, обслуживает клиентов по всей стране, имеет широкую сеть отделений и цифровых сервисов, банк выстраивает политику информационной безопасности, охватывающую комплекс мероприятий.

Ключевые цели этой политики:

- 1) Обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности клиентской информации и банковских данных;

2) Предотвращение несанкционированного доступа, мошенничества, операций без согласия клиента;

3) Снижение операционных, финансовых и репутационных рисков банка;

4) Соответствие требованиям законодательства, стандартов регулятора и отраслевых нормативов;

5) Повышение доверия клиентов и устойчивости бизнеса.

Принципы, реализуемые в политике: многоуровневая защита (сети, приложения, данные, каналы), использование современных технических решений (шифрование, биометрия, аутентификация), разделение прав и доступов, постоянный мониторинг, резервирование, обучение сотрудников и клиентов, регулярный аудит безопасности.

Ключевые направления:

1) Защита цифровых каналов и мобильных сервисов. Шифрование, контроль доступа, безопасные протоколы, защита от уязвимостей;

2) Идентификация и аутентификация клиентов. Снижение риска мошенничества при удалённом открытии счёта или совершении операций;

3) Антифрод-системы и мониторинг операций. Оценка транзакций, выявление подозрительных операций, блокировки, расследования;

4) Защита персональных данных и соблюдение регламентов. Внутренние политики, инструкции, контроль доступа;

5) Обучение персонала и информирование клиентов об угрозах и методах защиты;

6) Поддержка инфраструктурной безопасности и устойчивости бизнес-процессов. Резервирование, защита от технологических угроз, отказоустойчивость.

Эта политика позволяет снизить риски инцидентов.

Почта Банк сталкивается с необходимостью противодействия широкому спектру мошеннических схем. К типичным операциям без согласия клиента относятся следующие:

1) Несанкционированные переводы, списания и платежи, проведённые мошенниками с использованием методов социальной инженерии;

2) Операции с использованием реквизитов банковских карт, включая компрометацию PAN, CVV/CVC-кодов;

3) Дистанционное подключение к мобильному банку клиентов, получающееся в результате подбора данных аутентификации;

4) Взлом личных кабинетов с использованием вредоносного программного обеспечения;

5) Подмена SIM-карты, что позволяет злоумышленнику перехватывать SMS-коды;

6) Утечки персональных данных, потенциально открывающие доступ к финансовым операциям.

Эти инциденты могут иметь финансовые и репутационные последствия, поэтому служба информационной безопасности Почта Банка выстраивает многоуровневую систему предотвращения подобных атак.

Хищение средств путём получения реквизитов банковских карт клиентов является одной из наиболее распространённых схем. Мошенники применяют такие атаки как фишинговые сайты, маскирующиеся под портал Почта Банка, поддельные формы оплаты в интернет-магазинах, компрометация данных в результате утечки у сторонних сервисов и использование скимминговых и шимминговых устройств. Служба информационной безопасности банка реагирует на подобные угрозы через динамическую оценку риска операций, автоматическое блокирование подозрительных транзакций и применение токенизации, исключающей передачу реальных реквизитов [6].

Большая доля мошенничества связана с социально-психологическими методами воздействия. Клиентам поступает звонок от злоумышленника, представляющегося сотрудником банка или государственных структур и убеждающего раскрыть данные карты, установить вредоносное программное обеспечение, перевести средства на «безопасный счёт», продиктовать SMS-коды. Почта Банк работает с этим направлением комплексно, применяя антифрод-системы с использованием анализа поведенческих моделей клиента, блокировку транзакций при аномальной активности, уведомления клиентам о рисках, регулярные кампании по обучению [5].

Для того, чтобы избежать утечек персональных данных, попытки подбора паролей к мобильному банку, перехвата одноразовых кодов, Почта Банк использует систему многоканальной аутентификации, ограничивающую возможность проведения операций только по SMS-коду, внедряя дополнительные сценарии подтверждения.

Система защиты от инцидентов строится по принципу многоуровневого мониторинга. Служба информационно безопасности является структурно сложным комплексом и включает:

- 1) Центр мониторинга безопасности;
- 2) Отделы реагирования на инциденты;
- 3) Подразделение по расследованию;
- 4) Антифрод-направление;
- 5) Специалистов по киберразведке.

Центр мониторинга безопасности осуществляет функции:

- 1) Круглосуточный мониторинг ИТ-инфраструктуры банка;
- 2) Анализ логов сетевой активности;
- 3) Выявление аномалий в операциях клиентов;
- 4) Обнаружение попыток взлома и нелегитимного доступа;
- 5) Корреляция событий по десяткам источников данных.

Центр мониторинга опирается на автоматизированные платформы (SIEM-системы, системы поведенческой аналитики UEBA, базы угроз TI-фиды) и формирует события типа попытка вывода средств клиентом в нетипичное время суток, вход в мобильный банк с нового устройства, попытка смены SIM-карты, массовые входы с одного IP-адреса, подозрительные API-запросы. Данные

сигналы передаются в антифрод и отдел реагирования на инциденты.

Инфраструктура банка включает решения класса IDS/IPS, которые обеспечивают анализ сетевого трафика, обнаружение вредоносных действий, блокировку подозрительных пакетов, предотвращение удалённого доступа злоумышленников. IPS-система автоматически блокирует SQL-инъекции, останавливает попытки brute-force, предотвращает эксплуатацию уязвимостей.

SIEM обеспечивает централизацию логирования, автоматическую корреляцию событий, анализ поведения клиентов и сотрудников, связь между операциями клиента и его цифровым следом. Например, фиксация попыток входа из другого региона, установок мобильного приложения без последующей активности, перевод на часто фигурирующие мошеннические счета. В случае высокого риска операция блокируется до уточнения.

Почта Банк использует технологию многофакторной аутентификации MFA для защиты доступа к сервисам. Дополнительные факторы включают одноразовые коды, push-уведомления, подтверждения через привязанное устройство, поведенческие параметры. Некоторые операции требуют повышенного уровня подтверждения. Банк использует Единую биометрическую систему (ЕБС) и внутренние методы (голосовую биометрию, распознавание лица), что снижает количество успешных атак, связанных с подменой личности, а также аппаратное шифрование каналов, токенизацию данных карт в мобильном банке, криптографию, что исключает доступ к чувствительным данным даже при компрометации отдельных элементов системы.

Служба информационной безопасности формирует и обновляет регламенты обработки инцидентов, правила взаимодействия центра мониторинга безопасности и других подразделений, процедуры эскалации, сценарии восстановления и проводит регулярные учебные программы для сотрудников, тестирования на устойчивость к фишингу, рассылки предупреждений клиентам и публикацию информационных материалов о мошенниках. Адаптированные материалы учитывают возрастную аудиторию, включая людей пенсионного возраста, подверженных особому риску.

Примеры осуществляемого предотвращения инцидентов:

1) Блокировка попытки входа и перевода с нового устройства. Злоумышленник получил пароль клиента через социальную инженерию. Вход выполнен с нового устройства, операцию пытались осуществить в ночное время, поведение не соответствует профилю клиента. В результате SIEM и антифрод заблокировали операцию и инициировали звонок клиенту;

2) Пресечение фишинговой атаки. Центр мониторинга безопасности обнаружил массовые переходы на домен, похожий на сайт банка, было установлено, что ресурс используется для кражи данных. В результате домен был передан регистратору на блокировку, банк уведомил

клиентов через SMS и мобильное приложение, часть клиентов была защищена до перехода на фишинговый сайт;

3) Аномальная активность карты. Антифрод выявил серию платежей на зарубежных сайтах, не характерных для клиента. В результате карта была автоматически заблокирована, клиенту предложен перевыпуск, операции отменены;

4) Подмена SIM-карты. Оператор связи сообщил о перевыпуске SIM-карты клиента. Центр мониторинга безопасности зафиксировал попытку изменения настроек мобильного банка. В результате банк заблокировал доступ до подтверждения личности клиента.

Оценка эффективности системы защиты информации является центральным элементом управления информационной безопасностью. Почта Банк является одним из крупнейших розничных банков Российской Федерации и имеет высокую нагрузку на каналы дистанционного обслуживания и широкий спектр цифровых сервисов. Этим обусловлены повышенные требования к надёжности защитных механизмов и к способности оперативно реагировать на инциденты.

Показатели, находящиеся в основе оценки уровня защищённости:

- 1) Степень выполнения законодательных требований;
- 2) Наличие сертифицированных средств защиты информации;
- 3) Степень зрелости процессов информационной безопасности (уровень регламентации, автоматизации, контрольных точек),
- 4) Охват ключевых систем механизмами мониторинга;
- 5) Эффективность выявления атак и аномалий;
- 6) Устойчивость сервисов к отказам и попыткам компрометации.

Почта Банк использует многоуровневую архитектуру защиты, сегментацию сети и контроль доступа, современный SOC, развитую антифрод-платформу, системы шифрования и токенизации, каналы обмена информацией с FinCERT.

С точки зрения методик оценки зрелости (например, NIST Cybersecurity Framework и ISO/IEC 27001), можно предположить, что банк находится на уровне «Repeatable / Managed», то есть процессы информационной безопасности стандартизированы, задокументированы, регулярно совершенствуются и включают элементы автоматизации.

На основании типовых показателей и отраслевой статистики составлена примерная оценка уровней эффективности.

Ключевые метрики:

- 1) Скорость обнаружения инцидента;
- 2) Среднее время реагирования;
- 3) Автоматизация антифрода;
- 4) Процент предотвращённых операций до их завершения;
- 5) Объём возвращённых клиентам средств по индустрии;

6) Количество фишинговых доменов, выявленных банком.

У крупных банков Российской Федерации скорость обнаружения инцидентов варьируется от нескольких минут до нескольких часов. По наличию у Почта Банка центра мониторинга безопасности, SIEM-системы, системы поведенческой аналитики UEBA, антифрод-системы, можно предположить, что скорость обнаружения инцидентов остаётся на уровне от 1 до 15 минут для критичных событий, что соответствует передовым практикам.

Среднее время реагирования у российских банков обычно колеблется в пределах нескольких часов. Почта Банк использует автоматизированные механизмы блокировки подозрительных операций, что сокращает среднее время реагирования до минут.

Большинство операций блокируются автоматически, без участия человека, при помощи поведенческих моделей, анализа риска, репутационных баз счётов и устройств, корреляции событий, что позволяет оценить уровень автоматизации как высокий.

По данным ЦБ РФ, показатель процента предотвращённых операций до их завершения для крупных банков составляет 60–80 %. С учётом того, что у Почта Банка внедрены современные антифрод-системы, можно предположить, что банк находится в верхнем диапазоне.

По отчётам ЦБ РФ, объём возвращённых клиентам средств по индустрии составляет 10–20 % средств, списанных без согласия. Чем эффективнее мониторинг, тем ниже объём списаний.

Почта Банк регулярно предупреждает клиентов о фишинговых схемах, что говорит о системном мониторинге угроз.

Даже при наличии высокого уровня зрелости информационной безопасности остаются направления, требующие постоянного совершенствования. Большая часть инцидентов мошенничества связана с добровольной передачей данных злоумышленнику. Такие схемы не могут быть предотвращены даже самыми совершенными антифрод-системами. Также банк не может контролировать угрозы, связанные с мобильными устройствами клиентов (заражённые смартфоны, поддельные приложения банков, дистанционный доступ мошенников), что снижает общую безопасность. Несмотря на обучение, сотрудники могут стать причиной непреднамеренных утечек и ошибок конфигурации, а компрометация любого звена цепочки взаимодействия (Почта России, Госуслуги, платёжные системы, внешние сервисы идентификации) увеличивает риски.

Для оценки эффективности системы защиты Почта Банка было принято решение проанализировать и сопоставить её с решениями, применяемыми крупнейшими участниками сектора Российской Федерации: Сбербанком, ВТБ, Альфа-Банком и Тинькофф. Данные организации традиционно демонстрируют высокую зрелость в области кибербезопасности и задают ориентиры для отрасли.

Сравнение системы защиты Почта Банка с крупными участниками рынка представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение системы защиты

Архитектура защиты и технологическая база					
Компонент	Почта Банк	Сбербанк	ВТБ	Альфа-Банк	Тинькофф
Центр мониторинга безопасности (SOC)	SOC 24/7, SIEM, UEBA, корреляция событий, TI-фиды	Один из крупнейших SOC в стране, собственные аналитические платформы и киберразведка	Развитый централизованный SOC, собственная аналитика	SOC с автоматизированным реагированием (SOAR), UEBA	SOC на базе облачной аналитики и Big Data
Антифрод-системы	Многоуровневый антифрод, анализ поведения, оценка риска операций	Собственные ML-модели, прогнозирование поведения, динамическая авторизация	Многофакторные модели, анализ клиентских сценариев	Собственные алгоритмы, анализ цифрового следа	Глубокая поведенческая аналитика, модели Big Data, онлайн-скоринг
Биометрия и аутентификация	Использование Единой биометрической системы, MFA, поведенческая аутентификация	Собственные биометрические решения, голосовая биометрия, биометрия в отделениях	МФА, биометрия, Risk-based authentication	Биометрия и динамическая аутентификация	Широкое использование биометрии в приложении, FaceID/VoiceID
Криптографическая защита	ГОСТ, токенизация, аппаратное шифрование	ГОСТ и собственные проприетарные модули защиты, HSM	ГОСТ, сертифицированные криптосредства	ГОСТ, сертифицированные криптосредства	ГОСТ, HSM, изоляция ключей
Защита мобильных приложений	Встраиваемые средства защиты, шифрование контейнера, противодействие рутированным устройствам	Собственная платформа мобильной безопасности	Расширенная защита API, контроль целостности	Защита от MITM, контроль среды выполнения	Усиленная защита API, антибот-механизмы, защита от подмены устройств
Уровень автоматизации	Высокий (антифрод, корреляция событий, блокировка операций)	Очень высокий — масштабное применение ML и SOAR	Высокий	Высокий	Один из самых высоких уровней автоматизации — банк без отделений
Организационные практики					
Обучение клиентов	Регулярные рассылки, памятки, уведомления	Масштабные федеральные кампании, онлайн-курсы			
Обучение сотрудников	Тестирования, фишинг-симуляции	Собственные центры подготовки, кибертренажёры			
Нормативное соответствие	Полное соблюдение требований ЦБ, ГОСТ, 152-ФЗ, 187-ФЗ	Полное соблюдение требований ЦБ, ГОСТ, 152-ФЗ, 187-ФЗ и внутренние корпоративные стандарты, основанные на международных практиках			
Управление инцидентами	Стандартизированные регламенты, эскалация, расследования	Расширенная автоматизация (SOAR), собственные методологии расследований			
Уровень технологической зрелости по аналогии с NIST CSF					
Модель зрелости процессов информационной безопасности	Repeatable / Managed — процессы стандартизированы, регулярно обновляются, значительная часть автоматизирована	Advanced / Optimized — развитая собственная технологическая база, экосистемный уровень информационной безопасности	Managed — зрелые корпоративные процессы, высокий уровень централизации	Defined / Managed — процессы формализованы, постоянно дорабатываются	Managed / Advanced — упор на облачную аналитику, Big Data и поведенческие модели

В результате анализа сравнения с отраслевыми практиками можно сделать вывод, что Почта Банк применяет сопоставимые с ведущими участниками отрасли технические и организационные меры защищённости, используя стандартный набор инструментов: SIEM, SOC, антифрод, сегментацию сети, криптографию, биометрию. Крупнейшие банки опережают Почта Банк в области собственной R&D и развитых ML-моделей, что объясняется их ресурсной базой и размером. Однако разрыв в уровне защиты не критичен, так как фундаментальные механизмы соответствуют требованиям рынка и регулятора. Основными направлениями развития банка являются усиление цифровой грамотности клиентов, расширение применения биометрии, внедрение дополнительных ML-моделей в антифрод, повышение защиты мобильных устройств клиентов. [1].

Совершенствование системы защиты информации является непрерывным процессом в условиях роста киберугроз, усложнения схем социальной инженерии и развития цифровых сервисов банковского сектора. Модернизация подходов к информационной безопасности гарантирует устойчивость и конкурентоспособность на рынке финансовых услуг. Основные рекомендации по развитию технических, организационных и нормативных мер, направленные на повышение устойчивости банка к современным угрозам:

1) Укрепление архитектуры безопасности «нулевого доверия». Данная концепция предусматривает постоянную проверку всех субъектов доступа, сегментацию сетей, ограничение доступа к ресурсам по принципу минимальных привилегий, мониторинг поведения пользователей и систем. Почта Банку рекомендуется расширить микросегментацию сетевой инфраструктуры, внедрить постоянную динамическую проверку поведения пользователя, усилить контроль доступа к критически важным данным, расширить использование контекстной авторизации;

2) Совершенствование систем обнаружения вторжений. Современная практика включает использование IDS/IPS с функциями машинного обучения, применение систем EDR/XDR для мониторинга конечных устройств, внедрение анализа сетевого трафика на основе поведенческих моделей (NDR). Для Почта Банка актуально расширить покрытие EDR всех рабочих станций сотрудников, включая филиальную сеть, интегрировать XDR с SIEM и антифрод-системами, внедрить NDR для анализа зашифрованного трафика без расшифровки, на основе анализа сетевых потоков;

3) Развитие систем защищённого хранения ключей и критических данных. Учитывая рост атак на криптографические системы, рекомендуется усилить применение аппаратных HSM, реализовать распределённое хранение ключей.

Современный финансовый сектор активно интегрирует технологии искусственного интеллекта и больших данных в процессы информационной безопасности. Для

Почта Банка внедрение и развитие таких технологий создаёт основу для качественного скачка в обнаружении мошенничества. Основные рекомендации по внедрению современных технологий:

1) Развитие поведенческой аналитики UEBA. Системы UEBA анализируют шаблоны поведения клиентов, привычные сценарии использования банка, частоту транзакций, географию операций, устройства доступа. Для Почта Банка актуально расширение количества атрибутов анализа, использование моделей deep learning для выявления латентных аномалий, интеграция UEBA со всеми каналами (мобильный банк, Интернет-банк, АТМ);

2) Модели машинного обучения для антифрод-систем. Искусственный интеллект может анализировать миллионы транзакций и в реальном времени выявлять аномальные последовательности операций, признаки социальной инженерии в поведении клиента, новые схемы мошенничества. Почта Банку рекомендуется внедрить сочетание правил и машинного обучения, self-learning модели, адаптирующиеся к новым угрозам, federated learning (обучение моделей без передачи данных);

3) Big Data-подход к анализу угроз. Big Data позволяет объединять и анализировать многоканальные данные (логины, транзакции, геолокацию, поведение устройства), выявлять недоступные классическим методам взаимосвязи, формировать риск-профиль клиента онлайн. Почта Банку актуальны такие направления развития, как создание единого хранилища рисков, интеграция аналитики данных с маркетинговыми и клиентскими системами, использование графовых баз данных для выявления мошеннических сетей [2].

Ключевой угрозой является социальная инженерия. Именно поэтому повышение знаний клиентов представляет собой один из важнейших инструментов защиты. Основные рекомендации по усилению клиентской осведомлённости:

1) Единая платформа цифровой грамотности для клиентов. Почта Банку рекомендуется разработать платформу, включающую обучение в формате мини-курсов, реалистичные симуляции мошеннических звонков, тестирование «уровня риска клиента», персонализированные советы по усилению безопасности;

2) Рассылки и push-уведомления. Система должна отправлять предупреждения при обнаружении массовых фишинговых атак, при попытках SIM-swap, при всплесках мошенничества в конкретных регионах;

3) Программы работы с пожилыми клиентами. Так как спецификой Почта Банка — значительная доля клиентов старшего возраста, рекомендуется организация очных мини-лекций, раздача обучающих буклетов в отделениях Почты России.

Также для укрепления системы защиты необходимо развивать внутреннюю культуру безопасности. Рекомендуется обязательное ежеквартальное тестирование, формирование мотивационных программ (премирование сотрудников за выявление нарушений, рейтинги подраз-

деления по показателям безопасности), минимизация человеческих рисков, включающая контроль привилегий, ротацию сотрудников в критических подразделениях, мониторинг инсайдерских угроз.

Развитие системы защиты информации требует не только технических и организационных мер, но и совершенствования нормативно-правовой базы как на уровне банка, так и на уровне законодательства. Почта Банку рекомендуется обновить: политику информационной безопасности, процедуры управления доступом, регламент взаимодействия с МБД и FinCERT. В целях совершенствования отраслевой нормативной базы предлагается расширить регулируемые сценарии подтверждения операций, перечень требований к антифрод-систем, стандарты API для обмена информацией об угрозах. В целях внедрения единого стандарта клиентской аутентификации необходимо разработать единый стандарт биометрического подтверждения (внутри ЕБС), единые требования к защите мобильных приложений банков и общую платформу обмена риск-событиями.

Таким образом, эффективная организация процессов информационной безопасности является ключевым фактором устойчивого развития любого коммерческого банка, функционирующего в условиях цифрового роста. Проведённое исследование позволило комплексно оценить деятельность службы защиты информации Почта

Банка, выявить её сильные стороны и определить направления дальнейшего развития.

Комплексный анализ позволил установить, что банк демонстрирует высокий уровень цифровизации и зрелости процессов информационной безопасности, однако нуждается в дальнейшем усилении ряда направлений, связанных с развитием технологий искусственного интеллекта, автоматизацией анализа больших данных, укреплением культуры безопасности среди сотрудников и расширением мер поддержки клиентов.

Исследование деятельности службы защиты информации Почта Банка показывает, что банк обладает развитой системой информационной безопасности и устойчивой организационной структурой. Однако для обеспечения долгосрочной устойчивости необходимо дальнейшее развитие технологических, организационных и нормативных мер. Главными направлениями остаются внедрение AI/ML-моделей, развитие антифрод-систем, повышение цифровой грамотности клиентов, формирование внутренней культуры безопасности, модернизация нормативной базы, интеграция решений класса XDR/NDR, автоматизация анализа больших данных. Комплексная реализация предложенных мер позволит обеспечить высокий уровень защиты клиентов, повысить доверие к банку и обеспечит конкурентоспособность в условиях цифровизации финансового сектора.

Литература:

1. Кирсанов И. Р., Полухина Д. Ю. Применение и роль системы защиты siem в банковской деятельности // Теория и практика современной науки. 2020. № 5 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-i-rol-sistemy-zaschity-siem-v-bankovskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Копнин А. А., Соколова Е. В., Долгополов А. А. Методика обеспечения безопасности банковских интернет-транзакций на основе антифрод системы // International journal of professional science. 2022. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-obespecheniya-bezopasnosti-bankovskih-internet-tranzaktsiy-na-osnove-antifrod-sistemy> (дата обращения: 28.11.2025).
3. Мельников А. И. Социальная инженерия в цифровой эпохе: анализ методов манипуляции человеческим фактором в целях кибератак // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-v-tsifrovoy-epohe-analiz-metodov-manipulyatsii-chelovecheskim-faktorom-v-tselyah-kiberatak> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Надейкина В. С., Лагуткина Т. В. Анализ способов реализации системы многофакторной аутентификации // Научный результат. Информационные технологии. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sposobov-realizatsii-sistemy-mnogofaktornoy-autentifikatsii> (дата обращения: 28.11.2025).
5. Паршиков К. А. Социальная инженерия как угроза для информационной безопасности // Вестник науки. 2024. № 6 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-kak-ugroza-dlya-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 28.11.2025).
6. Протасов П. А. Биометрия в банковской системе РФ // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2020. № 49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-bankovskoy-sisteme-rf> (дата обращения: 28.11.2025).
7. Степаненко Д. А. Антифрод как криминалистическое средство предупреждения преступлений в банковской сфере // Дискуссия. 2024. № 1 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antifrod-kak-kriminalisticheskoe-sredstvo-preduprezhdeniya-prestupleniy-v-bankovskoy-sfere> (дата обращения: 28.11.2025).

Функции государственной службы в современной системе государственного управления

Афанасьев Николай Игоревич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Настоящая статья посвящена анализу функций государственной службы в рамках современной системы государственного управления. Актуальность исследования определяется потребностью в повышении эффективности функционирования государственных институтов. Целью работы является систематизация ключевых функций государственной службы и идентификация факторов, детерминирующих их реализацию.

В результате исследования предложена классификация функций государственной службы и выявлены факторы, оказывающие как позитивное, так и негативное влияние на их эффективное осуществление. На основании полученных результатов обоснована необходимость совершенствования нормативной базы и программ профессионального развития государственных служащих.

Ключевые слова: государственная служба, функции, государственное управление, государственные служащие, мотивация, эффективность, принципы, правовое обеспечение, взаимодействие с обществом.

Functions of the civil service in the modern system of public administration

Afanasyev Nikolai Igorevich, student
Moscow University of Finance and Law

This article is devoted to the analysis of the functions of the civil service within the framework of the modern system of public administration. The relevance of the study is determined by the need to improve the efficiency of the functioning of public institutions. The purpose of the work is to systematize the key functions of the civil service and identify the factors that determine their implementation.

As a result of the study, a classification of the functions of the civil service is proposed, and the factors that have both positive and negative effects on their effective implementation are identified. Based on the results obtained, the need to improve the regulatory framework and professional development programs for civil servants is substantiated.

Keywords: public service, functions, public administration, civil servants, motivation, efficiency, principles, legal support, and interaction with society.

В условиях динамично меняющейся социально-экономической и политической обстановки эффективность государственного управления становится ключевым фактором успешного развития государства и общества. Государственная служба, являясь основным инструментом реализации государственной власти, играет определяющую роль в достижении поставленных целей и задач.

Проблема определения и классификации функций государственной службы является предметом многочисленных научных исследований

[1, с. 78]. Однако, несмотря на значительное количество публикаций, сохраняется необходимость дальнейшего изучения данного вопроса с учетом современных вызовов и трансформаций в системе государственного управления. Изменения в законодательстве, внедрение новых технологий, возрастающие требования к качеству государственных услуг — все это обуславливает необходимость переосмысления функций государственной службы и разработки новых подходов к их реализации.

Целью данного исследования является определение и систематизация основных функций государственной службы, а также выявление факторов, влияющих на их эффективную реализацию. Для достижения поставленной цели необходимо в первую очередь проанализи-

ровать теоретические подходы к определению понятия «функция государственной службы», которые демонстрируют разнообразие взглядов, поскольку, нормативный подход определяет функцию как обязанность, закрепленную в нормативных правовых актах, организационный же подход рассматривает функцию как роль государственной службы в организационной структуре государственного управления. Социологический подход, в свою очередь, акцентирует внимание на функции как на вкладе государственной службы в удовлетворение общественных потребностей.

Функции государственной службы тесно связаны с функциями государственного управления, выступая как их конкретное выражение в деятельности государственных служащих. Функции государственного управления — это основные направления воздействия государства на общественные процессы, в то время как функции государственной службы — это конкретные виды деятельности, осуществляемые государственными служащими для реализации этих направлений.

Содержание и реализация функций государственной службы определяются рядом принципов, таких как законность, профессионализм, компетентность, ответственность, эффективность, прозрачность, подотчетность.

Классификация функций государственной службы может осуществляться по различным критериям [2, с. 203], среди них можно выделить следующие:

- По масштабу: общие (применимые ко всей системе государственной службы) и специальные (характерные для отдельных органов государственной власти).
- По содержанию: правотворческие, правоприменительные, контрольные, обеспечивающие, аналитические, прогностические.
- По направленности: внутренние (направленные на организацию деятельности самой государственной службы) и внешние (направленные на взаимодействие с гражданами, организациями, другими органами власти).

Исходя из вышеизложенного, в современной системе государственного управления можно выделить следующие основные функции государственной службы:

- Правовое обеспечение государственного управления: разработка и экспертиза нормативных правовых актов являются ключевым элементом правового обеспечения. Эта функция включает также правовое консультирование органами власти физических и юридических лиц.
- Обеспечение реализации государственной политики. Данная функция предполагает разработку и реализацию государственных программ, проектов и планов, направленных на достижение целей

социально-экономического развития, определенных органами государственной власти. Государственные служащие отвечают за координацию деятельности различных ведомств и организаций, участвующих в реализации государственной политики, а также за мониторинг и оценку достигнутых результатов.

- Информационно-аналитическое обеспечение государственного управления: сбор, обработка и анализ информации, необходимой для принятия управленческих решений, является важной функцией государственной службы. Государственные служащие проводят исследования, анализируют статистические данные, готовят аналитические отчеты и прогнозы, которые используются при разработке и реализации государственной политики.

– Организационное обеспечение государственного управления: Организация работы органов государственной власти, координация деятельности различных структур, а также контроль за исполнением решений уполномоченных лиц, являются важными задачами, выполняемыми государственными служащими. Указанная функция включает также организацию делопроизводства, и ведение надлежащего документооборота, в том числе электронного, проведение совещаний и других организационных мероприятий.

- Финансово-экономическое обеспечение государственного управления: планирование, распределение и контроль за использованием бюджетных средств являются важной функцией, требующей высокой профессиональной компетентности служащих. Государственные служащие обеспечивают эффективное и целевое использование бюджетных средств, а также разрабатывают пред-

ложения по совершенствованию финансово-экономической политики государства.

- Кадровое обеспечение государственного управления: подбор, расстановка, обучение и развитие государственных служащих являются важными задачами, направленными на повышение профессионального уровня и эффективности деятельности государственной службы.
- Взаимодействие с обществом и гражданами: обеспечение открытости и прозрачности деятельности органов власти, предоставление государственных услуг, рассмотрение обращений являются важными факторами повышения доверия граждан к государственной власти. Государственные служащие обязаны взаимодействовать с обществом, учитывать общественное мнение при принятии решений.
- Контроль и надзор: Контроль за исполнением законов и иных нормативных правовых актов, а также выявление и пресечение нарушений являются важными функциями, направленными на обеспечение правопорядка. Государственные служащие вправе осуществлять контрольные и надзорные мероприятия.

В рамках углубленного исследования обозначенной проблематики представляется необходимым идентифицировать ключевые факторы, детерминирующие эффективность реализации функций государственной службы, а также разработать рекомендации по ее оптимизации.

Эффективность реализации функций государственной службы зависит от множества факторов, которые можно условно разделить на следующие группы:

- Правовые факторы, заключающиеся в совершенствовании законодательства о государственной службе, выработке четких и понятных норм, регулирующих деятельность государственных служащих.
- Организационные факторы, среди которых можно выделить формирование четкой структуры органов государственной власти, распределение полномочий и ответственности, а также наличие развитой системы координации.
- Кадровые факторы, включающие высокий уровень профессионализма и компетентности государственных служащих, мотивацию к эффективной работе, развитую систему подготовки и переподготовки кадров.
- Финансовые факторы, подразумевающие достаточного финансирования государственной службы, эффективное использование бюджетных средств.
- Информационные факторы, такие как доступность информации, необходимой для принятия служащими управленческих решений, развитая система информационно-коммуникационных технологий.
- Социальные факторы, включающие уровень доверия граждан к государственной власти, участие граждан в управлении государством.

В заключение следует подчеркнуть, что государственная служба играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования системы государственного управления. Основные функции государственной службы включают правовое обеспечение, обеспечение

реализации государственной политики, информационно-аналитическое обеспечение, организационное обеспечение, финансово-экономическое обеспечение, кадровое обеспечение, взаимодействие с обществом и гражданами, а также контроль и надзор.

Эффективность реализации указанных функций детерминируется комплексом правовых, организационных, кадровых, финансовых, информационных и социальных факторов. В этой связи, повышение эффективности функционирования государственной службы требует комплексного подхода, охватывающего совершенствование нормативно-правовой базы, оптимизацию орга-

низационной структуры, развитие профессиональных компетенций государственных служащих, внедрение современных информационных технологий, повышение уровня прозрачности и открытости деятельности, а также усиление контрольных механизмов.

Перспективы дальнейших исследований в данной области видятся в изучении влияния цифровой трансформации на функционал государственной службы, разработке инновационных моделей управления персоналом, а также в проведении анализа эффективности реализации функций государственной службы в отдельных областях государственного управления.

Литература:

1. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2016.
2. Черепанов В. В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление». — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Правовое регулирование и проблемы правоприменительной практики деятельности лицензионно-разрешительных подразделений Росгвардии

Бажанов Денис Олегович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В содержании статьи автор рассматривает функции, задачи, полномочия сотрудников лицензионно-разрешительной работы Росгвардии, аспекты, в том числе, проблематику правового регулирования данной деятельности.

Ключевые слова: оборот оружия, Росгвардия, лицензионно-разрешительные подразделения, правовое регулирование.

Лицензионно — разрешительные подразделения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия) являются важнейшей, неотъемлемой составляющей системы обеспечения защиты населения страны, ведь, от качественного выполнения сотрудниками служебно-боевых задач, основной из которых является федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной и частной детективной деятельности, напрямую зависит безопасность государства и общества.

В период образования Росгвардии, в 2016 году, во время прямой линии Президент России Владимир Владимирович Путин, проводя диалог с журналистами о причинах формирования новой силовой структуры, заявил, что главная причина создания Национальной гвардии в РФ заключается в необходимости поставить под жесткий контроль оборот огнестрельного оружия. [1]

По последним статистическим данным, приведенным Росгвардией в 2021 году, число зарегистрированного в России оружия превысило 6 миллионов единиц, которым владеют более 3 миллионов физических лиц.

Об особой важности вышеуказанного направления деятельности росгвардейцев заявил в одном из интервью и глава ведомства, Герой России генерал армии Виктор Васильевич Золотов, отметив: «В вопросах оборота оружия нет мелочей и исключений» [2]. С этим невозможно не согласиться, ведь, данная, чрезвычайно значимая и актуальная проблема нередко обуславливает наличие угроз для общественной безопасности, причиной которым являются, в частности, незаконное владение, оборот, «подпольные рынки» оружия.

Согласно статистике за прошлый год, озвученной министром внутренних дел Российской Федерации Владимиром Александровичем Колокольцевым, в 2024 году полицией, при взаимодействии с Федеральной службой безопасности (далее — ФСБ) и Росгвардией выявлено более 16 тысяч фактов незаконного оборота оружия и почти 8 тысяч лиц, тогда, как, за аналогичный период 2023 года, органами внутренних дел выявлено более 17 тысяч посягательств в этой сфере и свыше 8 тысяч лиц, их совершивших. В рамках мероприятий, проводимых правоохранителями в целях добровольной сдачи гражданами нелегально хранящегося оружия, на возмездной основе, ими передано семь с половиной тысяч средств вооружения. [3].

По информации председателя Национального анти-террористического комитета, директора ФСБ Александра Васильевича Бортникова, в 2024 году правоохранительными органами пресечено около 2700 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, изъято более 100 тысяч единиц огнестрельного оружия.

Противоправная деятельность 134 подпольных оружейников из 48 субъектов страны была пресечена в период с января по февраль 2024 года, деятельность 288 жителей из 51 региона — в период с июня по июль того же года. Результатом этого стали проведенные стражами порядка масштабные мероприятия. [4]

В качестве примера судебной практики 2025 года по уголовному делу, связанному с указанной тематикой, целесообразно привести решение суда о признании виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 222 УК РФ (незаконный сбыт огнестрельного оружия и боеприпасов к нему), жителя Кабардино-Балкарской Республики. За торговлю оружием он приговорен судом к шести с половиной годам лишения свободы. [5] Деятельность подразделений лицензионно — разрешительной работы Росгвардии регламентирована, в первую очередь, основным законом страны — Конституцией Российской Федерации. [6] Также, ее правовое регулирование основывается на положениях нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление государственных услуг в сфере оборота оружия, частной детективной (сыскальной) и охранной деятельности. Среди прочих: Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [7], Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [8], Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [9], Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [10], Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [11] и др.

Сотрудники лицензионно-разрешительной работы в целях выполнения возложенных на них задач наделены рядом полномочий, в которые, входят: контроль оборота гражданского, служебного, наградного оружия, боеприпасов и патронов к нему, соблюдение гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия; выдача гражданам и организациям при наличии оснований, предусмотренных законодательством, лицензий на приобретение гражданского и служебного оружия, на осуществление деятельности по торговле оружием, его основными частями и патронами к нему, лицензий на осуществление частной охранной деятельности или частной детективной деятельности, выдача разрешений на хранение, ношение, транспортирование, ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с территории Российской Федерации оружия; осуществление приема, хранения и уничтожения изъятого, добровольно сданного или найденного оружия различных видов, бое-

припасов и патронов; исполнение решений суда (судьи) о возмездном изъятии или конфискации оружия и боеприпасов и др.

Необходимо добавить, что в период подготовки к выборам Президента Российской Федерации, сотрудниками Росгвардии, в пределах своих полномочий, было проведено около 500 тысяч проверок на предмет обеспечения условий сохранности оружия у граждан, проживающих вблизи мест проведения голосования. В ходе данных мероприятий правоохранителями выявлено около 5 тысяч нарушений, у владельцев, нарушивших нормы законодательства в сфере оборота оружия, изъято более 3700 единиц гражданского оружия. [12]

Важно подчеркнуть, что рационализация законодательной базы органа исполнительной власти способствует минимизации правовых конфликтов и, безусловно, способствует упрощению работы. Росгвардией уделяется большое внимание совершенствованию регламентирующих деятельность документов. Летом 2024 года Государственной Думой был принят законопроект с предложениями о внесении изменений в Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», в части использования оружия государственными военизированными организациями. Изменения заключаются в том, что, если ранее, Росгвардией, в рамках полномочий, производилась утилизация, подлежащего данной процедуре оружия и патронов к нему, обращенных в государственную собственность, либо, добровольно сданных собственниками, то, в настоящее время, данная законодательная инициатива предусматривает применение указанного оружия и патронов государственными военизированными организациями при выполнении задач в зоне проведения специальной военной операции (далее — СВО). По мнению одного из субъектов права законодательной инициативы, депутата Государственной Думы РФ Анатолия Борисовича Выборного, нововведения являются «эффективным правовым механизмом».

Следует обратить внимание и на успешную реализацию Росгвардией в 2024 году в российских регионах государственной информационной системы контроля за оборотом оружия, развернутой на платформе «ГосТех». Инновации направлены на повышение эффективности контроля за оборотом оружия и обеспечение безопасности граждан. Данная система позволит осуществлять оперативный мониторинг и управление процессами, связанными с оборотом оружия, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению безопасности в регионах.

Вместе с тем, несмотря на систематическое развитие правового регулирования лицензионно-разрешительной деятельности Росгвардии, имеют место быть определенные коллизии, затрудняющие правоприменение. Проблема требует научного осмысления, вследствие чего, она вызывает неравнодушие у многих отечественных ученых. В частности, О. С. Гоман и В. И. Сургутсков отмечают

о необходимости внесения изменений в отдельные нормативные документы. Авторы считают, что сформулированные ими предложения будут способствовать профилактике преступлений и правонарушений в области оборота гражданского оружия. Так, ученые акцентируют внимание на предъявлении компетентными органами к гражданину, подавшему заявление на получение соответствующей лицензии, более высоких требований, а именно, письменного согласия, совместно проживающих с ним совершеннолетних родственников, письменного обоснования потенциальным владельцем оружия причин его приобретения, как например, это правило закреплено в законодательстве Германии. [13, с.49–50] Стоит выразить солидарность мнениям О. С. Гоман и В. И. Сургут-

скова и с их обоснованным предложением о расширении полномочий сотрудников лицензионно-разрешительных подразделений Росгвардии в проверке владельцев оружия по базам психоневрологических и наркологических диспансеров, на предмет их постановки, либо отсутствия в медицинских базах данных учреждений.

Таким образом, можно извлечь вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего деятельность лицензионно-разрешительной системы Росгвардии и выразить уверенность в решении данных проблемных вопросов, в том числе, при помощи научных исследований ученых, ведь, данные аспекты не утратят своей актуальности, так как в них заключены вопросы национальной, общественной безопасности.

Литература:

1. Путин объяснил причину создания Национальной гвардии. Информационное агентство «Интерфакс», ОГРН 1037739169335, ИНН 7710137066. [Цитировано: 14 апреля 2016 г.] <https://www.interfax.ru/russia/503786>.
2. Официальный сайт ФСБНГ РФ. — URL: <https://rosguard.gov.ru/News/Article/v-voprosax-oruzhiya-net-melochej-isklyuchenij-direktor-rosgvardii-rasskazal-lenteru-o-deyatelnosti-vedomstva-v-sfere-kontrolya-za-oborotom-oruzhiya> (дата обращения: 22.11.2025).
3. Официальный сайт МВД РФ. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/news/item/62189090> (дата обращения: 22.11.2025).
4. Официальный сайт Национального антитеррористического комитета РФ. — URL: <https://nac.gov.ru/list/categoryId/68/view/ea32245d-6773-4f91-ab86-8a74d9fe102c> (дата обращения: 22.11.2025).
5. [Электронный ресурс] // Сайт сетевое издание РИА Новости URL: <https://ria.ru/20251125/oruzhie-2057352352.html> (дата обращения: 25.11.2025).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) 9с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 –ФКЗ, от 05.02.2014 № 2 –ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 –ФКЗ).
7. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии».
8. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».
9. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
10. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».
11. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».
12. Официальный сайт ФСБНГ РФ. — URL: <https://rosguard.gov.ru/News/Article/zamestitel-direktora-rosgvardii-generalpolkovnik-policii-sergej-lebedev-prinyal-uchastie-v-zasedanii-centralnoj-izbiratelnoj-komissii-rossijskoj-feder> (дата обращения: 27.11.2025).
13. Гоман О. С., Сургутсков В. И. Приоритетные направления совершенствования правового регулирования деятельности подразделений Росгвардии и полиции в сфере оборота гражданского оружия // Общество и право. — 2022. — № 3. — С. 49–50.

Право законодательной инициативы прокуратуры: быть или не быть?

Божко Ксения Сергеевна, студент
Челябинский государственный университет

В данной статье затрагивается вопрос о праве законодательной инициативы прокуратуры. Этот вопрос настолько многогранен, что не первый год волнует исследователей. С одной стороны закрепление такого права позволит улучшить качество законодательства с точки зрения внесения ценных предложений основываясь на практике и выявленных проблемах при осуществлении прокурорского надзора, более оперативному реагированию на вызовы и проблемы

общества, в частности на улучшение уголовного законодательства, повышение доверия граждан к правовым институтам. С другой стороны это может привести к использованию права законодательной инициативы для продвижения своих интересов, что может привести к конфликту между ее функциями и задачами, увеличению бюрократических процедур, риску подрыва независимости законодательной власти и подчинить ее исполнительной, возможная политизация — прокуратура может стать инструментом политического влияния если ее инициатива будет связана с текущей политической ситуацией или давлением властей. В данной статье автор попытается осветить вопрос о предоставлении прокуратуре права законодательной инициативы, плюсы и минусы такого решения.

Ключевые слова: прокуратура, инициатива, прокурорский надзор, право законодательной инициативы, законодательство, функции, исполнительная власть, законодательная власть.

The right of legislative initiative of the Prosecutor's Office: to be or not to be?

This article deals with the issue of the right of legislative initiative of the prosecutor's office. This issue is so multifaceted that it has been worrying researchers for years. On the one hand, the consolidation of such a right will improve the quality of legislation in terms of making valuable suggestions based on practice and identified problems in the implementation of prosecutorial supervision, a more rapid response to challenges and problems of society, in particular to improve criminal legislation, increasing public confidence in legal institutions. On the other hand, it can lead to using the right of legislative initiative to advance their interests, which can lead to a conflict between its functions and tasks, increase bureaucratic procedures, risk undermining the independence of the legislative branch and subordinate it to the executive, possible politicization — the prosecutor's office can become an instrument of political influence if its initiative is related to the current political situation or pressure from the authorities. In this article, the author will try to highlight the issue of granting the prosecutor's office the right to legislative initiative, the pros and cons of such a decision.

Keywords: prosecutor's office, initiative, prosecutorial supervision, the right of legislative initiative, legislation, functions, executive power, legislative power.

Рассмотрение такого вопроса как право законодательной инициативы надзорного органа волнует научное общество не первый год потому, что это настолько тонкая грань между соблюдением прав, законности, увеличения влияния прокуратуры на процесс создания законов, подрыва независимости законодательной власти и не до конца проработан механизм контроля этого процесса в целом.

До написания данной статьи автор провел устный опрос сотрудников (и по совместительству своих коллег) органов принудительного исполнения на предмет «как вы считаете, необходимо ли прокуратуре как надзорному органу, стоящему на страже законности, право законодательной инициативы?» часть опрошенных ответила что да, такое право нужно в силу быстротечности изменений в обществе и применение законов на практике не всегда так гладко как это звучит в теории, а прокуратура, ежедневно сталкиваясь с нарушениями знает и понимает это как надзорный орган, часть опрошенных ответила отрицательно объяснив, что у прокуратуры итак много функций и полномочий и больше чем есть им не нужно.

Вопрос о предоставлении прокуратуре права законодательной инициативы (и закрепление его в ст.104 Конституции Российской Федерации) действительно волнующий, многогранный и так и не нашедший своего решения на данный момент. Так ли это право нужно надзорному органу государства, что ожидает общество если законодатель однажды придет к такому решению и не вернемся ли мы к чрезмерному вмешательству прокуратуры в жизнь человека и гражданина ведь однажды про-

куратура уже была инструментом государства для «участия в разработке и пропаганде советских законов» [1] и это, как ни странно, приводило к угрозам прав граждан (внесение предложений, приводящих к ужесточению законодательства, акцент в большинстве на положительных аспектах что создавало некую иллюзию безопасного общества хотя на практике законы использовались для подавления инакомыслия и др.) вместе с этим «своей деятельностью прокуратура способствует воспитанию должностных лиц и граждан в духе добросовестного исполнения своих конституционных обязанностей, соблюдения законов и правил социалистического общества» [1].

В нынешнее время в эпоху демократии для нас такая деятельность прокуратуры крайне непривычна, но данный факт имел место быть до изменения закона о прокуратуре. В настоящее время прокуратура окончательно закрепляет свое положение надзорного органа, не без изменений конечно, деятельность ее была скорректирована под Конституцию Российской Федерации от 12 декабря 1993 года согласно ст.2 «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»., ст.129 этого же документа был закреплен принцип единства и централизации системы органов прокуратуры, ст.104 Конституции [2] определяет что «право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации.

Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения (в ред. Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)», в то же время. В соответствии с конституцией, прокуратура Российской Федерации является самостоятельным государственным органом, формально не входящим ни в одну из ветвей власти, что указано в ст.4 ФЗ № 2202–1 от 17.01.92 «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. Что же нам говорит закон о праве законодательной инициативы?

Согласно ст.9 «прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов», т. е. право есть, а законодательно не закреплено.

Подходим к главному моменту — нужно ли оно? Следует иметь в виду, что до 1993 г. Генеральный прокурор РФ был наделен правом законодательной инициативы. Это очень важно. С принятием Конституции РФ в 1993 г. Генеральный прокурор РФ не был предусмотрен в числе субъектов, обладающих правом законодательной инициативы (ст. 104 Конституции РФ). На наш взгляд, это не вполне оправдано. И вот почему: внесение законопроекта в законодательный орган субъектом, обладающим правом законодательной инициативы, предполагает его обязательное рассмотрение и требует конкретного решения. А обращение в законодательный орган с предложениями о принятии законов, их изменении, отмене не гарантировано обязательностью рассмотрения законодательным органом. В этой связи такие обращения нередко остаются без внимания.

Генеральный прокурор РФ обращается со своими предложениями в законодательный орган в обычном порядке либо обращается в орган, обладающий правом законодательной инициативы, который если и вносит законопроект, то уже от собственного имени [4]. Прокуроры по всей Российской Федерации ежедневно находят нарушения в нормативных правовых актах, особенно на местном уровне и таких нарушений тысячи, десятки тысяч в год.

Это происходит потому, что в большинстве случаев в принятии таких нормативных правовых актов, противоречащим федеральным законам Российской Федерации, участвуют лица, не обладающие правовыми знаниями, и самая большая работа прокуратуры заключается в предупреждении принятия таких актов, использование в которых неточной, двусмысленной, а порой и неадекватной юридической терминологии, нарушает все правила юридического поля. Именно поэтому непосредственное участие прокурора в заседаниях законодательных и исполнительных органов власти имеет большое значение для

профилактики принятия законопроектов, не соответствующих действующему законодательству.

Однако следует помнить, что для законодательного и исполнительного органа замечания прокурора по законопроекту не носят обязательный характер и прокурор не может использовать какие-либо меры прокурорского реагирования (например, внести протест или представление), поскольку законодательство в этой ситуации не нарушается, а правовой акт, противоречащий Конституции РФ или другому федеральному закону, ещё не принят [4].

Именно поэтому, учитывая изложенные факты, право законодательной инициативы представляется оправданным закрепить за прокуратурой право законодательной инициативы в целях максимально эффективной работы надзорного органа.

Но с другой стороны, может ли возврат права законодательной инициативы прокуратуре может оказать значительное влияние на баланс сил между ветвями власти и на независимость каждой из них? Как уже говорилось выше, отсутствие такого права кажется неоправданным и прокуратуре оно бы не помешало, но в случае если прокуратура получит право законодательной инициативы, это может привести к увеличению ее влияния на процесс создания законов и подорвать независимость законодательной власти, так как будет иметь возможность напрямую влиять на формирование законодательства, в свою очередь законодательная власть может начать избегать своей ответственности за создание законов, перекладывая эту функцию на прокуратуру.

Сюда же добавим риск политизации, заключающийся в продвижении определенных партий, давление государства для достижения определенных целей, к путанице и конфликтам в правоприменении, особенно если законы будут создаваться с учётом конкретных случаев или интересов, а не в рамках общего блага, риск злоупотреблений со стороны прокуратуры учитывая широту ее полномочий в области надзора.

Интересен взгляд Перова С. В., который в своей работе указывает на то, что «одним из вероятных недостатков расширения практики инициативной разработки прокурорами законопроектов...что реализую право законодательной инициативы, прокуроры субъектов РФ могут поставить под сомнение свою независимость, объективность и беспристрастность при осуществлении в дальнейшем надзора за исполнением принятого по их инициативе закона...реализация указанного права будет препятствовать обеспечению одного из важнейших принципов организации и деятельности прокуратуры — принципа независимости» [5], к тому же одним из наиболее важных принципов законодательной инициативы, является связь с правоприменительной практикой, без наличия которой «законодательный орган не будет знать результаты своего труда, не сможет судить об эффективности принятых правовых решений, корректировать свою работу.

Правоприменительная практика выявляет все недостатки и просчеты законодателя, раскрывает правотвор-

ческие потребности», а органы прокуратуры ежедневно сталкиваются с правоприменительной практикой в самых различных сферах жизни и без преувеличения можно сказать, что ни один другой орган не имеет столь обширных возможностей оценивать адекватность законов изменяющимся общественным отношениям [6] и это можно объяснить тем, что сотрудниками прокуратуры, осуществляющими надзор за применением норм права и их реализацией в реальной действительности, накоплен значительный опыт, связанный с работой по предотвращению принятия незаконных нормативных актов на всех уровнях [7]. Данная деятельность выступает основным элементом государственного механизма правотворчества.

Вопрос о праве законодательной инициативы прокуратуры требует внимательного анализа и обсуждения. Необходимо учитывать как положительные аспекты, связанные с защитой прав граждан и улучшением законодательства, так и риски, связанные с возможным нарушением принципа разделения властей и политизацией органов прокуратуры. Возможно, оптимальным решением было бы создание механизмов, которые позволили бы прокуратуре вносить предложения по изменению законодательства без предоставления ей формального права законодательной инициативы. Это обеспечило бы баланс между эффективностью правоприменения и сохранением принципов демократии.

Литература:

1. Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X «О прокуратуре СССР» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44512#BXOxThUsNy0nfWL5>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ec8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2024) // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=466766&ysclid=ltv9t5rw3p744297888>
4. Шобухин В. Ю. «К вопросу о праве законодательной инициативы прокурора» // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prave-zakonodatelnoy-initsiativy-prokurora>
5. Перов, С. В. Перспективы развития законопроектной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации / С. В. Перов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 3(91). — С. 81–88. — DOI 10.17803/2311-5998.2022.91.3.081-088. — EDN PWDAPS.
6. Макенов, В. А. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности и правовом мониторинге в целях обеспечения законности и адекватности законодательства / В. А. Макенов // Будущее науки-2022: Сборник научных статей 10-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 21–22 апреля 2022 года / Отв. редактор М. С. Разумов. Том 2. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 421–422. — EDN EXNTLE.
7. Гаврильев, А. А. Генеральный прокурор РФ как субъект права законодательной инициативы / А. А. Гаврильев // Молодой ученый. — 2022. — № 8 (403). — С. 84–86. — URL: <https://moluch.ru/archive/403/88316/>

Уголовно-правовое противодействие недобросовестному банкротству как угрозе стабильности кредитной системы

Бульдеева Ксения Андреевна, студент

Научный руководитель: Ширманов Евгений Владимирович, кандидат политических наук, доцент
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье анализируется проблема недобросовестного банкротства по ст. 196 УК РФ и его влияние на стабильность кредитной системы России. Особое внимание уделяется системным рискам для экономики и ключевым проблемам правоприменительной практики, таким как сложность доказывания умысла. В заключение предлагаются меры по повышению эффективности борьбы с данными преступлениями.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, уголовная ответственность, кредитная система, финансовая стабильность, правоприменительная практика.

На современном этапе функционирования финансовой и кредитной системы Российской Федерации проблема недобросовестного банкротства приобретает

все большую актуальность. Под ним понимаются действия (или бездействие) должника либо контролирующих его лиц, направленные на создание или использование

состояния неплатежеспособности с целью уклонения от удовлетворения требований кредиторов либо обязательных платежей [1, с. 149]. В уголовном законодательстве Российской Федерации данная проблема закреплена прежде всего в ст. 196 УК РФ («Преднамеренное банкротство») – преступление, затрагивающее не только интересы отдельных кредиторов, но и стабильность системы кредитных отношений, финансовую устойчивость банков и иных кредитных организаций, что в совокупности может угрожать доверительному режиму банковской системы и финансовой безопасности государства.

В редакции, вступившей в силу с 1 июля 2021 года (ФЗ № 241ФЗ), ст. 196 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за доведение юридического лица или гражданина (включая ИП) до несостоятельности, если это действие (бездействие) заведомо влечет неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов или исполнить обязательные платежи, и при этом причинен крупный ущерб. Среди санкций выделяют штраф, принудительные работы либо лишение свободы (до шести лет по ч. 1 и до семи лет по ч. 2 при отягчающих обстоятельствах – группа лиц, использование должностного положения и др.) [2].

Значимость данной нормы заключается в том, что она направлена на предотвращение сценариев, при которых кредиторы лишаются возможности взыскать долги, а участники финансовой системы — устойчивости. В условиях рыночной экономики доверие к кредитной системе является «кровеносной системой» для бизнеса и банковского сектора.

Недобросовестное банкротство представляет собой одну из форм экономических правонарушений, оказывающих непосредственное влияние на функционирование системы кредитования и деятельность банков. Последствия таких действий проявляются в снижении доверия банковских учреждений к корпоративным заемщикам, что вынуждает их ужесточать условия кредитования, повышать ставки риск-премий и сокращать объемы выдачи кредитов. Это, в свою очередь, снижает доступность финансовых ресурсов для добросовестных участников экономических отношений. Банки, не получившие возврата долгов, вынуждены формировать дополнительные резервы, что негативно отражается на их ликвидности и уровне капитализации. Массовое распространение недобросовестных практик в сфере банкротства способно вызвать накопление проблемных и безнадежных долгов, снижение доверия инвесторов и вкладчиков, а также усиление регуляторной нагрузки на банковский сектор. Указанные процессы формируют системные риски, в совокупности представляющие угрозу финансовой стабильности государства.

Как отмечено в научных исследованиях, рост случаев банкротств с признаками криминального характера «формирует вызов финансовой безопасности и суверенитету государства» [3, с. 141].

Несмотря на наличие правового механизма в виде ст. 196 УК РФ, практика ее применения остается ограниченной. Согласно данным за период 2023–2024 годов,

количество привлечений к ответственности по данной статье было относительно невелико, что связано с рядом объективных трудностей, включая необходимость доказывания умысла, оценки размера причиненного ущерба, установления причинно-следственной связи между действиями лица и наступившей несостоятельностью [4].

В совокупности это означает, что хотя правовой институт предусмотрен, на практике он используется с ограничениями, что ослабляет его эффект с точки зрения профилактики и защиты кредитной системы.

В юридической литературе указывается на сложности, возникающие при разграничении преднамеренного банкротства от смежных составов преступлений, например, такого как фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ) [5, с. 101]. Отдельное внимание уделяется проблеме установления субъекта преступления, особенно в контексте привлечения к ответственности не только формальных руководителей, но и контролирующих лиц — бенефициаров, участников корпоративной группы, иных лиц, осуществлявших де-факто управление деятельностью должника. Кроме того, значительные трудности вызывает необходимость доказывания субъективной стороны преступления — умысла на доведение до банкротства, который зачастую маскируется под предпринимательские просчеты, неудачную конъюнктуру или иные внешние факторы. Это требует проведения комплексной экономической экспертизы, анализа сделок, действий по взысканию дебиторской задолженности, выявления схем по выводу активов и фиктивного увеличения долговой нагрузки. Некоторые исследователи также указывают на низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов с арбитражными управляющими, на которых фактически возложена обязанность по выявлению признаков преступного банкротства, что дополнительно осложняет эффективное применение уголовно-правового механизма.

Система уголовно-правового противодействия недобросовестному банкротству, представленная ст. 196 УК РФ, может рассматриваться как часть более широкой стратегии защиты кредитной системы от финансовых злоупотреблений. В целях повышения эффективности данной нормы необходимо реализовать несколько направлений.

Во-первых, усиление превентивного эффекта требует широкого информирования потенциальных контролирующих лиц о рисках уголовной ответственности за преднамеренное доведение до банкротства с причинением ущерба.

Во-вторых, важным условием является активизация выявления соответствующих правонарушений на ранних стадиях — при анализе подозрительных сделок, выявлении признаков искусственного формирования задолженности, незаконного вывода активов. Органы предварительного следствия должны более тесно взаимодействовать с арбитражными управляющими и банковскими структурами, а также своевременно реагировать на поступающую информацию о потенциальных нарушениях.

В-третьих, требуется совершенствование нормативной базы, направленное на конкретизацию обязанно-

стей контролирующих лиц, более четкое регулирование корпоративных связей, разработку правовых критериев добросовестности в управлении активами и долговыми обязательствами [6, с. 71].

В-четвертых, эффективная борьба с недобросовестным банкротством невозможна без интеграции усилий уголовно-правовой системы и органов банковского надзора. Банки и кредитные организации должны иметь возможность оперативного обращения в правоохранительные органы при выявлении признаков искусственной неплатежеспособности со стороны заемщиков, что позволит заранее пресекать противоправные действия, не дожидаясь фактического наступления банкротства.

Таким образом, стабильность кредитной системы напрямую зависит от того, насколько эффективно защи-

щены кредиторы и банки от недобросовестного поведения должников и контролирующих лиц. Уголовноправовая ответственность, предусмотренная ст. 196 УК РФ, является одним из инструментов такой защиты, однако ее эффективность в реальной практике пока ограничена из-за сложностей доказывания, нормативных пробелов и низкой частоты применения. Для того чтобы ст. 196 УК РФ стала реальным фактором укрепления финансовой стабильности, необходимо повышение активности правоохранительных органов, улучшение нормативной базы и усиление взаимодействия между банковским сектором и уголовноправовой системой. Только комплексный подход позволит превратить норму уголовного закона из декларации в действенный механизм защиты кредитной системы от недобросовестного банкротства.

Литература:

1. Рыков А. А. Некоторые проблемы уголовно-правового противодействия преднамеренному и фиктивному банкротству // Молодой ученый. — 2023. — № 38 (485). — С. 148–151.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Каменева А. Н. Законодательные новации в сфере уголовно-правового регулирования ответственности за неправомерные действия при банкротстве // Пробелы в российском законодательстве. — 2024. — Т. 17. — № 1. — С. 137–143.
4. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. — URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 04.11.2025).
5. Втюрин В. Д. Проблема отграничения преступлений, предусмотренных статьями 196 и 197 Уголовного кодекса РФ, от иных преступлений в сфере экономики // Молодой ученый. — 2022. — № 11 (406). — С. 100–102.
6. Березов К. С. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые при несостоятельности (банкротстве) // Новый юридический вестник. — 2023. — № 3 (42). — С. 70–72.

Возникновение и развитие обязательств

Васильев Андрей Сергеевич, студент;

Емельянова Анна Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье авторы анализируют возникновение и развитие обязательств. Прослеживается путь возникновения обязательственных отношений от их простейших форм в древнем мире (на примере римского права) до сложной, систематизированной отрасли в современной правовой системы. Авторы приходят к выводу сложившейся эволюции обязательства в постепенном отделении его от вещного права и права собственности.

Ключевые слова: обязательственное право, римское право, договорные обязательства, деликты.

Процесс юридического оформления обязательств и приведение правового механизма их регулирования в современное состояние был достаточно долгим и кропотливым. Обязательства в самом первобытном виде существовали до возникновения права, люди обменивались вещами и давали займы. Однако, подобные взаимоотношения требовали своего урегулирования правом, поскольку интерес кредитора, лица требующего, нуждался в защите. Был необходим механизм, который бы при-

менял к должнику, лицу обязанному исполнить требования кредитора, силу государственного принуждения в случае игнорирования требований второй стороны.

Одни из первых норм об обязательствах были известны еще римскому праву. Характер таких обязательств существенно отличался от обязательств в современном понимании. Долгое время подобные общественные отношения регулировались институтом мести, где лицо принимало на себя ответственность за вред, причиненный другому

лицу, но еще не существовало долга этот вред возместить. Со временем государство начинает вмешиваться в эту область и сначала ограничивает, а потом и вовсе запрещает месть, и устанавливает штрафы, которые идут в пользу обиженного лица [1].

Со временем римские юристы стали выделять и договорные обязательства. Определения договора в римских юридических как такового нет. Только из отдельных договоров следует, что всякий договор предполагает соглашение двух сторон, влекущее за собой юридические последствия. Отличались от договоров юридические акты, выражавшие волю только одного лица, например завещание. В римском праве существовали договоры строгого права и договоры, основанные на доброй воле. Договоры строгого права являлись буквальными, действовал принцип формализма и не допускалось отступления от текста этого договора. Договоры доброй воли подразумевали господство смысла над формой, на первый план выводилась воля участников правоотношений.

По способу своего заключения договоры делились на две группы: пакты и контракты. Пактом называлось неформальное соглашение, не пользовавшееся исковой защитой. Контрактом признавался договор, признанный гражданским правом и снабженный исковой защитой.

Гай выделял следующие основания возникновения обязательств «как бы из деликтов» и «как бы из обязательств» [2]. Под «обязательствами как бы из деликта» подразумевались некоторые обязательства, вытекающие из недозволенных действий, но не попавшие в список частных деликтов. Существовал перечень случаев, когда возникали такие обязательства. Под «обязательствами как бы из договора» имелись ввиду случаи, когда между двумя сторонами, не заключавшими договор, устанавливаются отношения, сходные с договорными. Выделяли следующие случаи обязательств как бы из договора: ведение чужих дел без поручения и обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения.

Стоит отметить, что римской цивилистике уже были известны основные фундаментальные характеристики обязательств. Во-первых, обязательству были присущи все известные правоотношению элементы: объект, субъект, юридическое содержание, основания возникновения, изменения и прекращения. Однако не все фактические обязательства регулировались правом. Например, отношения, возникающие из односторонних обещаний римское право не охватывало. Во-вторых, обязательственные отношения относительны. Отношения возникают между точно определенными субъектами, должником и кредитором. В-третьих, имущественный характер правоотношения. Отношения связаны с пользованием и распоряжением имуществом вследствие договоров или имущественной ответственностью лица, совершившего деликт. И наконец, обязательственное правоотношение характеризуется действиями активного типа. Лица обязуются исполнить какие-либо действия для удовле-

творения своих интересов либо интересов кредитора обязанным лицом.

Что касается возникновения и развития обязательств в отечественном праве, то их учет известен еще Русской Правде. Русская Правда дает понятие обязательства, рассматривает характерные черты обязательств на то время, дает правовое регулирование договоров мены, купли, займа, поклажи, найма [3].

В период Российской империи была попытка дать современное определение обязательственных правоотношений. В проекте гражданского уложения, не увидевшего свет из-за событий революций, было дано легальное определение обязательства как законной обязанности одного лица к передаче имущества или к совершению либо не совершению иного действия в пользу другого лица.

Разработка этого уложения стала следствием развития отечественной обязательственной теории, начавшегося во второй половине XIX века. В действовавшем на тот момент обязательственном законодательстве не было как таковой общей части, как таковая теоретическая база этой области права отсутствовала. Редакционная комиссия по составлению проекта Гражданского уложения, сформированная 31 мая 1882 г., еще в самом начале своей работы признала необходимым предпослать основному содержанию книги об обязательствах общие положения. 1890 г. первоначальный проект общих положений об обязательствах был напечатан отдельным изданием [4]. Его автором стал член редакционной комиссии профессор юридического факультета императорского Варшавского университета В. И. Голевинский.

Дальнейшее становление обязательственного права затормозилось на весь период вызванного военным коммунизмом свертывания экономического оборота. С переходом к нэпу явились посвященные обязательственному праву значительные по объему разделы ГК союзных республик 20-х годов. В этот же период формируются основы советской цивилистики в области обязательственного права.

Советская цивилистика сохранила подход дореволюционной гражданско-правовой науки о рассмотрении обязательственных правоотношений в рамках их экономической природы, на основе автономии воли сторон и отсутствия принципиального значения власти кредитора над должником. Именно в советский период было дано современное понятие обязательства как гражданского правоотношения, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а другая сторона – кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [5].

Выражаясь об эволюции обязательственного права в России, В. В. Кулаков упоминает о том, что эволюция обязательства заключается в постепенном отделении его от вещного права и права собственности. И для этого не-

обходимо было длинный путь развития отечественной доктрины в области обязательственных отношений. «Однако обязательственное право окончательно оформляется в современном виде в буржуазном гражданском законодательстве» [6].

Таким образом, говоря о возникновении и развитии обязательств, следует отметить, что в момент своего

возникновения они имели совершенно иную правовую сущность. Однако уже тогда отчетливо виднелись его важнейшие характеристики. Уже в период древности обязательство выделяли как относительное правоотношение, в силу которого должник несет личную или имущественную ответственность пред кредитором, возникающее, как правило, из деликта.

Литература:

1. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учеб. для вузов — М.: БЕК, 2000. 400 с.
2. Новицкий И. Б. Римское право: учеб. для вузов — М.: ТЕИС, 2002. 333 с.
3. Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде: Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды, 1881; Вып. 2: Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов, 1885; Приложения ко второму выпуску, 1886. Вып. 1–2 — М.: Моск. Ун-т, 1881. 813 с.
4. Томсинов В. А. Понятие обязательства в проекте гражданского уложения Российской Империи конца XIX — XX начала века // Вестн. Моск. Ун-та. сер. 11. Право, 2018. № 3. С. 3–25.
5. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве — М., 1950. 416 с.
6. Кулаков В. В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России — М.: РАП, 2009. 188 с.

Представления об общих правилах производства следственных действий в исторической ретроспективе

Васильев Андрей Сергеевич, студент;

Емельянова Анна Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье авторы рассматривают представления об общих правилах производства следственных действий в исторической ретроспективе. Авторы последовательно анализируют основные этапы, начиная с Русской Правды, реформ Александра II и заканчивая современным законодательством. В конце статьи делается вывод о том, что современная модель правил производства следственных действий является результатом длительного исторического синтеза.

Ключевые слова: следственные действия, уголовно-процессуальное законодательство, историческая ретроспектива, реформы.

В исторической ретроспективе по мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства, отражающего потребности государства, возникающие на различных этапах его развития, можно проследить некоторую систему.

К концу XV — началу XVI века на Руси сформировалась определённая система расследования «лихих дел». Князья и их наместники проводили следствие, затем эти обязанности перешли к Расправной палате при Боярской Думе. Согласно Судебнику 1550 года, этот орган обладал широким спектром полномочий, включая проведение расследований, судебных разбирательств и исполнение приговоров, объединяя в себе функции следствия, суда и органа исполнения наказаний. В соответствии с Судебниками 1497 и 1550 гг. сам суд добывал доказательства вины [1]. Процесс того времени носил характер инквизиционного, а основным доказательством признавалось собственное признание обвиняемого.

К числу следственных действий того времени можно отнести: допросы свидетелей; «повальный обыск»; пытку; получение «присяги»; отыскание вещественных доказательств [2].

Любой очевидец события мог быть свидетелем. Однако не могли свидетельствовать холопы против своих господ, жена против мужа и дети против родителей. Процессуальный порядок проведения следственных действий был единым для всех лиц, однако, показаниям знатных лиц отдавался приоритет. В качестве метода расследования преступления практиковался «повальный обыск», который заключался в том, что все жители данного участка опрашивались относительно жизни и поведения заподозренного в известном преступлении.

С приходом к власти Петра I произошла реформа в институте следственных действий, он ввел новое следственное действие — судебно-медицинскую экспертизу. В Артикуле воинском 1716 г. закреплялось, что при убий-

стве требуется «лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно розыскали, что какая причина к смерти была» [3]. В то же время стала применяться судебно-психиатрическая экспертиза.

В последующем с принятием Устава благочиния 1782 г. стал достаточно подробно и четко определяться перечень и последовательность отправления первоначальных следственных действий при обнаружении признаков совершения преступления. В частности, «буде кто днем или ночью кого найдет в уголовном преступлении, да даст о том, нимало не мешкая знать частному приставу той части, где найдено [буде то чинить можно], да отведет к нему и преступника» (ст. 101). Приведенного «частный пристав тотчас допрашивает, равномерно и свидетелей выслушивает и чинит прочие производства, в коих надобность окажется, для утверждения доказательства» (ст. 102). Далее ст. 103 Устава предусматривала первоначальный допрос. В ст. 104 Устава закреплялось, что «частный пристав уголовного преступника берет под стражу», то есть, в данной норме говорится о задержании подозреваемого [4].

В 1864 году был принят Устав уголовного судопроизводства, который существенно преобразовал существующую систему предварительного расследования. Полиция полностью передала предварительное следствие судебным следователям, связанным с судебной системой. Был впервые систематизирован список следственных действий, включающий осмотр, освидетельствование, обыск, выемку, допросы свидетелей и обвиняемых. Регламентация понятий и порядка проведения следственных действий была описана во втором разделе. Указами Александра I была упразднена пытка. Содержание большинства следственных действий было близко к современному. Присутствие понятых требовалось при освидетельствованиях, производящихся сведущими людьми только тогда, «когда к тому не встретится особых препятствий». В то же время Закон того времени требовал обязательного участия понятых при производстве обыска и выемки.

Также следует обратить внимание на производство выемки корреспонденции (почтовой и телеграфной): «Следователь может требовать у почтового и телеграфного ведомства задержания нужной ему корреспонденции, но выдается она ему только с разрешения Окружного Суда, в который Следователь должен входить об этом с представлением; осмотр же почтовых книг должен производиться не иначе, как в присутствии почтового начальства, причем ненужная корреспонденция не должна быть удерживаема, а должна быть отсылаема по принадлежности; при этом следователь не должен разглашать тайны частной переписки». Осмотр и выемка допускались только относительно корреспонденции, присланной от имени или на имя лиц, привлеченных к делу в качестве обвиняемых» [5].

Согласно Декрету о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года, местные судьи стали ответственными за расследование преступлений. При губернских и городских советах были созданы специальные следственные комиссии для проведения предварительного следствия по делам, которые рассматривались революционными трибуналами. В соответствии с «Положением о народном суде РСФСР» 1920 года, обязанность по проведению предварительного следствия была возложена на народных следователей. Предпринимались попытки упорядочить производство именно отдельных следственных действий. Так, например, производство обысков регламентировалось приказом Начальника милиции РСФСР от 16 марта 1921 года № 24 «О правилах производства обыска». Обыск производился по общему правилу днем (если ночью, то в протоколе должна быть указана причина) и только по ордеру, выданному начальником уголовно-розыскного учреждения. В приказе также разъяснялось, как именно должен действовать «агент» в той или иной ситуации (например, если дверь помещения закрыта, обыскиваемый выдает себя за другое лицо). Тут же пояснялось, что руководящий обыском агент не должен принимать участия в обыске, он только наблюдает.

Первый уголовно-процессуальный кодекс советской России был принят постановлением III сессии ВЦИК от 25 мая 1922 года и введен в действие с 1 июля 1922 года. Но в 1923 году ВЦИК своим постановлением утверждает новый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который стал очередной вехой в развитии системы следственных действий. Здесь была дана процессуальная регламентация назначения и производства экспертизы, в том числе комиссионной и повторной. В ст. 195 предписывалось, что протоколы вскрытия и освидетельствования составляются врачом и подписываются лицом, производившим указанные следственные действия.

После принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1960 году произошли значительные изменения в системе следственных мероприятий. Законодатель обязал следователей проводить полное предварительное расследование. Кроме того, был расширен список следственных действий, включая очную ставку, предъявление для опознания и следственный эксперимент, регламентировано количество понятых (не менее 2), введена обязанность вести протоколы, фиксирующие ход следственных действий [6].

Следственные действия в российском уголовном судопроизводстве прошли длительный период исторического формирования. Основа существующей системы следственных действий заложена судебной реформой 1864 г. Именно в тот период большинство следственных действий, существующих в настоящее время, получили законодательное закрепление. А накопленный исторический опыт был систематизирован и нашел свое отражение в принятом в 2001 году УПК РФ [7].

Литература:

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства — М.: Юрид. лит., 1984. С. 54–62.

2. Яновский Р. С. Актуальные проблемы производства следственных действий: учебное пособие для вузов / Р. С. Яновский. 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. 140 с.
3. Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерк по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа, 1995. 712 с.
4. Устав благочиния, или полицейский, от 8 апреля 1782 г. Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т.1. // [Электронный ресурс] // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_blagochiniya (дата обращения: 28.11.2025).
5. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Часть II: Судопроизводство: учебник — Москва: Зерцало-М, 2014. 86 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // СПС КонсультантПлюс.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СПС КонсультантПлюс.

Теоретические основы финансового контроля и административная ответственность за его нарушение

Васильков Артем Владимирович, студент магистратуры
Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье дается определение теоретических основ финансового контроля, его роли в системе управления общественными финансами, а также вопросам административной ответственности за нарушение норм финансового контроля. Рассматриваются ключевые понятия, принципы организации государственного финансового контроля в России, законодательные механизмы и практика применения административных мер в случае нарушений.

Ключевые слова: финансовый контроль, финансовое право, бюджетное право, нормативное регулирование, контрольные мероприятия, финансы.

Theoretical bases of financial control and administrative responsibility for its violation

The article defines the theoretical foundations of financial control, its role in the public finance management system, and the issues of administrative liability for violations of financial control regulations. It examines the key concepts, principles of the organization of state financial control in Russia, legislative mechanisms, and the practice of applying administrative measures in case of violations.

Keywords: financial control, financial law, budgetary law, normative regulation, control measures, finance.

Финансовый контроль выполняет ключевую роль в системе управления экономикой, обеспечивая качественное и эффективное управление финансовыми ресурсами. Он интегрируется в процессы управления, выступая инструментом проверки соответствия финансово-хозяйственной деятельности действующим нормам и финансовому законодательству. Это позволяет защитить интересы государства, хозяйствующих субъектов и граждан, минимизируя риски нецелевого расходования и потерь ресурсов.

Контроль осуществляет предупреждающую функцию, предвосхищая возможные нарушения финансовой дисциплины, что снижает вероятность неблагоприятных последствий. Корректирующая функция позволяет стимулировать изменения в управлении денежными средствами, устраняя недостатки и совершенствуя финансовую поли-

тику организаций. Аналитическая функция финансового контроля дополнительно выявляет причины и закономерности финансовых нарушений, что способствует более глубокой оценке финансового состояния и принятию обоснованных на фактах управленческих решений.

Важная особенность финансового контроля — совпадение объектов управления и объектов контроля. Это обеспечивает максимальную полноту и своевременность выявления отклонений от планируемых финансовых целей, позволяя управленцам оперативно корректировать стратегию и тактику финансово-хозяйственной деятельности. Контроль служит неотъемлемой частью цикла управления — вместе с планированием, учетом, анализом и принятием решений формируя единую систему, обеспечивающую устойчивое развитие экономических субъектов.

В условиях современной российской экономики, характеризующейся высоким уровнем теневого оборота и частыми нарушениями финансовой дисциплины, роль финансового контроля возросла. Он становится основным инструментом борьбы с неформальными финансовыми операциями и способствует повышению прозрачности и подотчетности использования бюджетных средств. Такая функция контроля направлена на повышение эффективности управления и поддержание социальной справедливости посредством обеспечения законности и оптимального использования ресурсов.

Таким образом, финансовый контроль является не просто механизмом надзора, но активным инструментом управления, направленным на обеспечение стабильности и эффективности финансово-хозяйственной деятельности.

Принципы организации государственного финансового контроля играют важнейшую роль в обеспечении эффективной реализации контрольных функций, поскольку именно на их основе формируются стандарты деятельности органов контроля и вырабатываются методики проведения проверок. Их соблюдение гарантирует системность, законность и объективность контроля, что создает условия для достижения ключевых целей — законности, целесообразности и эффективности формирования, распределения и использования бюджетных средств. В связи с этим принципы становятся критерием оценки правильности и эффективности действий контрольных органов.

Организационные принципы включают системность, законность и автономность. Принцип системности предполагает наличие ресурсов, административной структуры и регламентированных процессов, обеспечивающих непрерывность и последовательность контрольных мероприятий. Законность фиксирует строгое соответствие деятельности органов контроля нормативно-правовым актам, что исключает произвол и обеспечивает правовую защищенность участников процесса. Автономность гарантирует независимость органов государственного финансового контроля, позволяя им принимать объективные решения без внешнего давления и вмешательства со стороны иных ведомств или должностных лиц.

Этические принципы занимают важное место и обуславливают требование к профессиональному и моральному поведению сотрудников органов контроля. К ним относятся честность, объективность, профессиональная компетентность и профессиональный скептицизм, то есть способность критически оценивать информацию. Целесообразность и достоверность информации выступают как обязательные элементы, обеспечивающие качество и надежность результатов контрольных процедур. Это позволяет повысить доверие к органам финансового контроля со стороны общества и государственных структур.

Социально-коммуникативные принципы направлены на обеспечение открытости, взаимодействия и информационной доступности контрольных процедур. Эффективное взаимодействие с проверяемыми субъектами,

обмен информацией и публичность значимых результатов контроля способствуют предупреждению нарушений и формируют ответственное поведение участников финансовых отношений. Автоматизация и информатизация процессов контроля служат практическим выражением этих принципов, повышая оперативность и точность проверки данных, а также снижая риски человеческого фактора при обработке информации.

Законодательство Российской Федерации по вопросам организации и проведения финансового контроля представляет собой основу правоприменительной деятельности контролирующих органов. Нормативно-правовые акты формируют правовую базу, гарантирующую порядок и законность проведения контрольных мероприятий, а также четко определяют полномочия, объекты и методы контроля в финансовой сфере. Именно на базе законодательства реализуется системный подход к финансовому контролю как на федеральном, так и на муниципальном уровнях.

Главным нормативным документом, регулирующим государственный и муниципальный финансовый контроль в России, является Бюджетный кодекс Российской Федерации, в частности глава 26 (статьи 265–280). В ней закрепляются виды финансового контроля, объекты, порядок осуществления и основные требования к деятельности контрольных органов. Важным обстоятельством является то, что ряд статей претерпел изменения и дополнения в связи с принятием Федерального закона от 23 июля 2013 года № 252-ФЗ, который ввел новые нормы и отменил некоторые устаревшие положения, обеспечив адекватное отражение современных потребностей контроля.

Формирование и развитие системы финансового контроля обеспечивается также нормативно-правовыми актами Правительства Российской Федерации. Постановление от 16 сентября 2020 года № 1478 утвердило федеральный стандарт внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, регламентирующий порядок и методологию проведения контрольных мероприятий внутри учреждений и органов власти. Аналогично, постановление № 1092 от 28 ноября 2013 года определяет полномочия Федерального казначейства в области контроля за финансово-бюджетной сферой, что подтверждает институциональное закрепление функций внутреннего контроля.

Министерство финансов Российской Федерации играет значимую роль в регулировании финансового контроля через издание приказов и методических рекомендаций, например, приказ № 55н от 2023 года об утверждении форм отчетности по результатам контрольной деятельности и методическое письмо № 343 от 29 сентября 2025 года, направленное на совершенствование внутреннего финансового контроля в отношении трансфертов. Эти документы обеспечивают практическое применение законодательных норм, внедряя современные стандарты учёта и отчётности в финансовом контроле.

С точки зрения видов контроля, законодательство выделяет внутренний и внешний финансовый контроль. Внешний контроль осуществляется специализированными органами, полномочия которых закреплены статьёй 268.1 Бюджетного кодекса РФ, а внутренний контроль реализуется органами Федерального казначейства и финансовыми структурами субъектов РФ в соответствии с утверждёнными федеральными стандартами. Такой двухуровневый подход обеспечивает комплексный охват объектов контроля и укрепляет механизм государственного финансового надзора.

Объекты финансового контроля включают соблюдение законодательства в области бухгалтерского учёта, отчётности, исполнения публичных и договорных обязательств, а также правильность использования бюджетных и внебюджетных средств. Методы осуществления контроля определены в статье 267.1 Бюджетного кодекса и включают проверочные, аналитические, инспекционные и другие специализированные процедуры, обеспечивающие полноту и достоверность анализа.

Административная ответственность представляет собой один из видов юридической ответственности и выступает мерой государственного воздействия на лиц, допустивших нарушения в сфере финансового контроля. Она направлена на предупреждение, пресечение и устранение правонарушений, связанных с нарушением финансовой дисциплины, правил бухгалтерского учета и порядка исполнения предписаний контролирующих органов. В отличие от уголовной, административная ответственность не влечет уголовного наказания, но предусматривает штрафы, предупреждения, дисквалификацию и иные меры, которые носят принудительный характер и служат средством восстановления законности.

Особое значение имеют нарушения, связанные с бухгалтерским учетом и отчетностью. Внесение недостоверных данных, искажение финансовых показателей свыше 10 %, а также предоставление ложной информации в бухгалтерских документах подпадают под административную ответственность согласно статье 15.11 КоАП РФ.

Система административной ответственности за нарушение норм финансового контроля охватывает широкий спектр правонарушений — от технических ошибок в бухгалтерском учете до серьезных злоупотреблений с бюджетными ресурсами. Механизмы воздействия обеспечивают не только финансовое взыскание, но и ограничение прав нарушителей, повышая тем самым общий уровень финансовой дисциплины в государственном и муниципальном управлении.

Современные тенденции развития системы государственного финансового контроля (ГФК) в России на-

правлены на повышение её эффективности и адаптацию к новым экономическим реалиям. Одним из ключевых направлений является цифровизация контрольных процессов, что обеспечивает более оперативное выявление нарушений, автоматизацию обработки данных и снижение влияния человеческого фактора. Применение информационных технологий позволяет интегрировать разрозненные данные, расширять аналитические возможности и создавать условия для превентивного контроля, минимизируя риски злоупотреблений и ошибок.

Важным элементом перспективного развития является использование зарубежного опыта с учетом российских специфических особенностей. Комплексный подход, включающий современные управленческие технологии, информационные системы, а также институциональные и правовые трансформации, позволяет гибко реагировать на вызовы экономической конъюнктуры и совершенствовать меры внутреннего и внешнего контроля.

Ключевая проблема, связанная с несовершенством механизмов обеспечения финансовой дисциплины и недостаточной эффективностью административной ответственности за нарушения в сфере финансового контроля. Неурегулированность отдельных нормативных положений и ограниченность некоторых правоприменительных практик создают предпосылки для возникновения финансовых злоупотреблений, что негативно сказывается на управлении общественными финансами и экономической стабильности государства.

Практика применения административных мер продемонстрировала, что несмотря на наличие эффективных методов выявления нарушений и привлечения к ответственности, существует необходимость в совершенствовании процедур и повышении квалификации кадров контролирующих органов. Взаимосвязь между эффективностью финансового контроля и системой административной ответственности выявила, что сбалансированный подход к санкциям способствует формированию культуры добросовестного исполнения финансовых обязанностей и снижению рисков коррупции.

Перспективы развития системы финансового контроля и административной ответственности связываются с дальнейшим внедрением цифровых технологий для автоматизации и повышения прозрачности контрольных процедур, совершенствованием правовой базы и укреплением институциональных механизмов. Это позволит повысить оперативность выявления нарушений, улучшить качество аналитической работы и расширить возможности превентивного контроля, что крайне важно для адаптации финансового контроля к современным экономическим вызовам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30

декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

2. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 15.06.2025).
3. Шепелева, Д. В. Эволюция государственного финансового контроля / Д. В. Шепелева, О. В. Попова // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 12 (192). — С. 30–34.
4. Мухаметшин, Р. Ф. Государственный (финансовый) контроль как инструмент управленческой функции государства // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2020. — № 2 (2). — С. 57–61. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-finansovyy-kontrol-kak-instrument-upravlencheskoy-funktsii-gosudarstva> (дата обращения: 15.06.2025).
5. Балашова, И. В. Основные проблемы государственного финансового контроля / И. В. Балашова, К. С. Приходько // Сфера услуг: инновации и качество. — 2019. — № 45. — С. 14–21.

Особенности правового регулирования практики применения мер административной ответственности за нарушение финансового контроля

Васильков Артем Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье дается определение правового регулирования и практике применения мер административной ответственности за нарушения в области финансового контроля. Рассматривается комплекс нормативно-правовых актов, включая положения Кодекса об административных правонарушениях РФ, с акцентом на статью 15.23.2, регулиющую ответственность хозяйственных обществ, признанных экономически значимыми. Анализируются виды правонарушений и соответствующие санкции, а также роль административной ответственности для обеспечения прозрачности и стабильности финансовой деятельности в России. Статья раскрывает специфику дифференцированного подхода к мерам ответственности в целях минимизации финансовых рисков и повышения эффективности контроля.

Ключевые слова: административное наказание, административная ответственность, предупреждение, виды административного наказания, виды административной ответственности.

Peculiarities of legal regulation of the practice of application of measures of administrative responsibility for violation of financial control

Vasilkov Artem Vladimirovich, master's student

Scientific advisor: Ivanov Anatoly Mikhaylovich, phd in law, associate professor

Moscow University of Finance and Law

The article provides a definition of legal regulation and the practice of applying administrative penalties for violations in the field of financial control. It examines a set of legal acts, including provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, with a focus on Article 15.23.2, which regulates the liability of economic entities recognized as economically significant. The article analyzes the types of offenses and corresponding penalties, as well as the role of administrative liability in ensuring transparency and stability in financial activities in Russia. The report reveals the specifics of a differentiated approach to liability measures in order to minimize financial risks and improve the effectiveness of financial control.

Keywords: administrative punishment, administrative liability, warning, types of administrative punishment, types of administrative liability.

Финансовый контроль представляет собой систему мероприятий, направленных на проверку, оценку и обеспечение правильности формирования, использования и распределения финансовых ресурсов на всех

уровнях хозяйственной деятельности. В экономике страны он играет фундаментальную роль, поскольку способствует рациональному управлению бюджетными и внебюджетными средствами, предотвращению финан-

совых злоупотреблений и сокращению рисков возникновения дефицитов и долгов.

Основной целью финансового контроля является обеспечение законности и целевого использования финансов, повышение прозрачности финансовых операций и защита интересов государства, организаций и граждан. В задачи финансового контроля входит выявление и предупреждение нарушений в сфере финансов, анализ эффективности использования финансовых ресурсов, а также мониторинг исполнения бюджетных программ и финансовых обязательств. Благодаря этим функциям финансовый контроль способствует укреплению финансовой дисциплины, что в конечном итоге повышает устойчивость экономической системы.

Связь финансового контроля с обеспечением законности финансовых процессов является ключевой. Он служит своеобразным барьером для коррупционных действий, нецелевого расходования средств и финансовых преступлений. Благодаря проведению систематического контроля возрастает доверие инвесторов, кредиторов и налоговых органов к финансовым операциям, что способствует притоку инвестиций и развитию бизнеса. Стабильность финансовой системы напрямую зависит от надежности механизмов контроля и своевременного реагирования на обнаруженные нарушения.

Регулирование финансового контроля в Российской Федерации базируется на совокупности нормативно-правовых актов, которые устанавливают правовые рамки, процедуры и полномочия органов, осуществляющих контрольную деятельность в финансовой сфере. Ключевыми документами, определяющими правовую основу финансового контроля, являются Конституция РФ, федеральные законы, указы Президента и постановления Правительства, а также подзаконные акты органов исполнительной власти.

Конституция Российской Федерации закрепляет принципы финансовой системы, в том числе обязанность государства обеспечивать контроль за использованием финансовых ресурсов. Статья 75 Конституции предусматривает ответственность за нецелевое и незаконное расходование федерального бюджета, что служит фундаментом для формирования более детальных законодательных актов в этой области.

Основным федеральным законом, регламентирующим механизмы финансового контроля, является Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Этот закон устанавливает порядок организации и проведения контроля за целевым использованием бюджетных средств в процессе государственных закупок, предотвращая коррупционные проявления и нарушения финансовой дисциплины.

Значительную роль в правовом регулировании играет Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных

предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Данный закон определяет рамки и порядок проведения государственных контрольных мероприятий, включая финансовый контроль, а также права и обязанности контролируемых лиц, что способствует снижению административных барьеров и повышению прозрачности процедур.

Не менее важен Федеральный закон от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», который устанавливает требования к организации бухгалтерского учета, обязательности ведения учета и отчетности. Правильное ведение бухгалтерии является ключевым элементом эффективного финансового контроля, а нарушения в этой сфере часто становятся предметом административного преследования.

Одним из центральных нормативных актов, регулирующих административную ответственность в сфере финансового контроля, выступает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). В частности, раздел IX КоАП РФ содержит нормы, направленные на предотвращение и пресечение нарушений финансового законодательства, включая нормы, касающиеся непредставления отчетности, искажения данных, нарушения порядка проведения аудита и других аспектов финансового контроля. Особое внимание заслуживает статья 15.23.2 КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность для хозяйственных обществ, признанных системообразующими, что отражает специфику государственного подхода к финансовому контролю ключевых субъектов экономики.

Постановления Правительства РФ и приказы федеральных органов исполнительной власти, таких как Федеральное казначейство, Министерство финансов и Федеральная налоговая служба, детализируют порядок проведения контрольных мероприятий. Например, постановление Правительства РФ от 12 октября 2015 года № 1089 регулирует правила внутреннего финансового контроля государственных учреждений, создавая стандарты для оценки и предупреждения финансовых рисков.

Важной составляющей системы правового регулирования выступает также нормативная база по вопросам внутреннего финансового контроля и аудита в организациях. Методы и требования к внутреннему контролю закреплены в нормативных актах, разработанных Министерством финансов и Счетной палатой РФ, что обеспечивает дополнительную правовую защиту и способствует своевременному выявлению нарушений.

На практике финансового контроля в России выявляются разнообразные нарушения, которые условно можно классифицировать по их содержанию и характеру воздействия на финансовую систему. К наиболее распространенным видам нарушений относят несоблюдение установленных правил ведения бухгалтерского учета и подготовки отчетности, искажение финансовой информации, непредставление или несвоевременное предостав-

ление отчетных документов контролирующим органам. Такие нарушения усложняют объективный анализ финансового состояния организаций и влияют на принятие неверных управленческих решений.

Другой группой выступают нарушения, связанные с несоблюдением процедур внутреннего финансового контроля и аудита. Это могут быть случаи отсутствия или недостаточности внутреннего контроля, укрывательство финансовых операций, нарушение порядка проведения проверок, своевременного выявления и корректировки ошибок в финансовой документации. Такие действия ведут к снижению прозрачности финансовых потоков и увеличению рисков нецелевого использования средств.

Также часто встречаются случаи нарушения законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок: несоблюдение условий контрактной дисциплины, проведение процедур с нарушениями установленного порядка, завышение стоимости или предоставление недостоверной информации. Эти правонарушения наносят ущерб бюджету и подрывают доверие к системе государственных расходов.

Особое внимание уделяется нарушениям, связанным с неправильным использованием бюджетных средств, включая их направление не по целевому назначению, поддержку в освоении или отчётности, а также несоблюдение обязательных норм при формировании и исполнении бюджетных смет. Такие нарушения непосредственно влияют на выполнение государственных и муниципальных программ и усугубляют финансовое состояние регионов и учреждений.

Применительно к хозяйствующим субъектам, особенно системообразующим, наблюдаются случаи нарушения правил раскрытия финансовой информации, отсутствия должного контроля за субподрядчиками и партнёрами, что создает риски возникновения финансовых злоупотреблений и правонарушений с экономическими последствиями значительного масштаба.

Административная ответственность представляет собой установленную государством меру реагирования на административные правонарушения, выраженную в виде санкций, применяемых к лицам, совершившим нарушения правовых норм. В контексте финансового контроля эта ответственность направлена на пресечение и предупреждение правонарушений, связанных с нарушением установленных правил финансового учета, отчетности и контроля за использованием финансовых ресурсов.

Особенностью административной ответственности за нарушения в области финансового контроля является её профилированная направленность на обеспечение законности и прозрачности финансовых отношений. Она реализуется через комплекс мер, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а также специфическими нормативными актами, регулирующими финансовую деятельность. В отличие от уголовной ответственности, она ориентирована на применение оперативных и превентивных мер, не связанных

с лишением свободы, что позволяет оперативно корректировать финансовые нарушения.

Основания для привлечения к административной ответственности возникают с момента установления факта нарушения финансового законодательства, подтвержденного соответствующими контрольными органами в ходе проверок или иных процедур. Важным условием является правильное оформление протокола об административном правонарушении и соблюдение процессуальных норм при рассмотрении дела. Субъектами ответственности могут выступать как должностные лица, так и юридические лица, в зависимости от характера нарушения и действующего законодательства.

Применяемые меры административной ответственности варьируются от предупреждений и штрафных санкций до приостановления деятельности или дисквалификации. КоАП РФ предусматривает дифференцированный подход, учитывающий тип и масштабы нарушения, а также статус нарушителя. Для системообразующих учреждений и компаний предусмотрены более строгие санкции, что отражает особую роль этих субъектов в национальной экономике и необходимость более тщательного финансового контроля.

Административная ответственность за нарушения финансового контроля играет важную роль в поддержании правопорядка и финансовой дисциплины, предоставляя государству механизмы для своевременного выявления и устранения правонарушений. Эффективное применение таких мер способствует укреплению доверия к финансовой системе, снижению коррупционных рисков и созданию условий для устойчивого экономического развития. В совокупности с другими элементами правового регулирования она служит фундаментом для формирования ответственного поведения участников финансовых отношений и обеспечению прозрачности использования финансовых ресурсов.

Статья 15.23.2 КоАП РФ представляет собой пример специализированного нормативного регулирования, направленного на усиление контроля за финансовой деятельностью хозяйственных обществ, признанных экономически значимыми для национальной экономики. Данная статья выделяется среди прочих норм Кодекса своей адресностью и строгими требованиями к субъектам, существенно влияющим на стабильность финансовых рынков и экономическую безопасность страны.

Суть статьи заключается в установлении административной ответственности за нарушение порядка ведения финансового контроля и предоставления финансовой отчетности именно для хозяйственных обществ, которые по своему масштабу и значимости оказывают системное воздействие на экономику. В неё включаются предприятия, чья деятельность связана с критическими секторами экономики, обеспечивающими функционирование инфраструктуры и социальных систем. Таким образом, законодателем предусматривается особый правовой режим, учитывающий потенциальные риски, связанные с их финансовыми нарушениями.

Практическое применение статьи 15.23.2 охватывает случаи непредставления, искажения либо несвоевременного предоставления финансовой информации, а также несоблюдения установленных процедур внутреннего и внешнего контроля. Контролирующие органы проводят проверки с учётом специфики деятельности экономически значимых организаций, что отражается в детальном изучении финансовой отчетности и оценке полноты представленных данных. При выявлении нарушений к виновным лицам применяются административные меры в виде штрафов, размеры которых значительно превышают общие стандарты, действующие в отношении иных организаций.

Особое внимание уделяется вопросам ответственности должностных лиц, поскольку именно они несут персональную ответственность за корректность и своевременность представления финансовой информации. Позиция правоприменителей ориентирована на повышение ответственности руководящего состава, что способствует улучшению корпоративного управления и укреплению системы финансового контроля внутри предприятий. Такой подход реализует принцип превентивного воздействия, снижая вероятность возникновения сомнительных финансовых операций и мошенничества.

На практике применение мер административной ответственности за нарушение финансового контроля в России характеризуется определённым набором санкций, наиболее часто используемых в ходе контрольных мероприятий. Среди типичных наказаний преобладают штрафы, размеры которых зависят от тяжести нарушения, статуса субъекта и масштабов допущенных правонарушений. Для индивидуальных предпринимателей и должностных лиц суммы штрафов обычно варьируются от нескольких тысяч до сотен тысяч рублей, в то время как для юридических лиц, особенно системообразующих компаний, штрафные санкции могут достигать значительных размеров, вплоть до нескольких миллионов рублей.

Кроме штрафов, в отдельных случаях практикуется приостановление деятельности организации на срок до девяноста суток. Это наказание применяется при особо серьёзных нарушениях, влияющих на финансовую устойчивость или безопасность государственных ресурсов. В ряде случаев, например, при грубых нарушениях порядка ведения бухгалтерского учёта или сокрытии финансовой информации, к должностным лицам может применяться дисквалификация, ограничивающая возможность занимать определённые должности на срок до трёх лет. Такие меры направлены на усиление персональной ответственности и стимулирование улучшения внутреннего контроля.

Применение мер административной ответственности оказывает существенное воздействие на поведение субъектов хозяйственной деятельности в сфере финансового контроля. Осознавая возможность неблагоприятных последствий нарушений, организации стремятся выстроить более прозрачные и подотчетные финансовые процессы, что снижает вероятность возникновения ошибок и злоупотреблений. Эффект превентивного характера усиливает дисциплинированность как руководства, так и других ответственных лиц, формируя устойчивую культуру соблюдения финансовой дисциплины.

Современная система административной ответственности за нарушения в сфере финансового контроля сталкивается с рядом вызовов, обусловленных как развитием экономики, так и цифровизацией финансовых процессов. Ускоренное внедрение новых технологий и методов электронного документооборота требует адаптации нормативных механизмов к изменяющимся условиям, что выводит на первый план необходимость интеграции инновационных инструментов в систему контроля и ответственности. Одновременно растет сложность финансовых инструментов и схем, что ставит задачей совершенствование юридических механизмов выявления и квалификации нарушений, предотвращения теневых финансовых операций и повышения прозрачности.

В условиях глобализации финансовых потоков и расширения трансграничного сотрудничества становится очевидной потребность модернизации национальных правовых норм с международными стандартами. Для повышения эффективности административной ответственности важным направлением выступает внедрение более универсальных и гибких подходов к определению состава правонарушений и формам наказания, учитывающих разнообразие субъектов и специфику их деятельности. Это позволит создавать правовые механизмы, способные быстро реагировать на появление новых видов финансовых рисков и злоупотреблений.

Развитие механизмов правового воздействия в сфере финансового контроля. Совершенствование административной ответственности позволит не только более эффективно бороться с финансовыми нарушениями, но и создавать условия для устойчивого развития экономики. Таким образом, дальнейшие исследования и законодательные инициативы должны быть направлены на поддержание баланса между контролем и стимулированием добросовестной финансовой деятельности, что является залогом экономической стабильности и правовой защищенности участников финансового рынка.

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ
2. Четвериков В. С. Административное право. Серия «Высшее образование». Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
3. Сухова А. И. Административные нарушения, выявляемые органами прокуратуры, в области финансов / А. И. Сухова. — Молодой ученый. — 2019. — № 40 (278). — С. 147–150. — URL: <https://mouch.ru/archive/278/62757>

Перспективы развития уголовного права в контексте цифровых технологий

Голубенко Никита Романович, студент

Научный руководитель: Тарасова Анастасия Алексеевна, преподаватель;

Научный руководитель: Сисюта Софья Эдуардовна, преподаватель

Инжиниринговый колледж (г. Белгород)

В последние десятилетия цифровые технологии оказывают всё более осязаемое влияние на различные сферы человеческой жизни, включая правовую систему. И уголовное право, как одна из важнейших отраслей права, сталкивается с новыми вызовами в условиях цифровизации общества.

Появление киберпреступлений, развитие искусственного интеллекта, блокчейна и криптовалют порождают необходимость адаптации существующего законодательства к новым условиям. Целью данной статьи является анализ перспектив развития уголовного права в контексте цифровых технологий, а также выявление ключевых проблем, с которыми сталкиваются правозащитники, законодатели и правоохранительные органы.

Ключевые слова: уголовное право, киберпреступления, уголовно-правовые инновации, правовые риски цифровизации, правовое регулирование ИТ.

Введение

Цифровая среда характеризуется высокой динамичностью, трансграничностью и децентрализованностью. Преступные деяния, совершаемые с использованием информационных технологий, нередко выходят за рамки классических правовых конструкций, не укладываются в привычные категории «имущество», «документ», «деяние», «место совершения», «субъект преступления». Преступность приобретает новые формы: кибератаки, вмешательство в автоматизированные системы, цифровое мошенничество, криптовалютные схемы, распространение вредоносного ПО, автоматизированные и алгоритмически управляемые преступления, подделка информации с использованием ИИ. Одновременно возрастают риски нарушения цифровых прав граждан: незаконного сбора и распространения персональных данных, вторжения в частную жизнь, манипуляции информацией и коммуникациями.

В этом стремительно меняющемся ландшафте уголовное право не может оставаться статичным. Ему необходимо не просто адаптироваться к новым реалиям, но и быть проактивным, предвосхищая будущие вызовы. Это не просто вопрос введения новых статей в кодексы; речь идет о переосмыслении фундаментальных концепций — от понятия субъективной стороны преступления в контексте автономных систем до принципов сбора и оценки цифровых доказательств. Перед юристами, законодателями, правоохранительными органами и учеными стоит колоссальная задача: выработать такие подходы, которые позволят эффективно бороться с преступностью в цифровом пространстве, одновременно защищая права и свободы граждан, обеспечивая верховенство закона и поддерживая международное сотрудничество.

Данная статья посвящена всестороннему анализу того, как стремительное развитие и повсеместное внедрение цифровых технологий влияют на уголовное право, вы-

двигая перед ним беспрецедентные вызовы и формируя новые перспективы. В работе исследуются не только возникающие виды киберпреступлений и сложности, связанные с расследованием и квалификацией деяний в цифровой среде, но и обсуждаются ключевые направления эволюции уголовного законодательства, процессуального права, криминалистики и международного сотрудничества. Конечная цель статьи — выявить пути, по которым уголовное право должно развиваться, чтобы оставаться эффективным инструментом защиты общества и обеспечения справедливости в постоянно меняющемся цифровом мире.

Основная часть

В Конвенции о киберпреступности, открытой для подписания в г. Будапеште, вступившей в силу 1 июля 2004 г. киберпреступлениями являются деяния, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, а также злоупотребления такими системами, сетями и данными [4].

Суть киберпреступности заключается в совершении преступлений в цифровом мире, где компьютерные системы, сети и данные играют двойную роль: они могут быть как инструментом для осуществления злодеяния, так и его целью, подвергаясь атакам или незаконному использованию.

Киберпреступность имеет ряд характерных черт, отличающих её от традиционной преступности: трансграничность; трудности с определением места нахождения преступника и места совершения преступления; сложности с визуальным наблюдением и фиксацией доказательств и последствий преступления; широкое использование преступниками шифрования; отсутствие должных механизмов контроля; анонимность в сети; автоматизация и быстрота действий в киберпространстве; не традиционность способов совершения преступления; низкий про-

цент раскрываемости т. д. Из вышеперечисленных особенностей вытекает ряд проблем, связанных с раскрытием киберпреступлений. В первую очередь они связаны со сложностями в сборе и фиксации доказательств, а также легкостью сокрытия преступниками следов правонарушения; установлении личности и места нахождения киберпреступника; трансграничностью виртуального пространства [2].

Наиболее часто на практике в контексте киберпреступности можно столкнуться с составами, предусмотренными ст. 137, 138, 158, 159.3, 159.6,

183, 242.1, 228, 228.1, 242, 272–274, 282 УК РФ и другими [1].

Рассмотрим некоторые виды киберпреступлений:

1. **Неправомерный доступ к компьютерной информации (хакерство):** получение доступа к компьютерным системам, сетям или хранимой информации без разрешения. Это может быть взлом серверов компаний, персональных компьютеров, аккаунтов в социальных сетях или электронной почты.

2. **Распространение вредоносных программ:** создание, использование или распространение вирусов, троянских программ, червей, шпионских программ или программ-вымогателей. Последние шифруют данные пользователя и требуют выкуп за их разблокировку.

3. **Мошенничество в сфере компьютерной информации:**

— **Фишинг:** создание поддельных веб-сайтов или рассылка электронных писем, имитирующих известные организации (банки, платежные системы, социальные сети), с целью выманивания логинов, паролей, данных банковских карт.

— **Онлайн-мошенничество:** обман пользователей через интернет-объявления, фальшивые интернет-магазины, инвестиционные пирамиды и т. д.

4. **Кража персональных данных и коммерческой тайны:** целенаправленный взлом систем для получения конфиденциальной информации – банковских реквизитов, паспортных данных, медицинских записей, коммерческих секретов, интеллектуальной собственности.

5. **DDoS-атаки:** целенаправленная перегрузка серверов, сайтов или сетевых сервисов большим количеством запросов, чтобы сделать их недоступными для легитимных пользователей.

6. **Кибершпионаж:** использование компьютерных сетей для получения секретной информации от государственных учреждений, корпораций или частных лиц в интересах другого государства, конкурирующей компании или преступной группы.

7. **Распространение запрещённого контента:** использование интернета и компьютерных сетей для распространения детской порнографии, экстремистских материалов, призывов к насилию или терроризму (хотя это регулируется и другими статьями, само распространение происходит в киберпространстве).

Отмечается, что киберпреступление существует вне границ государств и доступно всем, что позволяет преступнику, находящемуся на территории одной страны, совершить преступление против граждан других стран.

Поэтому киберпреступности присущ трансграничный характер, так как хакеры из мира компьютерного «андеграунда» вынуждены объединяться в международные преступные группы для получения незаконного дохода и упрощения преступных действий на территории различных стран, независимо от своего гражданства [3].

В нашем обществе существует запрос на компетентных юристов, которые будут владеть необходимой информацией о том, каким образом происходит функционирование информационных систем и как действуют киберпреступники. Только такие специалисты могут компетентно анализировать фишинговые преступления и создавать юридические механизмы для борьбы с киберпреступлениями [5].

Заключение

Перспективы развития уголовного права в контексте цифровых технологий неотделимы от необходимости комплексного подхода. Это подразумевает не только постоянное совершенствование законодательства, способного адекватно реагировать на новые угрозы и виды киберпреступлений (от фишинга и вредоносных программ до кибершпионажа и DDoS-атак), но и развитие международно-правового сотрудничества для борьбы с трансграничной природой таких деяний. Крайне важно также повышение цифровой грамотности и квалификации правоприменителей — судей, следователей, прокуроров, а также адаптацию следственных методик и экспертных возможностей к реалиям цифрового пространства.

В конечном итоге, уголовное право должно стать более гибким, технологически ориентированным и способным эффективно защищать общественные отношения и права граждан в условиях стремительно меняющегося цифрового мира, сохраняя при этом фундаментальные принципы законности и справедливости. Только такой многосторонний подход позволит обеспечить правопорядок и безопасность в новом цифровом тысячелетии.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК РФ: Федеральный закон № 63-ФЗ от 13 июня 1996 года (последняя редакция): [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.11.2025).

2. Винкерт В. В., Ключкова А. Л. Понятие и особенности киберпреступлений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. — 2021. № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-kiberprestupleniy> (дата обращения: 01.12.2025). — Текст: электронный.
3. Григорян В. М., Васильев А. М. Киберпреступления в современной России // Science Time. — 2024. № 5 (124). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 01.12.2025). — Текст: электронный.
4. Кочкина Э. Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. № 3 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye-vidy-kiberprestupleniy> (дата обращения: 01.12.2025). — Текст: электронный.
5. Хачатурова С. С. Киберпреступления в информационном обществе // Проблемы науки. — 2016. № 11 (53). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 01.12.2025). — Текст: электронный.

Генезис уголовно-правового регулирования конфискации имущества

Громова Анна Владимировна, студент магистратуры

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрен вопрос становления уголовно-правового регулирования конфискации имущества. Проанализирована юридическая техника изложения и содержание норм о конфискации имущества на разных этапах исторического развития отечественного законодательства.

В результате автор пришел к выводу, что уголовно-правовое регулирование конфискации имущества прошло достаточно длинный путь. На протяжении долгого времени, вплоть до 2003 года, в отечественном уголовном законодательстве конфискация имущества представляла собой один из видов наказания. В 2003 году законодатель предпринял попытку отказаться от конфискации имущества как уголовно-правового явления. Однако в 2006 году под влиянием общепризнанных международно-правовых актов, а также исходя из собственных государственных интересов, законодатель вернул конфискацию имущества в уголовно-правовую систему, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: конфискация имущества, исторический метод, становление правового регулирования конфискации имущества.

Genesis of criminal-legal regulation of property confiscation

The article considers the issue of the formation of criminal law regulation of confiscation of property. The article considers the issue of the formation of criminal law regulation of confiscation of property. As a result, the author concluded that the criminal law regulation of property confiscation has come a long way. For a long time, until 2003, confiscation of property was one of the types of punishment in Russian criminal law. In 2003, the legislator made an attempt to abandon property confiscation as a criminal phenomenon. However, in 2006, under the influence of universally recognized international legal acts, and also based on its own state interests, the legislator returned the confiscation of property to the criminal law system, but already as a different measure of a criminal nature.

Keywords: property confiscation, the historical method, formation of legal regulation of confiscation of property.

Исследование института конфискации имущества невозможно без применения исторического метода, позволяющего выявить основные тенденции становления рассматриваемого института, получить представления о его правовом регулировании в отечественном уголовном законодательстве на любом этапе его исторического развития.

Кроме этого, исторический метод помогает в решении возникающих в ходе исследования вопросов, а знания, полученные в результате его применения, могут

служить источником совершенствования законодательства в настоящем. [1, с. 9]

Итак, переходя непосредственно к генезису конфискации имущества, следует упомянуть о том, что она как правовое явление, прошло достаточно длинный путь.

Само слово «конфискация» происходит от латинского слова «confiscation», что обозначает — «опись и отобрание в казну чьего-либо имущества по приговору судебного места за долги или за преступление». [2, с. 139]

Принято считать, что первые упоминания о правовом явлении, имеющем признаки конфискации имущества на территории Древнерусского государства, относят к дошедшему до наших дней фундаментальному памятнику отечественного права — «Русская правда», а именно: к ее Пространной редакции.

Так, в Русской Правде упоминаются такие правовые явления, как «грабежь» или же «разграбление», которые являлись частью наказания за наиболее тяжкие по тем временам преступления: убийство в разбое, казнокрадство, поджог гумна или двора.

«Грабежь», «разграбление» в общем смысле заключались в лишении имущественных прав посредством конфискации имущества, как самого виновного, так и членов его семьи (жены, детей), если такое прямо было предписано законом. Согласно нормам Русской Правды, судьба конфискованного имущества не всегда была одинаковой. Так, ряд ее норм содержат прямое указание на то, что конфискованное имущество в первую очередь делилось между потерпевшими, а остальным мог распоряжаться князь [3, с. 74, 83, 117, 122, 131].

Кроме Русской правды прообраз конфискации имущества встречается и в других памятниках права периода образования Древнерусского централизованного государства — Уставной Двинской грамоте Великого князя Василия I Дмитриевича 1397 года (Уставная Двинская грамота), а также в Белозерской уставной грамоте Великого князя Ивана III Васильевича 1488 года, отдельные нормы, которой вошли в последующем в Судебник 1497 года.

В упомянутых памятниках отечественного права отобрание имущества практикуется, главным образом, в качестве дополнительного наказания, и лишь в некоторых случаях в качестве основного. Так, в Уставной Двинской грамоте конфискация имущества предусматривалась, например, за совершение кражи, причем совершенной повторно [4].

Изучив упомянутые памятники права, можно прийти к выводу, что наказание, подобное современной конфискации имущества, как правило, носило характер возмещения вреда в целях восстановления нарушенного права.

Следующий период законодательного развития рассматриваемого института, приходится на период действия Судебника 1497 года Великого князя Ивана III Васильевича (Судебник 1497 года) и Судебника 1550 года Ивана IV Васильевича (Судебник 1550 года), которые являются памятниками права Русского централизованного государства конца XV — середины XVI вв.

В Судебнике 1497 года упоминается изъятие имущества в качестве дополнительного наказания, к таким наказаниям, как: смертная казнь, телесные наказания, за преступления против собственности (воровство, кража, разбой), а также за посягательство на личность (душегубство, ябедничество) или же «иное какое лихое дело» [5, с. 85–86]. Изъятые имущество в первую очередь обращалось в пользу «истца» в счет возмещения причиненного преступлением вреда, а оставшаяся его часть обраца-

лась в пользу лица, осуществляющего правосудие. Кроме этого, Судебник 1497 года предусматривал замену конфискации имущества смертной казнью в случае отсутствия имущества, подлежащего конфискации [1, с. 15].

Таким образом, на рассмотренном историческом этапе, институт конфискации компенсировал вред потерпевшему и возмещал расходы суда и карательных органов.

Судебник 1550 года, также как Судебник 1497 года, закреплял нормы, предусматривающие конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания к смертной казни, телесным наказаниям за преступления против собственности, за посягательство на личность. Кроме этого, рассматриваемый памятник права предусматривал порядок возмещения причинного ущерба и судебных расходов из массы изымаемого имущества у осужденного. Как правило, в первую очередь удовлетворялись иски требования потерпевшего, за счет изъятого имущества осужденного, и только потом его оставшаяся часть обращалась в пользу соответствующих должностных лиц. Кроме этого, хочется отметить, что в Судебнике 1550 года впервые отмечается приоритетное право государства перед потерпевшим («истцом») в части обращения изымаемого имущества у лица, подвергнутого наказанию за совершение «татьбы» (воровства, кражи), тем самым, законодатель ввел новую форму обеспечения — «выдачу головою, на правож до искупа» [5, с. 146–152].

Таким образом, Судебник 1497 года и Судебник 1550 года, как и их предшественники, не содержали понятия «конфискация имущества», а только лишь содержали нормы, позволяющие в качестве дополнительного наказания изымать имущество у лица, совершившего преступление, связанное с посягательством на собственность или же личность.

Дальнейшее развитие рассматриваемого института связано с первым систематизированным законом Русского государства — Соборным уложением 1649 года, составленное по поручению Царя Алексея Михайловича Романова, и состоящее из 25 глав, разделенных на 967 статей без какой-либо определенной системы [6, с. 9–11, 13]. Обратим внимание на то, что законодатель в Соборном уложении 1649 года закрепил нормы, относящиеся ко всем отраслям права, в том числе относящиеся к компетенции отрасли уголовного права.

По Соборному уложению 1649 года, конфискация имущества назначалась только в качестве дополнительного наказания, например, за преступления политического характера, преступления против собственности (кража, мошенничество, разбой), должностные преступления и т. п. В тот период, конфискация имущества преследовала следующие цели: искоренение политических оппонентов господствующей власти, пополнение казны, разорение родственников и соратников осужденных, дабы исключить их возможную дальнейшую деятельность против власти, поскольку Соборное уложение 1649 года при определенных условиях легализовало конфискацию имущества не только самого осужденного, но и членов его семьи

и других близких ему людей. Кроме всего прочего, законодатель предусмотрел основания, исключающие конфискацию имущества последних лиц.

Как правило, конфискации подлежали вотчины, поместья, движимое имущество осужденного, дальнейшая судьба которых зависела от вида совершенного преступления.

Ряд норм Соборного уложения 1649 года предписывали обращение всего изъятого имущества в доход государства, другие же позволяли изъять в доход государства только лишь половину имущества, а другая половина изъятого имущества предназначалась потерпевшим от преступления, или вовсе не причастным к преступлению (ст. 133 Соборного уложения 1649 года) [6, с. 102].

Таким образом, конфискация имущества в период действия Соборного уложения 1649 года имела свои собственные цели, определенные стремлением власти к централизации государства, и, как следствие, нейтрализации политических оппонентов. Конфискация была легализована государством и применялась в качестве дополнительного наказания за различные виды преступлений, в большей степени совершенных из корыстных побуждений. Пределы конфискации имущества не ограничивались имуществом осужденного, поскольку законодатель предусмотрел при определенной совокупности условий и конфискацию имущества членов семьи осужденного и других близких ему людей. Конфискация имущества, была как общая, так и специальная в случаях конфискации имения.

Очередной этап развития конфискации имущества приходится на период правления Петра Алексеевича Романова (Петр I).

Петр I, будучи признанно выдающимся реформатором, остро понимал необходимость в кодификации существующего, а затем в создании нового законодательства, не только по общим вопросам преобразований и модернизации России, но и в области уголовного законодательства, отвечающего государственным задачам и национальным интересам России.

За период его правления было издано около четырехсот нормативно-правовых актов уголовно-правовой направленности в форме указов, регламентов, инструкций (наказов), уставов [7, с. 34–35].

В рамках настоящей статьи обратим внимание на Воинский устав 1716 года, особенно на его часть вторую «Артикул воинский с кратким толкованием» 1715 года, поскольку именно с ней связывают становление отечественного уголовного права как самостоятельной отрасли.

Сам Артикул воинский состоял из 24 глав и разрешал вопросы уголовного и военно-уголовного характера [8, с. 18–19], которые также применялись в общегражданских правоотношениях.

В своей монографической работе Ромашкин П. С. подчеркнул, что Петр I, проводя политику укрупнения национального государства, ставил государственные интересы в приоритет над частными, бережно относясь к государственным средствам [8, с. 9].

Возможно, именно по этой причине, конфискация имущества в Петровскую эпоху была весьма популярным видом имущественного наказания, и практиковалась в двух формах — либо конфискации всего движимого и недвижимого имущества, или же только части движимого и недвижимого имущества преступника [8, с. 84].

Артикул воинский 1715 года, как и его предшественники, содержал лишь схожие по своему правовому предназначению, с конфискацией имуществ, выражения «своих пожитков лишен быть», «их пожитки забраны» [1, с. 25].

В Артикуле воинском 1715 года законодатель закрепил нормы, позволяющие осуществлять конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания за преступления против веры, за совершение политических (государственных), в том числе военных преступлений [9, с. 173, 177, 211].

Последними дореволюционными законодательными актами России, содержащими нормы уголовно-правового характера о конфискации имущества, являлись Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции 1855 года) и Уголовное Уложение 1903 года.

Итак, в 1845 году был принят новый уголовно-правовой акт «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», который по праву считается наиболее значимым правовым актом в области уголовного права того времени.

Исходя из содержания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, под конфискацией имущества понималось безвозмездное принудительное изъятие всего имущества или определенных предметов, их последующее обращение в доход государства, или в счет компенсации причиненного преступлением имущественного вреда [10, с. 20].

В период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных природа конфискации имущества характеризуется дуализмом, поскольку с одной стороны она практиковалась в качестве дополнительного наказания к основному, а с другой стороны «присоединялась» «к наказаниям, как уголовным, так и исправительным» в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Кроме этого, для того времени было характерно два разных по объему вида конфискации имущества — полная (общая) и специальная конфискации.

Полная конфискация имущества применялась исключительно за преступления наибольшей степени общественной опасности (государственная измена, бунт, заговор против верховной власти) и при наличии «особенных обстоятельств» и «особых о том постановлений или распоряжений правительства» [11, с. 79].

Имущество, изъятое при полной конфискации, обращалось непосредственно в доход государства.

В 1885 году законодатель, признав теоретическую и практическую несостоятельность полной конфискации имущества, исключил ее из последней редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Специальная конфискация имущества заключалась в изъятии предметов, исключенных из свободного гражданского оборота или полностью запрещенных, наличие которых само по себе свидетельствует о нарушении закона (поддельные документ, фальшивые деньги, запрещенные орудия охоты или лова и др.); предметов, послуживших орудием или средством совершения преступления или предназначенные для использования в таком качестве (приспособления или материалы для подделки денег, инструменты для запрещенных промыслов и др.)

Стоит обратить внимание на то, что по общему правилу специальная конфискация имущества, в отличие от полной (общей) конфискации имущества, применялась в силу прямого указания закона. Однако в некоторых случаях сам факт и объем применения зависели от решения судьи [12, с. 6].

В 1903 года Николаем II был подписан не менее значимый уголовно-правовой акт «Уголовное Уложение» (Уголовное уложение 1903 года), состоявший 37 глав и насчитывавший 687 статей. Однако, в действительности в законную силу вступили и имели практическое применение лишь отдельные его статьи, такие как: «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», «О государственной измене», «О смуте». Возможно, по этой причине в остальном продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции 1885 года [13, с. 484].

Отдельно следует обратить внимание, что законодатель при составлении Уголовного уложения 1903 года, в отличие от ранних редакций Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, изначально полностью исключил общую конфискацию имущества, допуская лишь в те времена теоретическую и практическую значимость специальной конфискации.

Итак, согласно ст. 36 Отделения третьего «О наказаниях» главы первой «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уголовного уложения 1903 года конфискация имущества заключалась в изъятии средств преступления или его результатов, дальнейшая судьба которых складывалась по-разному [14, с. 21].

Предметы, которые запрещалось изготавливать, продавать, распространять, иметь при себе или хранить, если в законе не было для них особого назначения, после изъятия уничтожались или обращались в доход государства.

Деньги, вырученные от продажи поступивших в казну вещей, обращались на устройство мест заключения.

Предметы, предназначавшиеся или служившие для совершения преступления, в случаях, когда отобрание их прямо предусмотрено законом и иные предметы, прямо указанные в законе [14, с. 21], также уничтожались или обращались в соответствующий доход.

На себя отдельно обращает внимание то, что законодатель в Уголовном уложении 1903 года сознательно не допускает обстоятельств, исключających конфискации иму-

щества при оправдании обвиняемого или освобождении его от наказания, а также в случаях прекращения или приостановлении уголовного преследования.

Таким образом, нормы уголовно-правового законодательства XIX в. до революции 1917 года, регулирующие вопросы применения конфискации имущества, явно были направлены на восстановление справедливости и обеспечение безопасности общества.

Следующий исторический этап развития уголовного законодательства в практике применения конфискации имущества связан с падением института монархии и приходом к власти большевиков в результате Октябрьской революции 1917 года, основополагающими институтами которых являлись партийно-государственный аппарат и, в большей степени, господствующая идеология, определяющая не только социально-политическую жизнь общества, но и процессы трансформации законодательства [15, с. 6].

В период становления Советской власти конфискация имущества преимущественно воспринималась, как средство политической и экономической борьбы против массового роста девиантного поведения населения в период революционных событий, о чем свидетельствуют нормы уголовно-правового характера первых нормативных актов, устанавливающих преступность и наказуемость деяний, принимаемые в форме Декретов, нормы которых нередко определяли основания и порядок конфискации имущества.

Так, Декрет СНК РСФСР от 28 октября 1917 года «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», санкционировал п. 11 конфискацию всего имущества лица, подвергнутого тюремному заключению за нарушение настоящего декрета или основанных на нем предписаний городского самоуправления, а равно за противодействие мерам городского самоуправления в деле продовольствия. При этом, конфискованное имущество обращалось в доход соответствующих городов [16].

Следующий Декрет СНК РСФСР от 8 ноября 1917 года «О введении государственной монополии на печатание объявлений», п. 5 которого узаконивалась конфискация всего имущества лица, подвергнутого наказанию в виде лишения свободы за сокрытие документов или денежных средств, связанных с объявлением, а также за саботаж [17].

Декрет СНК РСФСР от 14 декабря 1917 года «О запрещении сделок с недвижимостью», закреплял в п. 3 возможность конфискации имущества у лиц, продолжающих продажу и покупку и т. д. недвижимых имуществ и земли и не подчиняющиеся настоящему правовому акту.

При этом законодатель не уточняет объемы имущества, подлежащего конфискации [18].

Декрет СНК от 8 мая 1918 года «О взяточничестве» санкционировал конфискацию всего имущества лица, виновного в даче или принятии взятки, исключительно только по классовой принадлежности [19].

Декрет СНК РСФСР от 22 июля 1918 года «О спекуляции» устанавливал ответственность за сбыт, скупку или хранение с целью сбыта хлеба, мяса, молока и других продуктов питания, что наказывалось лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией всего имущества [20].

Примечательно, что 12 декабря 1919 года был издан первый советский систематизированный уголовно-правовой акт — Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, объединивший в себе сформировавшиеся нормы советского уголовного законодательства и сложившуюся правоприменительную практику. Именно в разделе VI «О видах наказания» Руководящих начал по уголовному праву РСФСР среди прочих примерных видов наказаний, законодатель только лишь упоминает о возможности полной или частичной конфискации имущества. Правовые основания и условия практического применения конфискации имущества рассматриваемый нормативный акт, к сожалению, не содержал [21, с. 72–73].

Возможно, по этой причине законодатель продолжил вводить новые правовые акты, так или иначе регулирующие вопросы конфискации имущества.

Например, Декрет СНК РСФСР от 19 ноября 1920 года «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени» в целом определял вектор конфискации имущества широкого круга лиц, и общий порядок дальнейшей его судьбы [22].

Нормы Декрета СНК РСФСР от 15 июля 1921 года «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене» закрепляли конфискацию имущества, как основное, так дополнительное наказание за преступления экономического характера [23].

Далее более подробно следует остановиться на Декрете СНК РСФСР от 17 октября 1921 года «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ», поскольку именно этот акт раскрывает системный подход законодателя к разрешению вопроса конфискации имущества. Рассматриваемый правовой акт определял общие правовые основания конфискации имущества, закреплял официальное толкование понятия «конфискация», предусматривал процедуры, направленные на сохранение имущества, подлежащего конфискации, определял объем и пределы конфискации имущества [24].

Фундаментальное значение для дальнейшего становления и развития советского уголовного законодательства, в том числе и конфискации имущества, имело принятие в 1922 году нового Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР 1922 года).

УК РСФСР 1922 года закрепляет среди прочих видов наказания полную или частичную конфискацию имущества, практикуемую как основное, так и как дополнительное наказание [25, с. 4].

Постепенно общественно-политическая жизнь страны стабилизировалась, что естественным образом отразилось на структуре преступности и, как следствие, на актуальности УК РСФСР 1922 года, переставшего отвечать

потребностям правоприменительной практики и уголовно-политическим задачам развивающейся Советской власти [26, с. 19].

В итоге в 1926 году был принят первый Уголовный кодекс союзного государства, объединивший общесоюзное уголовное законодательства, состоявшее на тот момент из Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года [26, с. 3], который на протяжении долгих лет вплоть до 1961 года оставался фундаментальным источником Советского уголовного законодательства.

Примечательно то, что под влиянием социологического учения виды наказаний в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года (УК РСФСР 1926 года) трактовались как «меры социальной защиты», различавшиеся по характеру.

Одной из таких мер социальной защиты судебно-исправительного характера, была полная или частичная конфискация имущества. В период действия УК РСФСР 1926 года конфискация имущества предусматривалась как основной вид наказания, хотя в случаях прямого указания закона конфискация имущества могла назначаться в качестве дополнительного наказания.

По большому счету, конфискация имущества применялась в качестве основного наказания лишь за преступление, предусмотренное санкцией ст. 63 УК РСФСР 1926 года, связанное с нарушением закона о наследовании и дарении [27].

В целом, законодатель оставил конфискацию имущества в прежнем виде, за исключением некоторых моментов заслуживающих внимания.

Так, законодатель впервые индивидуализирует правовой статус имущества, подлежащего изъятию, выделяя такие правовые единицы как «индивидуальная» и «долевая» собственность.

Кроме всего прочего, пределы конфискации имущества были впервые ограничены не только перечнем предметов, который фактический не являлся исчерпывающим, но и размером среднего заработка в конкретной местности РСФСР.

Так, в ч. 3 ст. 40 разд. 4 указано «Оставляемые в распоряжении осужденного и членов его семьи предметы питания и денежные суммы не могут по своей оценке, в общей сложности, быть ниже среднего трехмесячного заработка рабочего данной местности на каждого члена семьи».

Законодатель сформулировал пределы ответственности государства по долгам и иным другим обязательствам осужденного, и ввел очередность погашения требований «претензий» при конфискации имущества осужденного [27].

Очередной этап развития института конфискации имущества связан с законом СССР от 25 декабря 1958 года «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», из анализа норм которого следует, что конфискации имущества была отведена роль дополнительного вида наказания. Кроме этого,

стоит отметить, что законодатель в очередной раз обратился к правовому режиму имущества, подлежащего конфискации, распространив санкцию исключительно на имущество осужденного, находящегося в его личной собственности [28].

Изначально конфискация имущества могла назначаться исключительно за государственные и тяжкие корыстные преступления в случаях, указанных в законе.

Спустя время, в нормы регулирующие вопросы конфискации имущества были внесены изменения, после чего конфискация имущества могла применяться сутобо за государственные и корыстные преступления в случаях, указанных в законе [29].

Еще чуть позже были внесены очередные изменения, после чего конфискация имущества могла иметь практическое применение только в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, а за корыстные преступления также в случаях, предусмотренных законодательством союзных республик [30].

Стоим уделить внимание тому, что Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, не содержали порядок применения конфискации имущества, перечня имущества не подлежащих конфискации, а также условий и порядок удовлетворения требований по обязательствам осужденного. Законодатель лишь указал, что данные компетенции находятся в ведении уголовного законодательства союзных республик [28].

Таким образом, законодатель впервые применил бланкетный способ изложения элементов нормы, посвященной конфискации имущества, перенаправив правоприменителя к законодательству союзных республик.

В период действия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик конфискация имущества могла применяться в качестве дополнительного наказания к основному за измену Родине, шпионаже, террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства, диверсию, вредительство, бандитизм, контрабанду и другое.

27 октября 1960 года Верховным Советом РСФСР был принят новый Уголовный кодекс РСФСР (УК РСФСР 1960 года), который ввел конфискацию имущества в систему наказаний исключительно в качестве дополнительного наказания. Как и Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, УК РСФСР 1960 года отличал полную и частичную конфискацию имущества, при этом суд в каждом конкретном случае должен был указать часть конфискуемого имущества или перечислить конфискуемые предметы.

УК РСФСР 1960 года, как и его предшественник, предполагал исключения из имущества и предметов, подлежащих конфискации. При этом перечень имущества, не подлежащего конфискации, в отличие от Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, содержался непосредственно в тексте примечания к УК РСФСР 1960 года. Конфискации не подлежали, например, жилой дом с хозяйственными постройками или отдельные

его части — у лиц, основным занятием которых является сельское хозяйство, если осужденный и его семья постоянно в нем проживают; корм для скота (если скот не подлежит конфискации), необходимый до сбора новых кормов или до выгона на пастбища; предметы домашней обстановки, утвари, одежды, необходимые для осужденного и состоящих на его иждивении, и другое. При этом хочется отметить дифференцированный подход законодателя к перечню имущества и предметов, не подлежащих конфискации [31].

Законодатель значительно ограничил сферу действия конфискации имущества. Изначально закон связывал конфискацию имущества с государственными и тяжкими корыстными преступлениями, однако, позже с учетом изменений уголовного закона, конфискация могла применяться лишь в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, а за корыстные преступления — также в случаях, предусмотренных Особенной частью рассматриваемого уголовного акта [32].

Еще одним значимым отличием УК РСФСР 1960 года от предшественников, является то, что очередность удовлетворения претензий, за счет конфискованного имущества, осуществляется в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса РСФСР.

В период действия УК РСФСР 1960 года конфискация имущества применялась санкциями преступлений за измену Родине, шпионаж, террористический акт, хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем краж, а также другие. Кроме этого, допускалась специальная конфискация — орудий и средств совершения преступлений, а также незаконно добытого имущества [31].

УК РСФСР 1960 года просуществовал вплоть до 1996 года, когда на его смену пришел Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), вступивший в силу 1 января 1997 года и действующий уже более 28 лет.

Принятие УК РФ связано с регрессом нравственного состояния общества и воздействия норм морали, всплеском преступности на фоне проводимых радикальных политических и экономических реформ, продиктованных распадом СССР и появлением нового самостоятельного государства — Российской Федерации [33, с. 43–44].

Несмотря на это, изначально, УК РФ был весьма либерален в вопросах конфискации имущества, закрепив ее в качестве санкции всего 43 нормах, тогда как УК РСФСР 1960 года упоминал конфискацию имущества в виде санкции в 124 нормах его Особенной части.

Также как и его предшественник, УК РФ, ввел конфискацию имущества в систему видов наказаний, и практиковал ее лишь в качестве самостоятельного дополнительного наказания, применяемого за совершение из корыстных побуждений тяжких и особо тяжких преступлений и исключительно в случаях, прямо предусмотренных санкциями норм Особенной части УК РФ.

Изначально согласно ст. 52 УК РФ конфискация имущества представляла собой безвозмездное изъятие и об-

ращение в собственность государства всего или части имущества, находящегося в собственности осужденного, за исключением имущества, не подлежащего конфискации, перечень которого, в отличие от УК РСФСР 1960 года, закреплялся уже в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации.

При этом не подлежало конфискации имущество, не только необходимое самому осужденному, но и лицам, находящимся на его иждивении [34].

С одной стороны, это указывало на стремление законодателя в какой-то степени защитить конституционные права указанных лиц. Хотя, с другой стороны, законодатель не делал специальных исключений из перечня объектов конфискации, казалось бы, жизненно важных для осужденного и членов его семьи. Поэтому зачастую конфискации подлежали: квартира; предприятие, принадлежащее на праве собственности; транспортное средство, создающие возможность работать и получать доход [35, с. 84].

Фактически, положения ст. 52 УК РФ, воспроизводят положения ст. 35 УК РСФСР 1960 года, исключая лишь индивидуализацию правового режима собственности осужденного.

По смыслу ст. 52 УК РФ, собственностью осужденного считалось имущество, на которое он имел право собственности, признаки которого подлежали юридической и фактической оценки объектом конфискации в каждом конкретном случае.

Например, ценные бумаги, акции, принадлежавшие на праве собственности осужденному, могли быть предметом конфискации, однако, государство приобретало исключительное право требования на получение свою собственность части имущества юридического лица, в случае прямого указания на это законом (ликвидация хозяйственного общества).

Изъятие орудия преступления, вещи, изъятые из гражданского оборота, ценности, полученные преступным путем, не являлось конфискацией имущества, поскольку они по своей правовой природе не являлись собственностью осужденного или не могли быть объектом вещных прав физических лиц.

Кроме этого, в рассматриваемый период конфискация имущества не могла быть заменена штрафом, выплатой в денежном выражении или иными имущественными взысканиями [35, с. 84–85].

Спустя почти шесть лет с момента введения в действие УК РФ, в 2003 году законодатель, сославшись на весьма низкую эффективность конфискации имущества, что на самом деле не соответствовало действительности, исключил ст. 52 из УК РФ. При этом, следует иметь в виду, что имущество, нажитое преступным путем, подлежало конфискации в порядке, предусмотренном нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [36].

Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» конфискация имущества была возвращена законодателем в уголовно-правовую систему Российской Федерации в принципиально новом качестве — иной меры уголовно-правового характера.

С этого времени конфискация имущества включена в гл. 15.1 УК РФ, представляющую собой совокупность норм, регламентирующих понятие, основание и пределы конфискации имущества [37].

Таким образом, конфискация имущества представляет собой исторически сложившееся правовое явление отечественного уголовного законодательства, которое на протяжении долгого времени практиковалось как наказание за наиболее общественно-опасные преступления. Несмотря на попытки законодателя отказаться от конфискации имущества, однако проводимая государством уголовно-правовая политика все же не позволила это сделать, ввиду нуждемости государства в проверенном институте восстановления социальной, экономической справедливости и предупреждения совершения преступлений, пусть и в том качестве — иной меры уголовно-правового характера.

Литература:

1. Бавсун, М. В. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве [Электронный ресурс]: монография / М. В. Бавсун, К. Д. Николаев, С. Ю. Самойлова. — Электрон. дан. — Москва: Юрлитинформ, 2016. — 239 с. — Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008260213>, доступ из ЭБС «РЭБ» (дата обращения: 11.10.2025). — Загл. с экрана
2. Кирилов Н. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс] / Н. Кирилов. — Санкт-Петербург: Тип. Губ. Прав., 1845. — 354 с. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/355358>, доступ из ЭБС «Znanium» (дата обращения: 30.10.2025). — Загл. с экрана.
3. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X-XII вв. [Электронный ресурс] / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. — Москва: Гос. Изд. Юр. Л-ры, 1952. — 287 с. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/356592>, доступ из ЭБС «Znanium» (дата обращения: 25.09.2025). — Загл. с экрана.
4. Двинская уставная грамота 1397 года [Электронный ресурс] // Музей истории Российских реформ имени П. А. Столыпина: [офиц. сайт] / Музей истории Российских реформ имени П. А. Столыпина. — Режим доступа: <https://cl221082.tmweb.ru/node/13622>, свободный (дата обращения: 30.09.2025). — Загл. с экрана

5. Владимирский-Буданов, М. В. Вып. 2 Хрестоматия по истории русского права [Электронный ресурс] / М. В. Владимирский-Буданов. — 5-е изд. — Электрон. дан. — Киев: Н. Я. Оглобин, 1915. — 342 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008646077, доступ из ЭБС «НЭБ» (дата обращения: 30.09.2025). — Загл. с экрана.
6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года [Электронный ресурс]. — Москва: Гос. Издат Юр. Л-ры, 1957. — 502 с. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/356444>, доступ из ЭБС «Znanium» (дата обращения: 26.09.2025). — Загл. с экрана.
7. Сушкова, Ю. Н. Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П. С. Ромашкина) [Электронный ресурс] / Ю. Н. Сушкова // Социально-политические науки. — 2022. — № 2(12). — С. 33–39. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48501033> доступ из НЭБ «E-Library» (29.09.2025). — Загл. с экрана.
8. Ромашкин, П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I [Электронный ресурс] / П. С. Ромашкин: под ред. проф. А. А. Герцензона. — Электрон. дан. — Москва: Воен.-юр. акад., 1947. — 96 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006006170, доступ из ЭБС «НЭБ» (дата обращения: 30.09.2025). — Загл. с экрана.
9. Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно. Напечатана повелением его императорского величества. 1716 года марта 30-го дня [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург: Военная типография Главного Штаба его императорского величества, 1826. — XX, 363, [1]с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1318189, доступ из ЭБС «НЭБ» (дата обращения: 30.09.2025). — Загл. с экрана.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. — [4], IV, 898, XVII с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/?ysclid=mhdr0h5xke926828725, доступ из ЭБС «НЭБ» (дата обращения: 30.09.2025). — Загл. с экрана.
11. Николаев, К. Д. Регламентация конфискации имущества в уголовном законодательстве России: Уложение о наказаниях уголовных исправительных 1845 года и Уловное Уложение 1903 года [Электронный ресурс] / К. Д. Николаев // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2018. — № 2(26). — С. 78–81. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35112047> доступ из НЭБ «E-Library» (30.09.2025). — Загл. с экрана.
12. Сенцов, А. С. Конфискация имущества и судебный штраф как иные меры уголовно-правового характера [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие / А. С. Сенцов, В. А. Волколупов, В. Г. Волколупов; под общ. ред. А. С. Сенцова. — Электрон. дан. — Волгоград: Волгоградский институт управления — филиала РАНХиГС, 2023. — 48 с. — ISBN 978–5–7786–0885–6. — Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/product/2222302>, доступ из ЭБС «Znanium» (дата обращения: 30.09.2025). — Загл. с экрана.
13. Исаев, И. А. История государства и права России [Электронный ресурс]: учебник / И. А. Исаев. — 4-е изд., стер. Электрон. дан. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 800 с. — Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/product/2218397>, доступ из ЭБС «Znanium» (дата обращения: 30.09.2025). — Загл. с экрана.
14. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: = Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. — Неофиц. Изд. — Санкт-Петербург: кН. Маг. В. П. Анисимова, 1903. — 253. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958, доступ из ЭБС «НЭБ» (дата обращения 30.10.2025). — Загл. с экрана.
15. Никулин, В. В. Российская революция и право: генезис и становление советской правовой системы 1917–1920 гг. [Электронный ресурс]: монография / В. В. Никулин. — Электрон. дан. — Москва: Юстицинформ, 2020. — 244 с. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1169253>, доступ из ЭБС «Znanium» (дата обращения: 28.10.2025). — Загл. с экрана.
16. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 28.10.1917. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4019#boax21VCcR55Hg7A>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
17. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. О введении государственной монополии на печатание объявлений [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 08.11.1917. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3554&rnd=rQ9tHQ#h5jup0VWmq5XI0Py1>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
18. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. О запрещении сделок с недвижимостью [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 14.12.1917. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3311#3BUv21Vld27yJ1sN>, свободный (дата обращения: 29.10.2025). — Загл. с экрана.

19. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. О взяточничестве [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 08.05.1918. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14239&rnd=rQ9tHQ#Qk7vp0VgXxFzq6Zh>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
20. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. О спекуляции [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 22.07.1918. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18722&rnd=rQ9tHQ#KyKvp0Vbox8cNsaJ>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
21. Вышинский, А. Я. Конституции и конституционные акты РСФСР 1918–1937 [Электронный ресурс] / А. Я. Вышинский // Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. — Электрон. — Москва: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. — С. 70–73. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_RuPRLIB00060590, доступ из ЭБС «НЭБ» (дата обращения: 02.10.2025). — Загл. с экрана.
22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 19.11.1920. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9534#0gxu21V1VesOTf18>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
23. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 15.07.1921. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10331&dst=100006&field=134&rnd=rQ9tHQ#IaLtp0V1U9Uy7nPM>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
24. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Совет народных комиссаров. О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ [Электронный ресурс]: декрет Совета народных комиссаров: от 17.10.1921. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17293#BzKu21VhhQEiwic7>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
25. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Революционный Военный Совет Республик. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс]: приказ Революционного Военного Совета Республики: № 1551 от 25.06.1922. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003124142/, свободный (дата обращения: 02.10.2025). — Загл. с экрана.
26. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук, специальность 12.00.08 / Калашникова Анжелика Ирековна; [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова (Ленина)]; Диссовет 212.081.12 (212.081.12)]. — Электрон. дан. — Казань, 2009. — 26 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1405307, свободный (дата обращения 02.10.2025). — Загл. с экрана.
27. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Всероссийский центральный исполнительный комитет.
28. О введении в действие Уголовного кодекса Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 года [Электронный ресурс]: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета: от 22.11.1926. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274#67xs21Va4rmEECOc1>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
29. Союз Советских Социалистических Республик. Законы. Об утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]: закон: от 25.12.1958. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4905#JEs21VHFDn32q27>, свободный (дата обращения: 04.10.2025). — Загл. с экрана.
30. Союз Советских Социалистических Республик. Президиум Верховного Совета СССР. О внесении дополнений и изменений в основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]: указ Президиума Верховного Совета: № 2895-VIII от 18.05.1972. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14506#l0Bs21VyeHpZlvD41>, свободный (дата обращения: 04.10.2025). — Загл. с экрана.
31. Союз Советских Социалистических Республик. Президиум Верховного Совета СССР. О внесении дополнений в основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]: указ Президиума Верховного Совета: № 4024-VIII от 09.03.1973. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48057#npjR21VUFqG0fQ8D1>, свободный (дата обращения: 04.10.2025). — Загл. с экрана.

32. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Законы. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: закон: от 27 окт. 1960 (с изм. до 30 июля 1996). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
33. Союз Советских Социалистических Республик. Президиум Верховного Совета СССР. О внесении дополнений и изменений в Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: указ Президиума Верховного Совета: от 17.04.1973. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48057#npjr21VUFqG0fQ8D1>, свободный (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
34. Якубов Р. И. Анализ сравнительной характеристики уголовного кодекса в системе законодательного совершенствования новой России [Электронный ресурс]: автореф. дис.... док. философ. наук: 09.00.00 / Якубов Ракман Исаевич; [Место защиты: Всемир. информ.-распредел. ун-т]. Электрон. дан. — Москва, 2009. — 152 с. — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004845130>, свободный (дата обращения 06.10.2025). — Загл. с экрана.
35. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Законы. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: закон от 27.10.1960. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 27.10.2025). — Загл. с экрана.
36. Тюشناкова, О.В., Анализ конфискации имущества: история и современность [Электронный ресурс] / О. В. Тюشناкова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2010. — № 72. — С. 79–90. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17304930> доступ из ЭБС «E-Library» (08.10.2025). — Загл. с экрана.
37. Пояснительная записка к проекту № 304898–3 федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество»: [официальный сайт] / Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации. — Москва, [2003?]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/304898-3>, свободный (дата обращения: 09.10.2025). — Загл. с экрана.
38. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2006, № 153-ФЗ (последняя редакция). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59744/, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 29.10.2025). — Загл. с экрана.

Мировые судьи в Российской Федерации: проблемы организации и финансирования

Гульчеев Сослан Арсенович, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

Научный руководитель: Пак Валерий Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

Мировые судьи в Российской Федерации играют важную роль в обеспечении доступности правосудия и разгрузке судов высшей инстанции. Как отмечает Е. Ю. Усольцев, «институт мировой юстиции разгружает другие звенья судебной системы от малозначительных уголовных, гражданских и административных дел» [6]. Эти судьи рассматривают дела первой инстанции по гражданским, административным и уголовным делам. Однако, несмотря на свою значимость, мировые судьи сталкиваются с рядом организационных и финансовых проблем, которые затрудняют их эффективную работу. В этой статье рассматриваются основные аспекты работы мировых судей, их роль в судебной системе, проблемы организации и финансирования, а также предлагаются возможные пути решения этих проблем.

Ключевые слова: мировые судьи, доступность правосудия, судебная система, организационные проблемы, финансирование судов, нагрузка на судей, материально-техническая база, реформа судебной системы, качество правосудия, оптимизация судопроизводства, электронное правосудие, взаимодействие с органами власти.

Цель данной статьи заключается в анализе проблем, с которыми сталкиваются мировые судьи в Российской Федерации, а также в оценке их роли в судебной системе. Основные цели статьи можно выделить следующим образом:

1. Подробно рассмотреть функции и значение мировых судей в обеспечении доступности правосудия и разгрузке судов высшей инстанции.
2. Выявить и проанализировать основные организационные и финансовые проблемы, с которыми стал-

квиваются мировые судьи, такие как высокая нагрузка, недостаток финансирования, устаревшая материально-техническая база и организационные трудности.

3. Разработать рекомендации и пути решения выявленных проблем, включая увеличение финансирования, оптимизацию нагрузки на судей, повышение квалификации и техническую модернизацию судов.

4. Подчеркнуть необходимость комплексных реформ в судебной системе, направленных на улучшение работы мировых судей и повышение качества правосудия в России.

Таким образом, статья стремится не только выявить существующие проблемы, но и предложить конструктивные пути их решения, способствуя тем самым улучшению судебной системы в стране.

Методологическая основа исследования в данной статье сочетает догматический, социологический и практико-ориентированный подходы, что позволяет всесторонне изучить проблемы организации и финансирования мировых судей.

Проведя анализ нормативно-правовой базы, я убедился, что согласно ст. 28 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ [5]. Их компетенция определена:

- ГПК РФ (ст. 23) — гражданские дела с суммой иска до 100 тыс. руб. [1]
- УПК РФ (ст. 31) — уголовные дела о преступлениях с наказанием до 3 лет [2]
- КоАП РФ — отдельные категории административных дел.

Как отмечает Момотов В. В. на заседании Комитета Совета Федерации, «мировые судьи выполняют функцию первичного правосудия, разрешая до 80 % всех судебных дел в стране» [9]. Это подтверждается статистикой Судебного департамента: в 2024 году мировыми судьями рассмотрено ~12,7 млн дел [4]. Однако текущий правовой статус требует определенной корректировки в части разграничения полномочий между федеральным и региональными уровнями.

Изучив статистические данные, я выявил, что система мировых судей характеризуется следующими параметрами:

- Количество судебных участков — 7 543 (на 2024 год)
 - Средняя нагрузка — 1 680 дел на 1 судью в год
- Региональные различия:
- Москва — 2 800 дел
 - Сельские районы — 600 дел

Профессор М. С. Шакарян в своей работе прямо указывает, что одним из критериев доступности правосудия являются «научно-обоснованные нормативы нагрузки судей. Она утверждает, что без этого условия невозможно обеспечить эффективность и доступность правосудия [7]. Особенно тревожной мне представляется ситуация, когда в столичных регионах нагрузка превышает разумные пределы в 3–4 раза по сравнению с сельскими районами.

Проведенный мной анализ показал, что система финансирования имеет смешанный характер [3]:

Федеральное финансирование включает:

- Заработную плату судей: обеспечивает независимость судейского корпуса, так как выплаты производятся из федерального бюджета, что минимизирует влияние региональных властей на судебные решения.
- Техническое оснащение: покрывает затраты на информационные системы, оборудование для судебных заседаний и другие технологические компоненты, что способствует единообразию технических стандартов по всей стране.

Региональное финансирование охватывает:

- Помещения: субъекты Федерации обеспечивают предоставление и содержание зданий судебных участков, что позволяет учитывать местные особенности инфраструктуры.
- Коммунальные расходы: включают оплату электроэнергии, отопления, водоснабжения и других коммунальных услуг.
- Содержание аппарата: регионы финансируют работу помощников судей, секретарей и другого вспомогательного персонала.

В. В. Момотов указывает на системные проблемы: «Дефицит финансирования мировых судей составляет в среднем 25–30 % от реальной потребности» [9]. Это подтверждается данными 2024 года:

- 60 % судей отмечают недостаток финансирования
- 45 % участков не укомплектованы полностью
- 30 % текучесть кадров среди помощников

Я считаю необходимым пересмотреть существующую модель смешанного финансирования в сторону большей централизации, так как она создает существенные перекосы в обеспечении деятельности мировых судей.

Я пришел к убеждению, что основные проблемы функционирования включают:

Организационные: неравномерное распределение нагрузки, недостаток кадров, устаревшая материальная база

Финансовые: недостаточное финансирование, разрыв между федеральным и региональным финансированием, низкие зарплаты сотрудников

Лично мне представляется, что ключевыми направлениями совершенствования должны стать:

- Введение единых стандартов нагрузки (не более 1 200 дел в год)
- Создание мобильных судебных групп для помощи перегруженным участкам
- Увеличение федерального финансирования на 25 %
- Внедрение электронного правосудия (к 2026 году — 100 % охват)
- Совершенствование кадровой политики

Повышение эффективности деятельности мировой юстиции возможно лишь при реализации системных мер, включающих как организационную, так и финансовую составляющие.

Проведенное исследование позволяет мне сделать следующие выводы: мировые судьи действительно играют ключевую

чевую роль в обеспечении доступности правосудия, однако существующая система организации требует серьезной оптимизации; финансирование мировых судей нуждается в увеличении и унификации, при этом особое внимание следует уделить устранению диспропорций между регионами; цифровизация судебных процессов представляется мне перспективным направлением развития, способным существенно повысить эффективность работы мировых судей.

Предложенные в исследовании меры (мобильные судебные группы, увеличение финансирования, электронное правосудие) при их комплексной реализации смогут значительно улучшить ситуацию.

В ходе работы я осознал, что проблема требует дальнейшего углубленного изучения, особенно в части: разработки точных методик расчета оптимальной нагрузки, анализа лучших региональных практик и оценки эффективности цифровых технологий в судопроизводстве.

Таким образом, мое исследование подтвердило первоначальную гипотезу о наличии системных проблем в организации и финансировании мировых судей и позволило сформулировать конкретные предложения по совершенствованию их работы. Я убежден, что реализация этих предложений будет способствовать повышению качества и доступности правосудия в России.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ
3. Федеральный закон от 10.02.1999 N 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации» (ст. 33, ст. 38 ФЗ «О финансировании судов РФ»)
4. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. 2024 год.
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации»
6. Усольцев Е. Ю. О перспективах снижения нагрузки и развития компетенции мировой юстиции / Е. Ю. Усольцев. — Текст: непосредственный // Мировой судья. — 2024. — № 2. — С. 19–23.
7. Шакарян, М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции / М. С. Шакарян. — Текст: электронный // Лиджист: [сайт]. — URL: <https://legist.ru/conf/Shakaryan.htm> (дата обращения: 29.11.2025).
8. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на заседании Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству 12 февраля 2019 года

Понятие водоохранных зон в зарубежном законодательстве

Дементьев Олег Дмитриевич, студент магистратуры
Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

В статье автор исследует нормы зарубежного законодательства, регулирующие использование земель в водоохранных зонах.

Ключевые слова: водоохранные зоны, береговые линии.

Общеизвестно, что загрязнение даже одного водоема может привести к быстрому распространению загрязняющих веществ по обширным территориям и впоследствии повлиять на качество жизни населяющих такие территории людей, качественный и количественный состав флоры и фауны.

И если на относительно незаселенных территориях плотность застройки позволяет размещать производственные или гражданские объекты вдали от водоемов, то в пределах крупных населенных пунктов защищать водные объекты от влияния антропогенных процессов становится сложнее.

Одним из инструментов снижения негативного воздействия на водные объекты является присвоение законодателем особых статусов земельным участкам, примыкающим к водным объектам — водоохранным зонам.

В соответствии с частью 1 статьи 65 Водного кодекса РФ под водоохранными зонами понимают территории, которые примыкают к береговой линии (границам водного объекта) морей, рек, ручьев, каналов, озер, водохранилищ и на которых устанавливается специальный режим осуществления хозяйственной и иной деятельности в целях предотвратить загрязнение, засорение, заиливание указанных водных объектов и истощение их вод,

а также в целях сохранить среду обитания водных биологических ресурсов и других объектов животного и растительного мира.

При этом схожие по смыслу нормы, определяющие особый статус прибрежных территорий водных объектов, в том или ином виде содержатся в законодательстве многих государств.

В рамках данной статьи мы рассмотрим понятийный аппарат, используемый законодателями ряда зарубежных стран для обозначения особо охраняемых территорий, аналогичных отечественным водоохранным зонам.

Близкое по технике и смыслу определение водоохранной зоны содержится в Водном кодексе Республики Беларусь от 30.04.2014: «...территория, прилегающая к поверхностным водным объектам, на которой устанавливается режим осуществления хозяйственной и иной деятельности, обеспечивающий предотвращение их загрязнения, засорения». Такая зона имеет максимальные размеры до 600 метров и определяется в зависимости от рельефа и других природных особенностей [1].

Водный кодекс Украины, принятый 06.06.1995, содержит более усеченное понятие водоохранной зоны: «...природоохранная территория регулируемой хозяйственной деятельности». Перечень водных объектов, вдоль которых устанавливается такая зона, перечислен отдельно и является открытым, а размеры водоохранных зон устанавливаются специально разработанными проектами в отношении конкретных водных объектов. Вместе с тем смежной нормой, регулирующей правовой режим прибрежных защитных полос, закрепляются размеры таких полос, из чего можно сделать вывод о том, что минимальный размер водоохранной зоны по украинскому законодательству составлял 25 метров от линии уреза воды [2].

Законодательство Республики Молдова изначально содержало понятие прибрежной водоохранной полосы, представляющей собой «...земляную полосу, оборудованную вдоль берегов природных и искусственных водных объектов, предназначенную для охраны вод», однако с принятием в 2011 году Закона Республики Молдова «О воде», понятие водоохранных зон более не раскрывалось, а перечислялись лишь цели их создания [3].

Более широкое понятие водоохранной зоны содержит Водный кодекс Республики Армения: помимо указания на цель установления такой территории — предотвращение загрязнения и истощения водных ресурсов, обеспечение благоприятного водного режима территории, — законодатель предусмотрел также и указание на невозможность приватизации и изъятия земель, расположенных в пределах водоохранной зоны [4].

Водный кодекс Азербайджанской Республики содержал следующее определение водоохранной зоны: «...территория, прилегающая к акватории водного объекта, на которой установлен особый режим по использованию, охране природных ресурсов и осуществлению иной хозяйственной деятельности». В состав указанной зоны включались бере-

гоохранные полосы, размеры которых утверждались уполномоченным органом исполнительной власти Азербайджанской Республики [5].

Водное законодательство Киргизии в настоящее время находится в процессе обновления. Так, Водный кодекс Кыргызской Республики от 09.12.2004 утрачивает силу в связи с принятием 27.06.2025 закона о вступлении в силу нового Водного Кодекса Кыргызской Республики через шесть месяцев. Новый кодифицированный акт водного законодательства содержит уже известное нам определение водоохранной зоны, однако допускает предоставление территорий, расположенных в пределах водоохранных зон, в некоторые виды пользования после согласования со специально уполномоченными государственными органами [6].

Чешское законодательство различает территории, на которых естественным образом накапливаются водные ресурсы и территории, расположенные возле поверхностных водных ресурсов, используемые или пригодные для снабжения населения питьевой водой. Вблизи таких территорий могут создаваться охранные территории с особым режимом использования [7].

Законодательство Польши содержит водоохранные нормы как в Законе от 27.04.2001 «Об охране окружающей среды», так и в Законе от 20.07.2017 «Водное право», и устанавливает правовую охрану прибрежных районов, однако водоохранные зоны в том виде, в каком они устанавливаются в РФ, законодательством Польши не выделяются [8].

Испанское законодательство в Законе 1988 года Ley de Costas («О побережьях») содержит иное определение особо охраняемой территории, расположенной в радиусе 100 метров от морского побережья и до 20 метров от берегов рек, чувствительных к морским приливам. Такая территория называется «охранной сервитут» и, судя по запретам, установленным в отношении такой территории, мы можем сделать вывод о том, что цель ее установления — охрана природы, а сам термин аналогичен понятию водоохранных зон [8].

Французский Закон «О водных ресурсах» 1992 года запрещает ухудшать состояние вод не только путем активных действий по загрязнению, но и путем допущения другими лицами таких действий, при этом термин водоохранных зон в таком законе не раскрывается. Вместе с тем, Закон Франции «О побережье» 1986 года содержит норму, запрещающую проведение строительных работ в пределах 100-метровой полосы от побережья. Учитывая направленность этого запрета, мы можем предположить, что речь идет именно о водоохранной полосе [9].

Таким образом, мы можем отметить, что понятие водоохранной зоны в том или ином виде содержится и в правовой базе зарубежных стран, однако размеры, причины установления и перечень ограничений хозяйственной деятельности, установленный в пределах таких зон, может несущественно различаться.

Литература:

1. Водный кодекс Республики Беларусь от 30.04.2014 № 149-З. — [Электронный ресурс] // Pravo.by : [сайт]. — <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1400149> (дата обращения 05.11.2025).
2. Водный кодекс Украины, ст. 87. — [Электронный ресурс] // ИС «Континент» : [сайт]. — https://continent-online.com/Document/?doc_id=30393341#pos=175;-52 (дата обращения 05.11.2025).
3. Закон Республики Молдова от 23.12.2011 № 272 «О воде». — [Электронный ресурс] // CA Water Info : [сайт]. — https://cawater-info.net/bk/water_law/pdf/moldova_water_r.pdf (дата обращения 05.11.2025).
4. Водный кодекс Республики Армения от 04.06.2002. — [Электронный ресурс] // Электроэнергетический Совет Содружества Независимых Государств. Исполнительный комитет : [сайт]. — <http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Zakon/Nacional/Arm/Armenia%202002%2006%2004%20Водный%20кодекс%203Р-3783.pdf> (дата обращения 05.11.2025).
5. Водный кодекс Азербайджанской Республики от 26.12.1997. — [Электронный ресурс] // Food and Agricultural Organization : [сайт]. — <https://faolex.fao.org/docs/pdf/aze32664R.pdf> (дата обращения 05.11.2025).
6. Водный кодекс Кыргызской Республики от 09.12.2004. — [Электронный ресурс] // Юрист : [сайт]. — https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30299858 (дата обращения 05.11.2025).
7. Закон Чешской Республики № 254/2001-р 28.06.2001 «О водных ресурсах». — [Электронный ресурс] // HEIS VÚV : [сайт]. — https://heis.vuv.cz/data/webmap/datovesady/dokumenty/legislativa/CZ/Zakon_254_2001.pdf (дата обращения 05.11.2025).
8. Закон Республики Польша от 20.07.2017 «Право водное». — [Электронный ресурс] // WSPA : [сайт]. — <https://dlibra.wsipa.pl/dlibra/publication/111/edition/88/content> (дата обращения 05.11.2025).
9. Закон Испании № 22/1988 от 28.07.1988 «О побережьях». — [Электронный ресурс] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado : [сайт]. — <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1988-18762> (дата обращения 05.11.2025).
10. Закон Франции «О водных ресурсах от 03.01.1992. — [Электронный ресурс] // Fumel-Vallee du Lot : [сайт]. — <https://www.fumelvalleedulot.com/uploads/file/5b756baecb1ea.pdf> (дата обращения 05.11.2025).

Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве

Джанкезов Амербий Асланбекович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию правовой природы заключения специалиста как вида доказательств в современном уголовном процессе. Автор проводит анализ понятий «специальные знания» и «специальные экономические знания», раскрывая их содержание через призму доктринальных подходов и норм уголовно-процессуального законодательства. На основе изучения позиций вышестоящих судов, научной доктрины делается вывод о дуалистической природе заключения специалиста, которое может выступать как инструментом инициирования проведения дополнительной или повторной судебной экспертизы, так и самостоятельным доказательством.

Ключевые слова: заключение специалиста, специальные знания, специальные экономические знания, уголовный процесс, доказательства, специалист.

Эффективность раскрытия и расследования преступлений, особенно в сфере экономики, напрямую зависит от использования специальных знаний. В условиях усложнения финансово-хозяйственных механизмов и модернизации способов совершения экономических преступлений роль специалистов становится ключевой. Традиционно основным процессуальным способом получения таких специальных знаний является судебная экспертиза. Однако с развитием уголовно-процессуального законодательства и усилением принципа состязательности сторон в Уголовно-процессуальный кодекс РФ [1]

(далее — УПК РФ) был введен новый вид доказательств — заключение специалиста.

Актуальность темы обусловлена наличием дискуссионных вопросов относительно процессуальной сущности, допустимости и пределов использования заключения специалиста. Законодатель не дает четкого определения «специальных знаний», а регламентация процедуры получения заключения специалиста остается фрагментарной, что порождает противоречивую правоприменительную практику.

Соответственно, исходной категорией для понимания природы заключения специалиста является по-

нятие «специальные знания». В УПК РФ не раскрывается содержание данного термина, есть лишь указание на то, что специалист и эксперт должны обладать такими знаниями «эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями» (ч. 1 ст. 57), «специалист — лицо, обладающее специальными знаниями» (ч. 1 ст. 58). Далее в ст. 80 УПК РФ показания специалиста определяются, как «сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения». Важно отметить терминологическое различие: «знания представляют собой проверенный практикой результат познания, объективную информацию, в то время как познание — процесс приобретения новых знаний» [11].

В доктрине уголовного процесса сформировались различные подходы к определению специальных знаний. В. М. Махов определяет их, как «знания, применяемые в различных видах профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые в целях содействия установлению истины по делу при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде» [7, с. 33]. А. А. Эйсман и Ю. К. Орлов акцентируют внимание на не общедоступном характере этих знаний, которыми обладает ограниченный круг лиц, получивших специальное образование [8, с. 34; 14, с. 102].

Наиболее полными представляются определения, данные следующими авторами. Так, И. И. Трапезникова указывает, что «специальные знания — это особая система научно обоснованных и практических знаний теоретического и прикладного характера, специальных навыков, используемых лицами в порядке и целях, установленных уголовно-процессуальным законом» [12, с. 32]. Д. А. Сорокотягина и И. Н. Сорокотягин дополняют это определение, характеризуя специальные знания, как «системно-структурная характеристика теоретических знаний и практических навыков, умений, в области конкретной науки, техники, искусства и ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта, не являющихся общедоступными и общеизвестными и применяемых в порядке, установленном законодательством РФ» [10, с. 24].

Таким образом, к характерным чертам специальных знаний можно отнести:

- их получение в процессе профессионального обучения или практической деятельности;
- ограниченный круг носителей такой информации;
- сочетание ее теоретической и практической составляющих.

В контексте расследования преступлений экономической направленности на первый план выходят «специальные экономические знания». В широком смысле — это совокупность знаний. Охватывающих теорию, навыки и умения в области экономики как системы наук по управлению хозяйством. В узком смысле (по отраслевому принципу) — это знания, полученные в рамках высшего

профессионального образования по конкретной экономической специальности [13, с. 24].

Содержание специальных экономических знаний включает компетенции в области:

- Бухгалтерского учета (финансовый, управленческий, учет затрат), изучение которого позволяет выявить признаки экономических преступлений;
- Бухгалтерской (финансовой) отчетности, отражающей имущественное и финансовое положение лиц;
- Анализа экономической информации о процессах распределения, обмена и потребления благ;
- Составление планов финансово-хозяйственной деятельности и документации по оплате труда;
- Проведения маркетинговых исследований и анализы конъюнктуры рынков.

Носителями специальных экономических знаний в уголовном процессе выступают: специалист и эксперт, процессуальный статус которых различен.

Формы использования специальных экономических знаний — это способы их выражения в уголовном судопроизводстве. Наиболее распространенной является классификация по правовой природе: процессуальные формы (прямо предусмотрены УПК РФ) — включают в себя привлечение специалиста к участию в следственных действиях, назначение и проведение судебной экспертизы, получение заключения и показаний специалиста, производство различных проверок; непроцессуальные формы (не предусмотрены в УПК РФ), подразумевающие получение справок и консультаций по тем или иным вопросам [4, с. 10]. Использование специальных экономических знаний при расследовании экономических преступлений реализуется с помощью конкретных методов: расчетно-аналитических и бухгалтерских методов, технологического анализа, документальных методических приемов.

Возвращаясь к вопросу о правовой природе заключения специалиста, необходимо отметить, что изначально у законодателя была цель усилить состязательность сторон, предоставив защите инструмент, альтернативный назначению судебной эксперта, специалист не проводит исследование в процессуальном смысле, а представляет письменное суждение по вопросам, поставленным сторонами [9, с. 119]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» указано, что «заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу» (п. 16) [2].

Из этого можно сделать вывод, что заключение специалиста не может заменить собой заключение эксперта, т. е. фактически самостоятельное исследование специалистом не проводится. В рамках заключения специалиста возможно установление экспертных ошибок, что, как правило, в судебной практике называется рецензиями на заключение эксперта, позволяющее мотивировать основания для назначения дополнительных или повторных

судебных экспертиз. Рассматриваемый подход абсолютно оправдан, учитывая, что для обоснования наличия оснований для назначений повторных и дополнительных экспертиз доводы лица, обладающего специальными знаниями, безусловно, будут являться приоритетными и базовыми [3, с. 82].

Однако существует и иная правовая ситуация. В случае необоснованного отказа в назначении судебной экспертизы по ходатайству стороны защиты, заключение специалиста, может приобрести статус самостоятельного доказательства, что косвенно вытекает из ст. 159 УПК РФ, устанавливающей, что «лицам не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

В доктрине ведутся споры о возможности проведения специалистом исследования. В этой связи качественное разграничение проводит М. В. Жижилина, указывая, что «знания эксперта служат средством получения сведений о новых фактах, знания специалиста — средством отыскания и разъяснения сведений о существующих фактах, работа эксперта по своей природе — творческая, а полученное им знание, содержащееся в заключении, некое микрооткрытие» [5, с. 56]. При таком подходе получается, что в рамках заключения специалиста новая информация не устанавливается, он лишь проверяет полноту и качество проведенного исследования экспертом. Между тем А. В. Кудрявцева делает вывод, что «суждение специалиста, высказываемое им в заключении, должно рассматриваться и быть, по существу, результатом исследования» [6, с. 121]. Но при этом автор всё же подчеркивает, что характер таких исследований будет отличаться.

Соответственно, заключение специалиста, по сравнению с заключением эксперта, будет более кратким, так как в нем полностью отсутствовать исследовательская часть, поскольку он никаких исследований объекта не приводит. Кроме того, в заключении специалиста в отличие от заключения эксперта не должно содержаться указание о предупреждении специалиста об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, так как уголовная ответственность в отношении специалиста УК РФ в настоящее время не предусмотрена. Поскольку специалист не исследует полностью представленный для дачи заключения объект, не применяет при этом все необходимые методики исследования, то его заключение зачастую будет носить предположительный, вероятный характер. Для решения вопроса о возбуждении уголовного дела такого содержания заключения специалиста может оказаться и достаточно, но в дальнейшем следователю придётся назначить соответствующую судебную экспертизу.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, специальные экономические знания представляют собой систематизированную совокупность теоретических и практических компетенций в экономической сфере, используемых в установленных УПК РФ формах для раскрытия и расследования преступлений. Во-вторых, заключение специалиста имеет дуалистическую природу. С одной стороны, оно выступает эффективным инструментом стороны защиты в рамках принципа состязательности для критики заключения эксперта и инициирования дополнительной или повторной судебной экспертизы. С другой стороны, оно может становиться самостоятельным доказательством в случае категорического несогласия с результатами проведенной судебной экспертизы и отказа в назначении повторной судебной экспертизы, а также в тех случаях, когда по уголовному делу было отказано в проведении судебной экспертизы.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2025. № 44. Ст. 6497.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
3. Божченко А. П., Никитин А. М. Привлечение специалиста в уголовном процессе: обязанность, право или возможность стороны защиты // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т.15. № 4. С. 82–89.
4. Жданов С. П. Использование специальных познаний при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере внешнеэкономической деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 30 с.
5. Жижилина М. В. Дифференциация заключения эксперта и заключения специалиста в уголовном судопроизводстве: коллизии права и казусы судебной практики // Законодательство. 2023. № 6. С. 55–58.
6. Кудрявцева А. В. Заключение эксперта и специалиста в уголовном процессе: общее и особенное // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Ом. акад. МВД РФ, 2016. Вып. 11. С. 121–132.
7. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: РУДН, 2000. 295 с.
8. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М.: Юрист, 1995. 64 с.
9. Селина Е. В. Заключение и показание специалиста в уголовном процессе // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 119–125.

10. Сорокотягин, И. Н. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. М.: Издательство Юрайт, 2023. 288 с.
11. Толковый словарь Ожегова Е. В. // URL: <https://gufo.me/search?term=специальный> (дата обращения: 31.10.2025).
12. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура): дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 232 с.
13. Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2008. 51 с.
14. Эйсман А. А. Заключение эксперта: (Структура и науч. обоснование) / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1967. 152 с.

Особенности субсидиарной ответственности в процедурах банкротства

Дубинин Валентин Владимирович, студент;

Исаев Матвей Антонович, студент

Научный руководитель: Очкина Анастасия Андреевна, преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена актуальной проблематике субсидиарной ответственности в процедурах банкротства юридических лиц, подчеркивая важность разработки четких критериев ее реализации и повышения эффективности защиты кредиторов. Проанализированы правовые основания возникновения субсидиарной ответственности участников хозяйственных обществ и руководителей организаций-должников. Обоснованы возможные пути совершенствования действующего законодательства, направленные на устранение пробелов правовой регламентации института субсидиарной ответственности. Подводится итог исследования, заключающийся в необходимости контроля за действиями контролирующего должника лица.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, экономика, Гражданский кодекс, должник, кредитор, сделка.

Characteristics of subsidiary liability in bankruptcy procedures

Dubinina Valentin Vladimirovich, student;

Isayev Matvey Antonovich, student

Scientific advisor: Ochikina Anastasiya Andreevna, lecturer

Saratov State Law Academy

This article examines the current issue of subsidiary liability in legal entity bankruptcy proceedings, emphasizing the importance of developing clear criteria for its implementation and improving the effectiveness of creditor protection. The legal grounds for the emergence of subsidiary liability for participants in business entities and managers of debtor organizations are analyzed. Potential improvements to current legislation aimed at eliminating gaps in the legal regulation of subsidiary liability are substantiated. The study concludes that it is necessary to monitor the actions of the person in control of the debtor.

Keywords: subsidiary liability, bankruptcy, economics, Civil Code, debtor, creditor, transaction.

В условиях стремительно развивающейся экономики процедуры банкротства стали неотъемлемой частью делового оборота. Зачастую объема имущества несостоятельного должника оказывается недостаточно для удовлетворения всех требований кредиторов. В таком случае должники активно прибегают к использованию института субсидиарной ответственности — механизма, призванного обеспечить дополнительную защиту кредиторов путем привлечения к имущественной ответственности лиц, фактически контролировавших должника и чьи действия, либо же бездействия, привели к его банкротству.

В соответствии со статьей 399 Гражданского кодекса Российской Федерации — «до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником (субсидиарную ответственность), кредитор должен предъявить требование к основному должнику. Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть

предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность» [1].

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в статье 61.11 предусматривает субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов когда «полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица» [3].

Под «контролирующим должника лицом» понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий» [3]. Данными лицами признаются учредители, руководители, члены органов управления и другие лица, оказывающие влияние на принятие решений юридическим лицом.

На практике возникает проблема подтверждения непосредственного влияния конкретных управленческих решений на ухудшение финансового состояния должника. Например, в случае заключения контролирующим должника лицом заведомо невыгодной сделки — требуется установить, послужило ли данное действие непосредственной причиной ухудшения платежеспособности и последующего объявления его несостоятельным.

По данному вопросу Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [2] дал разъяснение — в пунктах 18 и 19 разъяснил, что:

— Пункт 18 — контролирующее должника лицо не несет субсидиарную ответственность, если его действия, которые привели к негативным последствиям для компании, были в пределах нормального, разумного делового риска (то есть это были обычные бизнес-решения, которые могли оказаться неудачными) и не были направлены на умышленное причинение вреда кредиторам.

— Пункт 19 — если есть определенные признаки, которые указывают, что действия контролирующего должника лица довело компанию до банкротства. Однако

контролирующее должника лицо может защищаться и доказать иное, утверждая, что банкротство вызвано внешними, независимыми от него причинами (например, экономическим кризисом, стихийным бедствием, резким изменением рыночных условий). Если же банкротство произошло и по вине контролирующего должника лица, а также из-за внешних факторов, то размер его субсидиарной ответственности может быть уменьшен, так как оно не должно отвечать за ту часть ущерба, которая вызвана внешними обстоятельствами.

С одной стороны, Пленум Верховного суда Российской Федерации защищает предпринимательскую инициативу и говорит про право на разумную ошибку в бизнесе, но с другой стороны закон устанавливает ряд признаков, указывающих на доведение компании до банкротства — то действует презумпция вины контролирующего лица.

Для установления причинно-следственной связи между действиями и (или) бездействием контролирующего должника лица необходимо проведение финансово-экономической экспертизы — это «узкоспециализированная и законодательно регламентированная процедура, играющая ключевую роль в установлении истинных причин неплатежеспособности» [4], но и она не всегда с полной точностью сможет определить, поскольку данный анализ всегда сопряжен с определенной степенью интерпретации.

Российское законодательство в данном аспекте нуждается в доработке. В частности, необходимо разработать и закрепить в статье 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» критерии квалификации противоправных действий контролирующих должников лиц. Такой дифференцированный подход позволит судам более гибко и ясно оценивать вклад контролирующих должника лиц в общий ущерб, обеспечивая не только защиту прав кредиторов, но и справедливость по отношению к предпринимателям, чьи действия не всегда являются единственной причиной банкротства.

Таким образом, можно сделать вывод, что верное определение причинно-следственной связи в действиях контролирующего должника лица и приведение данных действий до банкротства — актуальный вопрос, который требует решения. Закрепление критериев квалификации противоправных действий контролирующих должников лиц, а также больший контроль за действиями контролирующего должника лица позволит на практике разрешать данные споры более эффективно.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ, 1994, № 32, ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Российская газета», № 297, 29.12.2017.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // «Российская газета», № 209–210, 02.11.2002

4. Экспертиза по делу о банкротстве [Электронный ресурс] — URL: <https://mosekspertiza.ru/services/ekonomicheskaya-ekspertiza/ekspertiza-po-delu-o-bankrotstve/> (дата обращения- 20.11.2025).

Влияние психотропных веществ на самоповреждения: судебно-медицинский и психиатрический анализ

Дубинин Валентин Владимирович, студент;

Исаев Матвей Антонович, студент

Научный руководитель: Иванов Дмитрий Евгеньевич, доктор биологических наук, доцент, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

Актуальность изучения влияния психотропных веществ на развитие самоповреждающего поведения обусловлена необходимостью повышения эффективности профилактики суицидальных действий и защиты здоровья населения. Проанализирована распространенность случаев самоповреждений среди лиц, принимающих разные группы психотропных препаратов. Исследован перечень задач, стоящих перед экспертом в процессе судебно-медицинского анализа. Полученные результаты позволяют сделать вывод о значительном влиянии некоторых групп психотропных веществ на склонность к самоповреждению и требуют дальнейшего углубленного анализа механизмов взаимодействия лекарственных препаратов и особенностей человеческой психики.

Ключевые слова: самоповреждения, судебно-медицинский анализ, психотропные вещества, психоактивные вещества, эксперт, стимуляторы, психические расстройства.

The effect of psychotropic substances on self-harm a forensic and psychiatric analysis

Dubinin Valentin Vladimirovich, student;

Isayev Matvey Antonovich, student

Scientific advisor: Ivanov Dmitry Yevgenyevich, doctor of biological sciences, associate professor, professor
Saratov State Law Academy

The relevance of studying the influence of psychotropic substances on the development of self-harming behavior stems from the need to improve the effectiveness of suicide prevention and protect public health. The prevalence of self-harm among individuals taking various classes of psychotropic medications was analyzed. The range of tasks facing forensic experts during forensic analysis was examined. The obtained results suggest a significant influence of certain classes of psychotropic substances on the tendency toward self-harm and call for further in-depth analysis of the mechanisms of drug interactions and the characteristics of the human psyche.

Keywords: self-harm, forensic analysis, psychotropic substances, psychoactive substances, expert, stimulants, mental disorders.

Самоповреждающее поведение представляет собой широкий спектр умышленных действий, направленных на причинение физического вреда собственному телу без суицидальных намерений. Это серьезная проблема здравоохранения, которая часто ассоциируется с психическими расстройствами, травматическим опытом и социальной дезадаптацией. Одним из значимых, но порой недооцененных факторов, влияющих на развитие и характер самоповреждающего поведения, является употребление различных психоактивных и психотропных веществ. Влияние употребления психотропных веществ на акты самоповреждения требует тщательного судебно-медицинского и психиатрического анализа для правильной квалификации инцидентов, лечения и разработки профилактических стратегий.

Выделяют понятия самоповреждения как непосредственного повреждения собственного тела и самоповреждающего поведения, определяемого как непрямой вред

здоровью, который не осознается или не принимается во внимание при осуществлении поведения, ведущего к нему (клептомания, сексуальная расторможенность, переедание и злоупотребление алкоголем или наркотиками) [8, с. 14].

Зарубежные ученые подчеркивают высокую распространенность сопутствующих заболеваний среди лиц, использующих психоактивные вещества и страдающих синдромом самоповреждающего поведения [8, с. 12–16]. Согласно совместному исследованию Хилта, примерно половина пациентов с СПП (46,7 %) также злоупотребляет алкоголем и наркотиками, тогда как среди тех, кто не страдает СПП, этот показатель составляет всего 4,4 % [4, с. 80]. Данные Оксфордского университета показывают, что почти шестьдесят процентов людей, склонных к самоповреждению, имеют симптомы зависимости от психоактивных веществ [6]. Исследования демонстрируют наличие связи между различными видами потребления ПАВ

и СПП: около трети (29,5 %) участников исследования регулярно употребляли алкоголь, а каждый восьмой (12,6 %) использовал марихуану. Кроме того, установлено, что мысли о нанесении себе повреждений часто сочетаются с желаниями употреблять психоактивные вещества.

Изменения поведения наркозависимой личности выражаются, прежде всего, в формировании различных форм аутодеструкции. Так, у пациентов, страдающих опийной наркоманией (злоупотребление препаратами опийной группы: героин, метадон, опий, кодеин и др.), развивается самоповреждающее поведение. Клинически было подтверждено, что злоупотребление опиатами, кокаином и седативными средствами существенно увеличивает риск суицидального поведения по сравнению с другими наркотическими веществами [7].

Самоповреждающее поведение при этом может варьироваться от несуицидальных самоповреждений, направленных на регуляцию эмоционального состояния, до завершенного суицида. Психотропные и психоактивные вещества могут выступать как в роли триггера, облегчающего реализацию суицидального намерения за счет растормаживания и импульсивности, так и в качестве средства его осуществления (передозировка) [1, с. 99]. Комплексный судебно-медицинский и психиатрический анализ подобных случаев позволяет не только установить обстоятельства смерти, но и выявить патогенетические механизмы, что необходимо для совершенствования профилактики.

Психотропные вещества включают в себя широкий класс соединений, воздействующих на центральную нервную систему и изменяющих психическое состояние, восприятие действительности, эмоции и поведение человека. Их влияние на самоповреждающее поведение носят многогранный характер [3, с. 178]:

1. Многие психотропные вещества (например, некоторые стимуляторы) могут вызвать анестезию, искажение болевых ощущений и полную деперсонализацию, что приводит к изменению восприятия боли и реальности. В таком состоянии порог боли значительно повышается, а реальность травмы воспринимается отстраненно, что облегчает совершение самоповреждений;

2. Стимуляторы (амфетамины, кокаин), алкоголь и некоторые новые психоактивные вещества могут значительно усиливать импульсивность, снизить самоконтроль, что приводит к необдуманным и рискованным действиям, в том числе самоповреждениям;

3. Достаточно длительное и в больших объемах употребление психотропных веществ сопровождается не-

гативными эмоциональными состояниями, такими как: параноидная тревога, депрессия, острые психические состояния (бред и галлюцинации). В таких состояниях самоповреждения выступают попыткой справиться с «переживаниями» или купировать галлюцинаторные феномены;

4. Употребление психотропных веществ часто сопутствует психическими расстройствами (пограничное расстройство личности, шизофрения).

Эксперт, проводя экспертизу, должен провести судебно-медицинский анализ самоповреждений, с решением таких задач:

— определить характер, количество, локализации, глубину и механизм нанесения повреждений, что позволит отличить самоповреждения от травм, полученных в драке или падении;

— оценить стадии заживления ран, кровоизлияний для соотнесения их с предполагаемым временем употребления психотропных веществ;

— провести наркологическое исследование биологических сред для определения типа наркотического вещества, его давности употребления.

— разграничить самоповреждения от суицидальных попыток. При самоповреждениях повреждения часто носят демонстративный характер, располагаются на доступных, но не жизненно важных участках тела;

— исключить версии о том, что повреждения были нанесены кем-то другим.

Судебно-медицинский эксперт должен предоставить максимально полную объективную картину повреждений и токсикологических данных, не выходя за рамки своей компетенции относительно психического состояния лица. Проводя всестороннее обследование для выявления наличия психических расстройств (как первичных, так и вызванных или усугубленных употреблением психотропных веществ), особое внимание уделяется психическим расстройствам, тревожным расстройствам и расстройствам личности (особенно пограничному) [2, с. 718].

Комплексный судебно-медицинский и психиатрический анализ однозначно свидетельствует о наличии тесной патогенетической связи между употреблением психотропных веществ и риском самоповреждений. Психоактивные и психотропные вещества влияют на суицидальное поведение многокомпонентно: обостряя психическую патологию, провоцируя острые психотические состояния, снижая контроль над импульсами и предоставляя легкодоступное средство для реализации суицида (передозировка).

Литература:

1. Григорьева А. А., Булыгина В. Г., Афонина Ю. С. Взаимосвязь самоповреждающего поведения и употребления психоактивных веществ подростками (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. - 2018. - № 4 (101). - С. 98–104.
2. Польская Н. А. К проблеме эмпирического изучения самоповреждающего поведения // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / под ред. В. А. Барабанщикова. М. - 2010. - С. 714–720.

3. Соловьева, С. Л. Личностные особенности наркозависимых с разным стажем употребления героина с учетом гендерных различий // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии. - 2006. - № 2. - С. 177–179.
4. German S., Sarah A., Hoolley J. M. Direct and Indirect Forms of Non-Suicidal Self-Injury: Evidence for a Distinction. Psychiatry Research. - 2016. - № 197 (1–2). - P. 78–84.
5. Hilt L., Nock M., Lloyd-Richardson E., Prinstein M. Longitudinal study of nonsuicidal self-injury among young adolescents: Rates, correlates, and preliminary test of an interpersonal model. The Journal of Early Adolescence. - 2008. - № 28 (3). - P. 455–469.
6. The Oxford handbook of suicide and self-injury / edited by Matthew K. Nock. New York: Oxford University Press. - 2017. - P. 516.
7. Maloney, E. Suicidal behaviour and associated risk factors among opioiddependent individuals: a case-control study // Addiction. 2007. Vol. 102. P. 1933–1941.
8. Zlotnick, C. The relationship between dissociative symptoms, alexithymia, impulsivity, sexual abuse, and self-mutilation // Comprehensive Psychiatry. - 1996. - Vol. 37. - P. 12–16.

Современные проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме и роль государственного обвинителя в их преодолении

Елисеева Анастасия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Аникин Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о преступлениях террористической направленности. Анализируются причины возникновения процессуальных рисков, связанных с допустимостью и достоверностью материалов ОРД, а также особенности их проверки в суде. Особое внимание уделяется роли государственного обвинителя, который выступает ключевой процессуальной фигурой, обеспечивающей реализацию публичного интереса при строгом соблюдении закона. Сформулированы прикладные, практико-ориентированные предложения по совершенствованию правоприменения и методики прокурорской деятельности.

Ключевые слова: терроризм, оперативно-розыскная деятельность, допустимость доказательств, прокурор, государственный обвинитель, доказывание.

Уголовные дела о преступлениях террористического характера традиционно относятся к числу наиболее сложных как в доказательственном, так и в процессуальном отношении. Специфика террористической деятельности, такая как высокая конспирация, наличие устойчивых связей между участниками, использование современных технологий сокрытия информации, обуславливают широкое применение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Практика показывает, что недостатки в инициировании, проведении или оформлении оперативных мероприятий нередко ставят под сомнение их доказательственную силу [1, с. 1–7]. Проблема допустимости материалов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме проявляется особенно отчетливо и обусловлена рядом обстоятельств. Одним из наиболее значимых факторов является закрытый характер оперативной информации. Материалы, полученные в ходе проведения оперативных мероприятий, нередко содержат сведения конфиденциаль-

ного характера и не подлежащие разглашению, включая данные об источниках информации, методах наблюдения и технических средствах, применяемых сотрудниками оперативных подразделений. Суд, не имея возможности ознакомиться с полной совокупностью этих сведений в силу их служебной или государственной охраны, сталкивается с недостаточностью данных, необходимых для надлежащей проверки законности соответствующих мероприятий. В результате возникает риск признания доказательства недопустимым, даже если оно фактически было получено в строгом соответствии с требованиями законодательства.

Изучение судебной практики свидетельствует о том, что предметом споров нередко становится стадия инициирования оперативных мероприятий. Наиболее характерными проблемами здесь являются отсутствие объективно достаточных сведений, подтверждающих необходимость проверки сообщения о готовящемся террористическом акте, недостаточно обоснованная связь

между исходной информацией и потребностью в проведении конкретного оперативного мероприятия, а также недостаточная мотивировка постановлений о проведении прослушивания переговоров, обследования помещений или снятия информации. Подобные недостатки в юридическом оформлении создают сомнения относительно законности получения информации, которая впоследствии включается в доказательственную базу [2, с. 73]. Не менее важное значение имеют недочеты, возникающие при документировании результатов ОРД. Нарушения требований процессуальной формы могут проявляться в отсутствии в протоколах сведений о применяемых технических средствах фиксации, несоблюдении установленного порядка хранения носителей информации, а также в нарушениях, связанных с непрерывностью и полнотой записи [3, с. 37–38].

Допустимость материалов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме зависит от совокупности факторов, и каждый из них требует тщательного анализа и внимательного отношения как на стадии их получения, так и при последующей оценке судом. Именно поэтому роль прокурора, осуществляющего поддержку государственного обвинения в делах данной категории, приобретает особое значение. При изучении материалов дела прокурор обязан установить, имелись ли объективные основания для проведения оперативных действий, были ли получены необходимые судебные разрешения в тех случаях, когда это предусмотрено законодательством, а также соблюдены ли сроки выполнения мероприятий. Не менее важным является анализ того, насколько оформление результатов оперативно-розыскной деятельности соответствует требованиям законодательства Российской Федерации, включая положения федеральных законов о прокуратуре, об оперативно-розыскной деятельности и норм уголовно процессуального закона [4, с. 228]. Если в ходе проверки прокурор выявляет нарушения, которые могут повлиять на допустимость и доказательственную силу материалов, он должен принять меры для устранения таких недостатков. Это может выражаться в требовании об исключении неправомерно полученной или ненадлежащим образом оформленной информации из обвинительного заключения. Кроме того, прокурор вправе указать следователю на необходимость проведения дополнительных действий, направленных на подтверждение законности первоначально полученных данных либо на устранение выявленных пробелов [5, с. 4].

В суде прокурор доказывает законность ОРМ, представляя мотивированные постановления, санкции суда, документы о регистрации сведений в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях (КУСП). Обеспечивая непротиворечивость доказательственной базы, связывая материалы ОРД с результатами следственных действий, прокурор оперирует экспертными знаниями, в частности, разъясняя суду технические особенности электронных

носителей, способы расшифровки переговоров, специфику внедрения ОРМ. Заблаговременно оценивая вероятность признания доказательства недопустимым, прокурор предотвращает обвинительный риск.

Таким образом, именно прокурор является процессуальным субъектом, который решает, насколько устойчивым будет обвинение в условиях усиливающегося судебного контроля.

Совершенствование практики использования результатов оперативно розыскной деятельности в делах о терроризме требует последовательного и комплексного подхода. Одним из важных направлений является разработка единых методических рекомендаций, которые определяли бы структуру протоколов, порядок указания применяемых технических средств и правила хранения цифровых носителей с фиксацией их контрольных характеристик. Введение таких стандартов позволило бы снизить вероятность признания доказательств недопустимыми по причинам, связанным исключительно с оформлением материалов. Не менее значимым является усиление контроля со стороны прокурора на этапе инициирования оперативных мероприятий. Эффективность его деятельности может быть повышена путем закрепления обязанности анализировать материалы, которые служат основанием для обращения в суд с ходатайством о контроле переговоров или обследовании жилых помещений. Такой анализ должен включать оценку достаточности исходных данных и внимательное изучение мотивировочных частей постановлений о проведении оперативных действий. Подобная работа поможет улучшить качество оперативных материалов еще до их включения в доказательственную базу. Важную роль играет также повышение процессуальной прозрачности оперативных мероприятий, проводимых в закрытом режиме. При соблюдении требований секретности суд может быть ознакомлен с необходимыми приложениями в закрытом заседании. Дополнительным инструментом могут стать пояснительные заключения, позволяющие обосновать проведение оперативных действий без раскрытия особо чувствительных сведений. В отдельных случаях целесообразно привлекать независимых специалистов для подтверждения подлинности и целостности полученных материалов. Это способствует объективности судебной оценки доказательств. Отдельного внимания требует повышение уровня профессиональной подготовки государственных обвинителей, участвующих в делах о терроризме. Работа с цифровыми доказательствами и большими массивами оперативной информации требует специальных знаний и навыков, которые могут быть сформированы в ходе системного обучения. Специализация прокуроров повысит качество представления доказательств в суде и укрепит позиции государственного обвинения.

Таким образом, последовательное развитие нормативных требований, усиление роли прокурора на ключевых стадиях формирования доказательственной базы

и углубление профессиональной подготовки государственных обвинителей способны существенно повысить результативность использования материалов оперативно-розыскной деятельности в делах о терроризме.

Дела о преступлениях террористической направленности требуют особого качества доказательственной работы. Проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности остаются одной из наиболее острых точек в судебной практике, поскольку именно они могут привести к подрыву обвинения и нарушениям конституционных прав граждан.

Роль государственного обвинителя в этих условиях выходит далеко за рамки простой презентации материалов в суде. Прокурор становится гарантом законности оперативных мероприятий, участником формирования доказательственной базы и ключевой фигурой, обеспечивающей баланс интересов государства и личности.

Совершенствование методики прокурорской деятельности, расширение компетенций и введение единых стандартов оформления результатов ОРД способны существенно повысить устойчивость обвинения и эффективность борьбы с терроризмом при строгом соблюдении требований закона.

Литература:

1. Соломатина Е. А., Трощанович А. В. Материалы оперативно-розыскной деятельности как доказательства, проблемы их использования / Е. А. Соломатина, А. В. Трощанович. — М.: изд. для электронного размещения, 2018. — 14 с.
2. Теплякова О. А. Особенности и проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. — 2020. — № 3 (25). — С. 71–76.
3. Литвинова И. В. Допустимость электронных доказательств, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий // Criminal Judicial Proceeding. — 2023. — № 3. — С. 36–39.
4. Мамедов Р. Я. Исследование проблем допустимости изъятых в ходе оперативно-розыскных мероприятий электронных носителей и их приобщения к материалам проверки сообщения о преступлении // Пробелы в российском законодательстве. — 2022. — Вып. 6. — С. 225–231.
5. Хрипкова Е. Е. Законность и допустимость оперативно-розыскных мероприятий: современные вызовы и правовые решения // Научный лидер. — 2025. — № 19 (220). — С. 5–12.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 17.12.2025. Дата выхода в свет: 24.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.